

Это цифровая копия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие засиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредиринали некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оптического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slow 4341.36 .5 (2)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

✓ 1185

СОЧИНЕНИЯ

Э. И. ГУБЕРА,

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Г. ТИХИЧЕНКА.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ А. СМИРДИНА СЫНА И КОМП.

1859.

Slav 4341.36.5(2)

Slav 4341.36.5(2)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. 13 Января 1859 г.

Цензоръ В. Бекетовъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

ФАУСТЬ,

ТРАГЕДИЯ ГЕТЕ,

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ОГЛАВЛЕНИЕ II^{го} ТОМА.

Страницы.

Посвящение Губера памяти А. С. Пушкина	III
Предисловие	VII
Фаустъ, первая часть	1
Примѣчанія	271
Изложеніе второй части Фауста	285

ПОСВЯЩЕНО

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

А. С. ПУШКИНА.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Когда меня на подвигъ трудный
Ты, улыбаясь, вызывалъ,
Я вѣрилъ силъ безразсудной
И трудъ могучій обѣщалъ.

Съ тѣхъ поръ одинъ, вдали отъ свѣта,
Отъ праздной нѣги бытія
Благословеніемъ поэта
Въ ночныхъ трудахъ крѣпился я.

И грозный образъ исполнна
Явился пламеннымъ мечтамъ,
И вскрылась дивная картина
Моимъ испуганнымъ очамъ.

Тогда невѣдомыя муки
Глубоко въ грудь перелились
И думы въ пламенные звуки,
Въ глаголы жизни облеклись.

Ты разбудилъ иѣмые силы,
 Ты завѣщалъ мнѣ новый свѣтъ —
 И я къ дверямъ твоей могилы
 Несу незрѣлый, блѣдный цвѣтъ.

Въ иѣ мой тоскѣ, вѣали отъ свѣта,
 Въ своей незнамой тиши,
 Я приношу на гробъ поэта
 Смиренный даръ моей души.

Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
 Простая дань души простой,
 Не поразить могучимъ словомъ
 И не богата красотой.

Нѣтъ, въ грустный часъ томящей муки
 Мнѣ громкихъ пѣсенъ не дано!
 Мнѣ облекать въ живые звуки
 Моей тоски не суждено!

Но надъ могилою кровавой
 Я брошу блеклый мой листокъ,
 Пока сплететь на гробѣ славы
 Другой пѣвецъ — другой вѣнокъ! (*)

(*) Сравни Т. I. стр. 201—203.—*Прил. А. Т.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Умъ человѣка стремится къ познанію; міръ вещественный, доступный его изслѣдованіямъ, неудовлетворяетъ бурного, врожденного стремленія. Погружаясь въ созерцаніе духовнаго, отвлеченнаго міра, этотъ умъ доходитъ до предѣла человѣческаго изученія. Предъ нимъ неразгаданное начало жизни; горе ему, ежели онъ, уповая на слабыя силы свои, не устрашится вопрошать природу о вѣчныхъ, непроницаемыхъ тайнахъ ея! Смиреніе, сознаніе собственной немощи — удѣль человѣка, когда стоитъ онъ передъ лицомъ невидимаго создателя. Но бурное стремленіе ума, не признающаго этихъ благодѣтельныхъ границъ, истощится въ напрасной, высокомѣрной борьбѣ — и вѣра, этотъ краеугольный камень жизни, съ ужасомъ скроется при дерзкихъ вопросахъ сомнѣнія. Отвергая единственный путь къ спасенію, человѣкъ идетъ по дорогѣ своего произвола и этотъ произволъ ведетъ его къ погибели. Въ прежнія времена, набожные люди съ сожалѣніемъ называли такого человѣка союзникомъ *нечистой силы*.

Возвышаясь надъ міромъ чувственнымъ, не ограничиваясь виѣшнею природою, мы создаемъ себѣ духовный міръ и населяемъ его порожденіями пламенного вымысла. Объясняя борьбу противодѣйствующихъ силъ въ природѣ и видимое зло, мы принимаемъ идею двухъ враждебныхъ началъ. До божественной религіи Христа, эта идея преобладала въ религіозныхъ системахъ Парсовъ. Въ *Зандавестъ* начало добра выражаетъ *Ормуздъ*, а въ лицѣ *Аримана* представляется начало зла. Эта идея переходила отъ народа къ народу, высказываясь подъ различными формами, которые всегда соотвѣтствовали понятіямъ вѣка и націи. Такъ, до X столѣтія по Р. Х., олицетвореніе сатаны сопровождалось всѣми воображаемыми ужасами. Послѣ того идея воплощенаго зла смягчилась — и мы до начала XIII столѣтія встрѣчаемъ лукаваго въ благообразномъ видѣ шута, обманщика и пр. Въ это время, благодаря пылкому воображенію вѣка, чортъ опять является страшнымъ пугающимъ народа. Самая реформація не можетъ остановить этого направленія и только позднѣйшему времени было предоставлено конечное разоблаченіе нелѣпыхъ предразсудковъ.

Одно изъ первыхъ преданій, которое дошло до насъ о договорѣ человѣка съ нечистою силой, есть преданіе о св. Феофилѣ⁽¹⁾. Онъ жилъ по легендѣ въ Сициліи около 835 г. и при посредничествѣ еврейскаго чернокнижника заключилъ письменный договоръ

(1) См. въ Anzeiger fr Kunde des deutschen Mittelalters стр. 266. 1834, стихотвореніе Miliatriur, собственность Моне.

съ чортомъ. Но средніе вѣка, съ ихъ политическими и религіозными борьбами, съ ихъ стремлениемъ ко всему чудесному и таинственному, породили и развили вполнѣ всѣ эти дивныя преданія о чернокнижникахъ и волшебникахъ всякаго рода. При недостаточномъ и неочищенному религіозномъ воззрѣніи, при невѣжественномъ состояніи наукъ, люди ученые, мыслители, опередивши свое столѣтіе, подвергались строгому, неотступному сомнѣнію черни. Характеристическая черта среднихъ вѣковъ, жажда чудеснаго, искала для объясненія самыхъ простыхъ явлений сверхъ-естественныхъ причинъ. Виргилій, Мерлинъ ⁽¹⁾, Цито, Малагисъ, Клинзоръ, Faustъ, всѣ происходятъ изъ одного и того-же источника, измѣняясь только въ подробностяхъ по характеру націи.

Преданіе о Виргиліи принадлежитъ по своему основанию глубокой древности. Много въ немъ заимствовано изъ *книги семи мудрецовъ*, которая уже въ XII столѣтіи была переведена съ греческаго на латинскій языкъ. Греческій оригиналъ самъ-по- себѣ переводъ съ персидскаго, куда эта книга вѣроятно перешла изъ Индіи. Прежде мы знали объ этомъ преданіи только по книгѣ, изданной въ Амстердамѣ въ 1552 г. ⁽²⁾ Неизвѣстный писатель XIII столѣтія упоминаетъ о немъ

⁽¹⁾ См. Вильмсена: *Cours de littérature française*. Т. II. 1830. Р. 295. и Шмидта *Ergänzung des Dunlop*.

⁽²⁾ Подъ заглавіемъ: *Een schone Historie van Virgilius, van zyu Leven, Doot, ende van zyn wonderliche Werken, di hi deede by Nigro mantien ende by dat behulpe des Duyvels*.

въ liber de mirabilibus Romae (¹). Въ этомъ же столѣтіи мы встрѣчаємъ еще свидѣтельство о немъ въ otia imperialia Гервазія Тильбуріенскаго и въ книгѣ Александра Некама de naturis rerum. Преданіе говоритъ о путешествіяхъ Виргилія по Италии и Англіи и о чудесахъ, которыя онъ совершалъ, угождая папѣ, королю Артуру и другимъ. Возвращаясь изъ Англіи, онъ поселился въ Италии и — основалъ Неаполь! Доживъ до глубокой старости, онъ выдумалъ странный способъ, по которому ему хотѣлось снова помолодѣть. Слуга Виргилія, по приказанію своего господина, изрубилъ его въ куски и положилъ разрубленныя части по естественному порядку ихъ въ бочку, которую онъ поставилъ подъ зажженную лампу. Виргилій долженъ былъ ожить черезъ три недѣли; попытка несчастнаго волшебника къ сожалѣнію не удалась; а бѣдный слуга его умеръ на плахѣ за то, что онъ умертвилъ великаго мужа, не узнавъ, дѣйствительно ли находился онъ въ союзѣ съ нечистою силою.

Но еще яснѣе высказывается характеристика среднихъ вѣковъ въ разсказахъ о Фаустѣ. Здѣсь преданія становится общимъ достояніемъ народа, ходячей сказкою вѣка. Вся повѣсть отражается въ яркихъ оттенкахъ того времени. Фаустъ, окруженный толпою любопытныхъ, сопутствуемый странствующими студентами (scholatici vagantes), которыхъ Конрадъ Генснеръ такъ выразительно называетъ gross Leutbescheisser (²) — замѣчательный, типическій характеръ

(¹) Си. Шмидта Beiträge zur romantischen Poesie.

(²) Си. его сочиненіе: Schimpf und Ernst, welches durchläuft

своего столѣтіи. Дѣйствительное существованіе этого лица въ началѣ XVI вѣка почти не подвержено сомнѣнію. Богословъ Илацій одинъ изъ первыхъ упоминаетъ о немъ въ своемъ разсужденіи de spectris et lemuribus. Іоаннъ Манлій⁽¹⁾ говоритъ, что онъ родился въ Кундлингѣ, въ небольшомъ швабскомъ го-родкѣ, а образовался въ Краковѣ. Виръ называетъ его обманщикомъ, а Конрадъ Геснеръ сравниваетъ съ извѣстнымъ Феофрастомъ Парадельсомъ. Мартынъ дель-Ріо⁽²⁾ и Нейманъ⁽³⁾ говорятъ, что Фаустъ и Корнелій Агріппа имѣли дурное обыкновеніе расплачиваться съ должниками такими серебряными монетами, которая по уходѣ ихъ превращались въ рогъ или желѣзо. Меланхтонъ⁽⁴⁾ и Лютеръ⁽⁵⁾ упоминаютъ тоже о Фаустѣ, какъ о дѣйствительномъ лицѣ. Но одно изъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ заключается въ словахъ Бегарди⁽⁶⁾. Онъ говоритъ о немъ съ такою наивною простотою, съ такими подробностями, что въ его описаніи ясно высказывается сужденіе современника о современникѣ⁽⁷⁾.

der Welt Handel, mit viel schönen und kurzweiligen Exempeln und Gleichnissen, Parabeln und Historien etc. Augsburg. 1536.

(1) Въ своихъ Colectaneis locorum communium, стр. 88.

(2) См. Disquisitiones magicae.

(3) См. Disquisitio historica de Fausto. (Cap. 1. § VIII).

(4) См. Горста: Zauberbibliothek, Th. VI, S. 87.

(5) См. Гёрресе: Volksbücher, S. 212.

(6) См. статью Стиглица о Фаустѣ въ Raumer's historisches Taschenbuch, 1834.

(7) См. Dr. J. Leutbecher: Ueber den Faust von Göthe. 1838.

Имя Фауста часто смѣшивалось съ другими. Фаустъ Социнусъ, Іоаннъ Сабелликусъ, или Фаустусъ minor, Фаустъ, или вѣрнѣе Фустъ, изобрѣтатель книгопечатанія, у многихъ писателей встрѣчаются подъ собирательнымъ именемъ чернокнижника Фауста. Самое достовѣрное извѣстіе о немъ принадлежитъ Манлію; по его свидѣтельству Фаустъ родился въ Кундлингѣ, или точнѣе въ Книтлингенѣ (такъ по-крайней-мѣрѣ называется этотъ городокъ на гоманновыхъ картахъ) (¹), а не въ Родѣ, какъ говоритъ Видманнъ, и не въ Зонневедель, какъ думаетъ Пфистеръ. По тому-же извѣстію онъ воспитывался въ Витенбергѣ, Ингольштадтѣ и Краковѣ. Самая древняя исторія Фауста принадлежитъ Шпессу (²), самая полная Видману и Пфистеру (³); я сообщаю здѣсь краткое содержаніе этого преданія, дѣй того, чтобы показать, какія данности послужили основаніемъ геніальному произведенію Гёте.

По Видману, Фаустъ родился въ графствѣ Ангальтѣ, въ мѣстечкѣ Зондведель. Онъ воспитывался на иждивеніи богатаго дяди, потому что родители его были

(¹) См. Вебера: *Göthe's Faust.* Halle. 1836, стр. 16.

(²) Подъ заглавиемъ: *Die Historia von Dr. Johann Fausten, den weit beschreiten Zauberer und Schwarzkünstler etc. gedruckt zu Frankfurt a. M. durch Joh. Spiess. MDCCXXXVIII.*

(³) *Das ärgerliche Leben und schreckliche Ende des vielberüchtigten Erzschwarzkünstlers Dr. Johannis Faust's, erstlich vor vielen Jahren fleissig beschrieben durch Gh. R. Widmann, jetzo auf's neue übersehen und sowohl mit neuen Erinnerungen als nachdenklichen Fragen und Geschichten der heutigen bösen Welt zur Warnung vermehrt durch J. Nicolaum Pfitzerum, Med. Doctor etc. 1674.*

бѣдные, но набожные люди. Въ Ингольштадтѣ онъ занимался богословіемъ. Но пламенное желаніе познакомиться съ такъ называемыми тайными науками и искусствами, столь славными въ это время т. е. до реформаціи Лютера, отклоняетъ его отъ избраннаго пути. Съ согласія дяди онъ предается изученію медицины и астрономіи. Окруженный астрологическими, некромантическими и другими магическими книгами, онъ въ три года достигаетъ ученой степени доктора по медицинскому факультету.

Смерть дяди дѣлаетъ его наслѣдникомъ значительного имѣнія. Faустъ въ сообществѣ веселыхъ товарищѣй, въ шумныхъ пирахъ, не думая о будущемъ, проживаетъ свое достояніе. Въ это время знаменитый заклинатель духовъ, именемъ Христоффъ Гайлінгеръ, даритъ ему *духа-кристалла* и Faустъ все болѣе и болѣе погружается въ изученіе черной магіи, увлекаясь общимъ направленіемъ своего столѣтія. Прогуливаясь за-городомъ, онъ находитъ широкое пепропутіе съ пятью разъездами. На этомъ мѣстѣ онъ проводитъ круги по правиламъ некромантіи; потомъ съ восхожденіемъ полнаго мѣсяца вступаетъ въ самый внутренній кругъ и заклинаетъ лукаваго въ первый, во второй и въ третій разъ. Огненный шаръ съ трескомъ носится по воздуху, лѣсъ шумитъ, туча закрываетъ луну. Наконецъ является духъ ада и обѣщаетъ Faусту навѣстить его на слѣдующій день. На этотъ разъ сатана былъ вѣренъ данному слову и Faустъ заключаетъ съ нимъ условіе на 24 года. Онъ покупаетъ цѣною безсмертной души временные блага крат-

кихъ земныхъ наслажденій. Сатана по важности сана своего, не соглашается быть его прислужникомъ, но посыпаетъ ему другаго подвластнаго духа (*spiritus familiaris*) въ видѣ Мефистофеля (¹). Съ этихъ поръ начинается эпоха знаменитыхъ дѣяній чернокнижника Фауста. Онъ путешествуетъ на волшебномъ коврѣ; въ Лейпцигѣ выѣзжаетъ верхомъ на огромной бочкѣ изъ погреба Ауэрбаха, о чёмъ и донынѣ еще хранится изображеніе на стѣнахъ этого погреба; въ Боксбергѣ онъ передъ глазами цѣлаго общества руками снимаетъ радугу съ неба; здѣсь онъ съѣдаетъ цѣлый возъ сѣна, тамъ увеселяетъ кардинала страшною, воздушною охотою. Случай сводить Фауста въ Витенбергѣ съ бѣдною дѣвушкою; онъ влюбляется; по договору онъ отказался отъ брака; но страсть его усиливается и чортъ предлагаетъ ему наконецъ въ замѣну бѣдной, нѣмецкой мѣщанки знаменитую красавицу древности, жену Менелая, дивную волшебницу Елену. Фаустъ, *comme de raison*, соглашается. И вотъ поэтическая дѣва Иліады, роскошная красавица классической Греціи, поселяется въ пыльномъ кабинетѣ нѣмецкаго ученаго! Фаустъ упивается нераздѣльными ласками женщины, за поцѣлуй которой погибла несчастная Троя. Но время

(¹) *Магазъ по еврейски издыханіе* см. Schwenk's etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache, стр. 431. Веберъ (Göthe's Faust стр. 19) производитъ это слово отъ гр. ὡφελεῖν, quem mephites juvant. Еще вѣрнѣе, кажется мнѣ, соединить слово mephitis съ греческимъ глаголомъ γιλεῖν; это мнѣніе подтверждается нѣкоторымъ образомъ и самимъ преданіемъ, которое всегда употребляетъ слово Мефистофилесъ.

идетъ; срокъ приближается, чортъ неумолимъ; никакая власть не отсторонить назначеннаго времени.

Приговоръ судьбы неизбѣженъ—и Фаустъ готовится къ смерти. Онъ призываетъ Вагнера. Этотъ Вагнеръ (¹) его ученикъ, посвященный имъ въ таинства магическихъ наукъ. По преданію онъ былъ сынъ священника изъ Вассербурга. Замѣтивъ его счастливыя дарованія, Фаустъ принялъ его къ себѣ и далъ ему въ прислужники демона, въ видѣ обезьяны, котораго называли Ауэрганъ. Похожденія Вагнера жалкая пародія преданія о Фаустѣ. Роскошную жену Менелай замѣняетъ беззубая старуха; вместо 24 лѣтъ чортъ соглашается только на пять. По всему видно, что въ это время магія приходила въ упадокъ. Книгопечатаніе, открытие Америки и реформація заняли умы другими, ближайшими вопросами и только въ длинные, зимніе вечера еще слушали разсказы о чернокнижникахъ и о союзѣ ихъ съ нечистою силою, и о подвигахъ, которыми они ужасали людей. Но возвратимся къ нашему предмету. Фаустъ открываетъ Вагнеру свою послѣднюю волю, передаетъ ему свои сочиненія и еще разъ, собравъ послѣднія силы, предсказываетъ будущее, близкое паденіе папы, разрушеніе Рима, страшную невзгоду и кровавую войну на берегахъ Рейна.

(¹) См. Des durch seine Zauberkunst bekannten C. Wagners, weiland gewesenen Famulis Dr. Johannis Faustens, Leben und Thaten von J. Schotus Tolet, in deutscher Sprache geschrieben und nunmehr mit einer Vortrede vermehrt durch P. J. M. 1714.

Потомъ онъ приглашаетъ своихъ друзей на послѣдній, предсмертный пиръ. Пѣсни гремятъ, вино наполняетъ бездонныя чаши, гости шумятъ и веселятся. Только хозяинъ печаленъ; только Фаустъ не раздѣляетъ общей радости: онъ чувствуетъ приближеніе смерти, прощается съ друзьями и уходитъ въ свою комнату. Въ полночь испуганные гости услышали страшный шумъ и дикое завываніе бури; потомъ наступила мертвая тишина. Въ комнатѣ Фауста нашли его тѣло, разорванное на мелкія части.

Послѣ Фауста осталось нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ одно издано Вагнеромъ подъ заглавіемъ: Dr. Johannis Fausti Magia celeberrima und tabula nigra oder Höllezwang etc. Lion. 1511. Другое его сочиненіе, о которомъ упоминаетъ Штиглицъ, называется: Dr. Johannis Fausti sogenannter schwarzer Mohrenstern, gedruckt zu London. Въ этихъ книгахъ заключаются разныя правила и формулы, какъ заклинать духовъ и принудить ихъ къ исполненію различныхъ приказаний.

Это преданіе вполнѣ принадлежитъ Германії. Весь разсказъ представляетъ вѣрную картину нѣмецкаго быта того времени. Но идея преданія принадлежитъ человѣчеству и подъ различными формами повторяется у всѣхъ народовъ Европы. Въ Голландіи еще въ XVI столѣтіи вышелъ переводъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Historie van Dr. Faustus, die eenen nitnemenden groote Toovenar ende swert Constenar was, nit de Hoch-Duytschen oversien ende mit figuren verclart. Emmerich. 1592. Во Франціи преданіе явилось въ

первый разъ въ 1604 г. въ Руэнѣ подъ названіемъ: *L'histoire prodigieuse et lamentable de Jean Faust, grand et horrible enchanter, avec sa mort erouvantable.* Въ Англіи Марловъ создалъ по тому-же преданію свою геніальную драму, а въ Испаніи оно вмѣстѣ съ легендою о св. Кипріянѣ послужило основаніемъ *чудотворнаю мага* Калдерона. Въ Италіи изъ Фауста образовался донъ-Джіовани, а въ Польшѣ панъ Твардовскій. И у насъ многія народныя преданія напоминаютъ туже идею.

Ежели мы послѣ этого спросимъ, почему-же Фаустъ сдѣлался достояніемъ всѣхъ литературъ, почему мы встрѣчаемъ его и въ сказкахъ, и въ балладахъ, и въ романѣ, и въ драммахъ, то мы найдемъ разрѣшеніе нашего вопроса въ обширной идеѣ самаго преданія. Фаустъ навсегда останется однимъ изъ могущественнѣйшихъ предметовъ поэзіи, потому-что идея его тѣсно связана съ внутреннею жизнью человѣка, потому-что всѣ мы болѣе или менѣе пережили хотя одну изъ пестрыхъ главъ этого преданія. Въ исторіи Фауста заключена исторія цѣлаго человѣчества. Эта борьба, это стремленіе къ безусловному познанію, эта сила, эта немощь, это высокомѣріе всегда найдутъ живой отголосокъ въ сердцахъ людей. Поэтъ, развивая идею Фауста, никогда не будетъ подражателемъ, потому-что онъ самъ отразится въ немъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ. Идея также, но въ тысячи новыхъ видахъ, въ безконечномъ разнообразіи.

Возьмите *чудотворнаю мага* Калдерона, — какое глубокое религіозное чувство, какое пламенное кра-

сноръчіе характеризуетъ это созданіе испанскаго поэта! Какими яркими красками, какою широкою кистью изображена немощь слѣпца человѣка и побѣдная сила религіи! Сравните же этого пламенного мага Калдерона съ современными ему, грубыми представлениями Fausta на марионетныхъ театрахъ Германіи. Полюбуйтесь на эту жесткую фигуру нѣмецкаго ученаго и на забавныя выходки Касперле, этого национального Пьерро или Арлекина. Теперь посмотрите на драмму геніального Марлова, этого замѣчательнаго предшественника Шекспира. И онъ пользовался преданіемъ такъ, какъ оно есть; но характеры обрисованы твердою, смѣлою рукою. Идея также, но сколько разнообразія въ исполненіи! Въ этомъ общемъ содержаніи вездѣ отпечатокъ индивидуальности, вездѣ направленіе одного человѣка. Въ Англіи вообще занимались обработкою этого преданія, а въ новѣйшія времена пользовались для сего произведениемъ Гёте; такъ написалъ Байронъ свои *deformed transformed*, такъ задумалъ онъ Манфреда. Сравнивая послѣдняго съ дивнымъ созданіемъ Гёте, мы находимъ въ Манфредѣ тѣсную, ограниченную индивидуальность человѣка, котораго терзаютъ страсти, сомнѣнія и тайная Немезида собственнаго сознанія. Мы понимаемъ ужасъ его отчаянія, мы идемъ за нимъ и дрожимъ за него, потому-что нась поражаетъ странная индивидуальность Манфреда. Faustъ не таковъ; здѣсь исчезаетъ всякая особенность въ общемъ характерѣ человѣка.

За Манфредомъ мы слѣдили съ участіемъ, какъ

за характеромъ, который оставаясь намъ чуждымъ, возбуждаетъ въ высшей степени наше вниманіе. Но видѣть съ Фаустомъ мы плачемъ, страдаемъ и блаженствуемъ; мы не можемъ его отдать отъ самихъ себя; онъ наше зеркало; въ немъ отражается исторія цѣлаго человѣчества, со всѣми его страданіями, страстями и слабостями.

Лессингъ (¹) первый воспользовался философическою мыслю этого преданія. Жаль, что произведеніе его осталось неконченнымъ. Нѣсколько сценъ, которых дошли до насъ, исполнены мысли и энергіи; онѣ во всякомъ случаѣ возбудили охоту другихъ поэтовъ представить преданіе Фауста съ философической стороны. Второе замѣчательное произведеніе принадлежитъ Мюллеру. Оно отличается многими яркими мѣстами. Мюллеръ вообразялъ Фауста геніальнымъ человѣкомъ, который съ глубокою ненавистью къ людямъ, соединялъ презрѣніе ко всему посредственному. Утомясь ненасытною жаждою познаній и славы, наскучивъ жизнью, которая не могла удовлетворить его высокаго стремленія, онъ предается силамъ ада. Мюллеръ съ большимъ искусствомъ вводитъ отца Фауста, доброго набожнаго старика, котораго страшить несчастное направленіе сына. Сцена между ними выполнена съ необыкновенною силою. — Клинглеманъ обработалъ тоже преданіе для сцены; его произведеніе не выдержитъ строгаго разбора; напыщенный языкъ, ложные

(¹) См. Lessing's theatricalischer Nachlass, посымо Энгеля. Ч. 2, стр. 213.

характеры не искупаются театральными эффектами.— Граббе, несчастный, гениальный поэтъ, котораго еще такъ недавно погубила страшная, внутренняя борьба, соединилъ Фауста и донъ-Жуана въ одноимъ сочиненіи. Это созданіе носитъ на себѣ яркій отпечатокъ смѣлага, пламенного художника, который еще не управился съ мятежнымъ воображеніемъ. Въ послѣдніе годы, Ленау одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ нынѣшней Германіи, издалъ Фауста, который отличается оригиналнымъ возврѣніемъ на преданіе и превосходнымъ изложеніемъ.

Лейтбехеръ ⁽¹⁾ приводитъ любопытной списокъ замѣчательнѣйшихъ немецкихъ произведеній, порожденныхъ этимъ преданіемъ. Вотъ онъ:

- 1) Eine Scene von Lessing in dessen Briefen, die neueste Literatur betreffend, Th. 1. S. 103, und in den Annalen für die Literatur. Th. 1. S. 210; auch im 2 Th. von Lessings theatricalischen Nachlasse.
- 2) Johann Faust, ein allegorisches Drama in funf Aufzügen. München. 1775.
- 3) Der Höllenrichter, von Lenz; ein Fragment im deutschen Museum vom Jahre 1777. Mai, S. 254.
- 4) Situationen aus Faust's Leben, vom Maler Müller. Mannheim, 1776; auch im 2 Theile von Müller's Werken.
- 5) Faust's Leben, dramatisirt von Maler Müller. Mannheim. 1778; auch im 2 Theile von Müller's Werken.
- 6) Dr. Faust's Leibgürtel. Posse in einem Ackt, nach Rousseau: devin de village, im 3 Bande von Reichard's Theater der Ausländer.

⁽¹⁾ См. Dr. Leutbecher: Ueber den Faust von Goethe. S. 95, 1838.

- 7) Scenen aus Faust's Leben, von Schreiber. Offenbach. 1792.
- 8) Dr. Faust. Volksschauspiel vom Grafen von Soden. Augsburg, 1797.
- 9) Der neue Faust. Ein Duodrama von Schink, im Buche: zum Behuf des deutschen Theaters.
- 10) Dr. Faust's Bund mit der Hölle, von Schink, im Berliner Archiv der Zeit und ihres Geschmackes, vom Jahre 1796.
- 11) Johann Faust, dramatische Phantasie von Schink, 1804.
- 12) Faust. Tragödie in einem Act, von Chamisso, in dessen Musenalmanach. 1804.
- 13) Die Jubelfeier der Hölle, oder Faust der Jüngere. Schauspiel in fünf Acten, von Benkowitz. Berlin, 1808.
- 14) Der Färberhof, oder die Buchdruckerei in Mainz, von Nicolaus Vogt.
- 15) Faust. Eine romantische Tragödie, von Schöne. Berlin. 1809.
- 16) Der travestirte Faust. Trauerspiel in zwei Acten. Berlin. 1809.
- 17) Faust. Eiu Trauerspiel, nach der Volkslegende bearbeitet von Klingemann. Leipzig, 1815.
- 18) Scenen aus Faust's Leben. Vom Verfasser der Adelheid von Schlesien.
- 19) Faust und Don Juan. Tragödie in funf Acten, von Grabbe. Frankfurt a. M. 1829.
- 20) Faust, der wunderthätige Magus des Nordens, von Holtei.
- 21) Faust im Gewande der Zeit, von Harro Harring. Leipzig. 1831.
- 22) Mantelkragen des verlorenen Faust, von Harro Harring. 1831.
- 23) Faustische Scenen von Gustav Pfizer. Im Morgenblatt vom Jahre 1831.
- 24) Faust von Lenau. Fragment. Im Frühlings-Almanach vom J. 1835.

- 25) Faust. Ein dramatisches Gedicht von J. v. B. Leipzig. 1835.
- 26) Faustus. Ein Gedicht von L. Bechstein. Leipzig. 1833.
- 27) Fortsetzung von Göthe's Faust, als zweiter Theil, von Schöne.
- 28) Geistlich Nachspiel zur Tragödie Faust, von Rosenkranz. Leipzig. 1831.
- 29) Faust eine Tragödie von Göthe, fortgesetzt von Hoffmann. Leipzig. 1832.
- 30) Dr. Faust's Mantel, ein Zauberspiel mit Gesang in zwei Acten, von Bäuerle. Wien, 1819.
- 31) Faust. Trauerspiel mit Gesang und Tanz, von Julius v. Voss.
- 32) Faust. Oper in vier Aufzügen, von Bernhard, Musik von Spohr.
- 33) Fausto, opera seria, in drei Acten. Musik von Louise Bertin. Paris.
- 34) Dr. Faust, eine Erzählung von Hamilton, frei übersetzt von Milius.
- 35) Faust's Leben, Thaten und Höllenfahrt in 5 Büchern, von Klinger.
- 36) Faust von Mainz, von Kamarak.
- 37) Der umgekehrte Faust, oder Frosch's Jugendjahre. Von Seyblod.
- 38) Faust's Lehrling. Eine kleine Erzählung von Gerle.
- 39) Faust von Lenau. Vollständig. Stuttgart bei Cotta.

По грубой канвѣ этого богатаго преданія, лучшаго поэтическаго наслѣдія среднихъ вѣковъ, котораго содѣржаніе мы изложили выше, Гёте создалъ свое бессмертное твореніе. Еще въ 1786 году явился первый отрывокъ; потомъ онъ былъ значительно дополненъ и въ 1808 г. перешелъ въ новое изданіе всѣхъ сочиненій Гёте. Окончательное развитіе принадлежитъ

1831 году. По этому видно, что создание Фауста сдѣлалось задачею всей гѣтевой жизни. Въ немъ изложилъ онъ тайную исповѣдь души, въ немъ отразилась великая, заповѣдная дума одного изъ бессмертныхъ мыслителей человѣчества. Рассматривая различныя поэтическія произведенія, возбужденныя этимъ преданіемъ, мы находили въ нихъ всегда какое-то индивидуальное направленіе, ни одно изъ нихъ не возвысилось до общаго человѣческаго воззрѣнія.

Въ гѣтевомъ созданіи мы видимъ противное. Въ немъ отражается направленіе общаго человѣческаго характера, со всею полнотою истины, жизни и силы. Въ немъ высказывается таинственная загадка бытія, въ немъ скрывается философія жизни, въ полномъ ея развитіи. Это глубокая исповѣдь шестидесятилетняго опыта, это бессмертная мысль, упавшая въ тайные изгибы великой души, возлѣянная умомъ и сердцемъ, созрѣвшая въ богатой сокровищницѣ многодумного созерцанія. Гѣте вывелъ героя преданія изъ темной сферы чернокнижника и алхимика среднихъ вѣковъ. Онъ сдѣлалъ его символомъ нашего духовнаго стремленія; онъ изобразилъ въ судьбѣ его судьбу человѣчества. У него является Фаустъ отважнымъ бойцомъ въ страшной борьбѣ вѣры и познанія, въ борьбѣ, столь гибельной для мыслящаго ума человѣка. Онъ стоитъ на страшной границѣ земнаго знанія, тамъ гдѣ прерывается слабая нить изученія, гдѣ безмолвствуетъ смѣлое слово самыхъ отважныхъ философическихъ системъ, тамъ гдѣ совершается таинственный процессъ соединенія духа и плоти! Здѣсь

кончается лукавое, бесполезное мудрствование, здесь одна только вѣра подаетъ намъ посохъ спасенія. Но и это религіозное довѣріе, это смиренное благоговѣніе многими добывается только въ борьбѣ съ мятежнымъ умомъ, какъ отрадный плодъ успокоенаго сомнѣнія. Мирное самоотверженіе, тихое, терпѣливое смиреніе не дано человѣку безусловно. Онъ изъ дѣтской колыбели переходитъ въ міръ труда и испытанія. На первыхъ ступеняхъ науки его поджидаетъ сомнѣніе; каждый шагъ на поприщѣ знанія совершается на счетъ невинной, дѣтской безпечности, на счетъ утѣшительныхъ, безмитежныхъ вѣрованій младенчества. Пройти сквозь мракъ земныхъ противорѣчий — его назначеніе. Оно исполняется возвращеніемъ *къ вѣрѣ*. Конечный результатъ его борьбы заключается въ отрадномъ успокоеніи религіи. Но зато, когда надменный титанъ, увлеченный избыткомъ самонадѣянаго ума, это звѣно, вырванное высоко-мѣрнымъ стремлениемъ изъ стройной цѣпи существъ, истомится борьбою и съ теплыми слезами раскаянія возвратится въ объятія религіи — какъ успокоительно, какъ торжественно вѣрованіе титана! Многіе проходили этотъ печальный путь и въ горнилѣ сомнѣнія очищали грѣшную душу для новыхъ подвиговъ смиренія, для новой вѣры, для новой жизни! И въ этой борьбѣ, и въ этой возможности пройти дорогой боренія къ отрадной пристани вѣры, заключается основная идея, великая, нравственная идея безсмертнаго созданія Гёте. Она ясно высказывается во второмъ прологѣ стихами:

Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst. (¹)

Эта борьба ума, жаждущаго удовлетворенія въ безусловномъ познаніи, со всѣми его заблужденіями, такъ близка къ природѣ нашей, что мы не можемъ оторвать себя отъ вопроса, который такъ тѣсно связанъ съ внутреннею жизнью человѣка. Фаустъ уже не чуждое намъ, не постороннее лицо; въ немъ разрѣшается загадка собственной нашей жизни, печальная тяжба нашего ума, связанного ненарушимыми границами. Фаустъ, перешедъ обширную область земнаго знанія, съ самостоятельнымъ взглядомъ на науку, поражаетъ насъ мучительнымъ сознаніемъ собственной немощи. Потерявъ путеводную нить религіи, зная, что природа не снимитъ для него покрывала, не выдастъ ему своихъ таинственныхъ загадокъ, онъ призываетъ силы ада, онъ становится союзникомъ воплощенаго зла, стараясь заглушить неумолкающей голосъ души въ шумныхъ оргіяхъ чувственности. Этотъ страшный договоръ былъ дѣйствиемъ мгновеннаго ослѣпленія впезапнаго отчаянія. Первые порывы негодованія остынутъ и Фаустъ проснется съ горькимъ сознаніемъ своего заблужденія. Я старался подробнѣе объяснить развитіе основной мысли въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ моему переводу.

(¹) См. Dr. Leutbecher: Ueber den Faust von Gœthe, стр. 216. Weber: Gœthe's Faust. стр. 46. Duntzer: Gœthe's Faust in seiner Einheit und Ganzheit, стр. 26. Carus Briefe über Gœthe's Faust, стр. 48. Fr. Deyk's Gœthe's Faust стр. 11.

Это глубокое созданіе Гёте, лучшій памятникъ германской словесности, сдѣлалось предметомъ изученія многихъ замѣчательныхъ мыслителей. Не мудрено, что въ этихъ толкованіяхъ много разногласія; всякий смотрѣлъ на этотъ вопросъ и на его разрѣшеніе своими глазами. Не смотря на то, всѣ эти сочиненія послужили къ лучшему уразумѣнію идей, изложенныхъ въ этомъ безсмертномъ произведеніи. Я привожу здѣсь заглавія замѣчательнѣйшихъ сочиненій этого рода, тѣмъ болѣе, что пользовался ими при составленіи предисловія и примѣчаній, приложенныхъ къ моему переводу:

Aesthetische Vorlesungen über Göthe's Faust, als Beitrag zur Anerkennung wissenschaftlicher Kunstbeurtheilung, von Dr. H. F. Hinrich's. Halle, 1825.

Vorlesungen über Göthe's Faust, von K. E. Schubarth. Berlin, 1830.

Vorlesungen über Göthe's Faust, von F. A. Rauch. Büdingen, 1830.

Die Darstellnng der Tragödie Faust von Göthe auf der Bühne. Ein zeitgemässes Wort für Theaterdirectionen etc. von L. Bechstein. Stuttgart, 1931.

Ueber Erklärung und Fortsetzung im Allgemeinen und insbesondere über christliches Nachspiel zur Tragödie Faust, von K. Rosenkranz. Leirsig 1731.

Göthe's Faust, Andeutungen über Sinn und Zusammenhang des ersten und zweiten Theiles der Tragödie, von Dr. J. Deyks. Koblenz, 1834.

Göthe aus nÄherem persÖnlichen Umgange dargestellt von J. Falk. Leipzig. 1832.

Briefe über Göthe's Faust. von C. G. Carus. Leipzig. 1835.

Göthe's Faust in seiner Einheit und Ganzheit wider seine Gegner dargestellt. Von H.-Düntzer. Köln, 1836.

Göthe's Faust, übersichtliche Bedeutung beider Theile zur Erläuterung des Verständnisses. Von W. E. Weber. Halle, 1836.

Kritik und Erläuterung des Göthe'schen Faust. Nebst einem Anhang zur sittlichen Beleuchtung Göthe's, von G. H. Weisse. Leipzig, 1836.

Ueber den Faust von Göthe. Eine Schrift zum Verständniss dieser Dichtung nach ihren beiden Theilen etc. Von D. J. Leutbecher. Nurnberg, 1838.

Не одно произведение Гёте, которого сочинения, по собственному его признанию, никогда не могли быть народными, не возбудило такого общаго внимания, какъ Фаустъ. Онъ сдѣлался достояніемъ всѣхъ литературъ. Французы имѣютъ три полныхъ перевода Сентъ-Олера, Штапфера и Жерара, не говоря объ отрывкахъ, надъ которыми между прочимъ трудилась госпожа Сталь. Въ этихъ переводахъ мы не найдемъ глубокаго изученія подлинника; пѣкоторые изъ нихъ оставляютъ даже подозрѣніе, что господа переводчики недалеко ушли въ самомъ знаніи нѣмецкаго языка. Наша литература владѣетъ нѣсколькими превосходными отрывками. Между ними первое мѣсто принадлежитъ посвященію Жуковскаго. Кто непомнить этого умилительнаго стихотворенія нашего поэта, въ которомъ высказалась вся его душа, какъ въ собственномъ, неотъемлемомъ созданіи! Сцена Пушкина такъ проникнута духомъ гётовой мысли, что она кажется вырванною изъ дивнаго творенія германскаго поэта. Грибоѣдовъ далъ намъ неполный переводъ пролога. Веневитиновъ перевелъ между прочимъ возвышенный монологъ Фауста въ пещерѣ. Все это доказываетъ, что лучшіе

наши поэты понимали и любили это могущественное созданіе Гёте. Говоря о русскихъ переводахъ я не могу умолчать объ отрывкахъ господина Бека, помѣщенныхъ подъ моимъ именемъ въ VI томѣ Современника за 1837 годъ. Случайное тождество нашихъ переводовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, близкое сходство въ другихъ, странное смѣшеніе имени, участіе, которое принималъ Пушкинъ въ моемъ трудѣ, все это заставило меня приписать ему всѣ важнѣйшія перемѣны, отмѣченныя мною тогда-же въ одномъ изъ N. Литературныхъ Прибавленій. Другія мѣста, слишкомъ слабыя для того, чтобы приписать ихъ имени Пушкина, я надѣялся измѣнить по-своему при полномъ изданіи моего перевода. Время объяснило этотъ литературный qui pro quo и я съ удовольствіемъ освобождаю себя отъ труда господина Бека.

Знаю всю недостаточность моего перевода, чувствую какъ далеко отстоитъ онъ отъ подлинника; но утѣшаю себя мыслю, что старался по-крайней-мѣрѣ не-значительность таланта вознаградить добросовѣстнымъ изученіемъ. Счастливому случаю, который позволилъ мнѣ пользоваться наставлѣніями человѣка, знаменитаго въ дѣтописяхъ философіи, я обязанъ предварительнымъ изученіемъ науки, столь необходимой для настоящаго уразумѣнія этого произведенія. Еще въ 1835 году я кончилъ первый переводъ Фауста¹, который по не- зависѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ былъ уничтоженъ тогда-же. Нѣкоторые уцѣлѣвшіе отрывки этого перевода познакомили меня съ Пушкинъмъ; имъ я обязанъ счастливыми минутами, проведенными мною

въ бесѣдѣ въ человѣкомъ, который любилъ и цѣнилъ все изящное, все прекрасное. Эти минуты навсегда останутся въ памяти моей, какъ грустное воспоминаніе объ утраченномъ невозвратимомъ счастіи. Пушкинъ ободрилъ меня ко второму переводу, который я нынѣ представляю на судъ моихъ читателей. Живое участіе, совѣты и одобренія нашего поэта воспламеняли меня новыми силами при этомъ новомъ трудѣ.

Я старался по-возможности сохранить въ моемъ переводаѣ всѣ размѣры подлинника, въ которомъ форма такъ тѣсно связана съ мыслю, такъ живо соотвѣтствуетъ чувствамъ и положеніямъ дѣйствующихъ лицъ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, где Гёте употреблялъ такъ называемые Knittelverse, жесткій, неправильный размѣръ народныхъ пѣсенъ нѣмецкихъ и миннезингеровъ XVI столѣтія, я старался сохранить оригиналъный колоритъ подлинника, не смотря на звуки, непривычные и чужды русскому уху.

Трудъ мой передъ судомъ публики; ожидаю приговора ея, безъ самонадѣянности, но и безъ боязни. Я утѣшаю себя словами гѣтева Тасса:

Was ich gewollt, ist lobllich, wenn das Ziel
Auch meinen Kräften unerreichbar blieb.

Я буду доволенъ и тѣмъ, ежели слабый трудъ мой послужитъ поводомъ къ новому лучшему переводу, болѣе достойному великаго подлинника, и первый встрѣчу его громкими, заслуженными похвалами.

МЫЗА МОЗИНО.

28-го Сентября, 1838 года.

Э. ГУБЕРЪ.

3*

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Со мной опять воздушный рой видѣній!
Ихъ образы я снова познаю!
Но удержу-ль таинственные тѣни,
Приму-ли вновь ихъ на душу мою?
Вотъ ближе онъ, мой давній, милый геній!
Отъ грустныхъ думъ я снова возстаю;
Какъ прежде, грудь живымъ огнемъ согрѣта
Отъ дивнаго волшебнаго привѣта!

О прежнихъ дняхъ ко мнѣ мечта нисходитъ
И милый я вижу тѣни вновь;
На память мнѣ, какъ будто сонъ приходитъ
И первый другъ, и первая любовь;
И снова грусть въ сѣдую даль уводитъ,
Былые дни напоминаетъ вновь
И въ счастіи обманутыхъ могилой
Моихъ друзей сзываешь образъ милый.

Они не слышатъ новыхъ пѣснопѣній,
Кто первыхъ пѣсенъ принялъ робкій звукъ;
Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
Моихъ друзей разсѣянъ тѣсный кругъ.
Чужой народъ—свидѣтель огорченій,
И страшенъ мнѣ вѣнецъ изъ этихъ рукъ!
Кто мнѣ внималь, кто радовался лирѣ,
Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждастъ міръ.

И я стремлюсь невѣдомой мечтою.
Въ туманный край невидимыхъ духовъ
И въ робкій звукъ надъ трепетной струною
Слилася пѣснь; я полонъ смутныхъ сновъ;
Слеза въ очахъ смѣняется слезою;
Для новыхъ чувствъ уста не имутъ словъ!
Все близкое въ туманѣ исчезаетъ,
Все прежнее иснѣе оживаетъ!

ПРОЛОГЪ.

ПРОЛОГЪ ВЪ ТЕАТРЪ.

ДИРЕКТОРЪ, поэтъ, комикъ.,

ДИРЕКТОРЪ.

Вы оба, съ кѣмъ такъ часто я
Дѣлилъ печальную заботу,
Скажите мнѣ, мои друзья,
За весь мой трудъ, за долгую работу,
Какая польза будетъ мнѣ
Въ нѣмецкой нашей сторонѣ?
Мнѣ любо сблизиться съ толпою;
Она живетъ и жить даетъ.
Давно шатеръ развѣшенъ предо мною
И всякъ себѣ лихой потѣхи ждетъ.
Они притихли терпѣливо,
Ушами хлопая, сидятъ
И ждутъ чудесъ и, какъ на диво,
На пестрый занавѣсъ глядятъ.

Я знаю, какъ мириться съ духомъ
Толпы безумной и слѣпой;
Съ пустымъ умомъ и съ грубымъ слухомъ;
Но ахъ, на этотъ разъ, я будто самъ не свой!
Что худо, пошло, что прекрасно,
Въ томъ неразборчива она,
За-то начитана ужасно
Пустая, глупая толпа.
Скажите, какъ къ ней подольститься?
Какъ новизной предъ ней блеснуть?
Предъ вами нечего таиться;
Люблю я на толпу взглянуть,
Когда потокомъ въ нашу лавку,
Ломаясь въ двери, привалить
И не смотря на крикъ и давку,
Часа въ четыре набѣжить;
Какъ жадно требуетъ билета,
Какъ рветъ изъ рукъ его она.....
Но эта власть надъ ней — живая власть поэта!
Она тебѣ толпой дана!

поэтъ.

Не говори мнѣ о толпѣ ничтожной,
Не заражай дыханіемъ ея!
Не призывай для ихъ забавы ложной!
Тамъ гибнетъ духъ, тамъ тлѣеть мысль моя.
Веди въ тотъ край, гдѣ чуждъ тоски тревожной,
Возрадуюсь живымъ восторгомъ я,
Гдѣ въ смутный часъ томящаго недуга
Насъ ждетъ любовь, насъ манитъ ласка друга!

О чём мы таинъ такъ пламенно мечтали,
Что вырвалось изъ глубины живой,
Что вслѣдъ мечтамъ уста пролепетали,
То въ бурный мигъ исчезнетъ предъ тобой,
И много лѣтъ промчится въ смутной дали,
Пока оно засвѣтить красотой!
Ничтожный блескъ — минутная забава;
Но истинъ наступитъ судь и слава!

КОМИКЪ.

Оставь ты правнуковъ въ покой!
Ну, кто-бы въсъ теперь смѣшилъ,
Когда-бъ на этотъ ладъ и я заговорилъ?
Вѣтъ шутка — дѣло не пустое.
Тотъ только правъ, кто разсмѣшишь;
Толпѣ нужна одна потѣха,
Она приходитъ къ намъ для смѣха
И только смѣхъ ее манитъ.
Дай ей мечты и умъ, и чувства,
И душу влей, и страсти дай;
Но выше всякихъ искусства
Забавныхъ глупостей нигдѣ не забывай....

ДИРЕКТОРЪ.

Чтобъ было имъ всего довольно!
Имъ только хочется смотрѣть,
И черни любо и привольно,
Когда дадутъ ей поглазѣть.
Толпа одной забавы проситъ,
А масса массу увлечетъ;

Кто много при себѣ несетъ,
Тотъ многимъ что-нибудь приноситъ.
Ужъ наше дѣло таково!
Чтобъ не даль ты, дай все клочками,
Потѣшь ихъ громкими словами:
Оно и мило, и легко.
Толпѣ-ли суетной въ роскошномъ, стройномъ видѣ
Свои созданія художникъ отдаетъ?
Къ его неслыханной обидѣ,
Чернь по клочкамъ ихъ разорветъ.

поэтъ.

Нѣть, я искусства не унижу
Къ торговой сдѣлкѣ ремесла!
Я счетъ корысти ненавижу!
Смотри, къ чему она тебя-же привела.

ДИРЕКТОРЪ.

Зачѣмъ упрекъ несправедливый?
Кто отъ трудовъ успѣха ждетъ,
Тотъ и безъ прихоти спѣсивой
По цѣли средства изберетъ.
Ты знаешь-ли, кто разбираеть,
Кто судить даръ высокій твой?
Одинъ отъ скучи прѣзжаетъ,
Чтобъ посмѣяться надъ тобой;
Другой съ испорченнымъ желудкомъ
Прѣдетъ къ намъ и захрапитъ,
А тотъ журналы пробѣжитъ
И судить насть чужимъ разсудкомъ.

Какъ въ маскарадъ приходить къ намъ;
Кто позывать, кто развлекаться;
Мужчины посмотретьъ на дамъ,
А дамы Ѣдутъ показаться.
Чему такъ весель полный домъ?
Смпрись, поэтъ! спустись пониже,
Взгни на мещанатовъ ближе,
Съ душой безъ чувствъ, съ пустымъ умомъ!
Всмотришь въ желанья черни важной:
Тотъ ради картъ уходитъ прочь,
А тотъ въ объятіяхъ красавицы продажной
Проводитъ бѣшеную ночь.
Для этой черни беспокойной
Не призываи ты свѣтлыхъ музъ;
Шуми, бѣсчуйся, пой, картиною непристойной
Пощекоти ихъ грубый вкусъ.
Повѣрь, имъ чуждо упоенье!
Другихъ безсмысленныхъ затѣй
Ищи для суетныхъ людей
Но что съ тобой? печаль, иль вдохновеніе?

поэтъ.

Ищи себѣ другихъ рабовъ!
Свободнымъ, гордымъ вдохновеніемъ,
Я не продамъ тебѣ наслѣдія боговъ,
Я правъ людей не затопчу презрѣніемъ!
Скажи, въ борьбѣ мятежныхъ силъ,
Кто надъ стихіей возмущенной
Мнѣ силу мощную вручилъ?
Кто мнѣ толыцъ непосвященнай

Сердца и чувства покорилъ?
Одно сочувствіе святаго вдохновенія
Изъ глубины души живой
Находитъ нить соединенія
И поглощаетъ міръ земной.
Когда судьба такъ равнодушно
Веретено свое кружитъ
И такъ нестройно, такъ бездушно
Хаосъ творенія шумить,
Кто одинокое дыханіемъ оживляетъ
И въ общую гармонію сольеть,
Кто вѣчно-равный ходъ такъ живо отдѣляетъ
И въ риѳму стройную сведеть?
Кто страсти бурей возмущаетъ?
Кто намъ изобразитъ вечерній лучъ зари,
И кто рошкошный путь любви
Цвѣтами нѣги устилаетъ?
Кто славѣ дасть торжественный отвѣтъ?
Кто подвигъ наградитъ вѣнками!
Кто правитъ небомъ и богами?
Поэтъ! Поэтъ!

КОМИКЪ.

Такъ пользуйся пока чудеснымъ вдохновеніемъ
И какъ любовнымъ приключеньемъ
Займись поэзіей святой.
Сначала съ дѣвой молодой
Насъ сводить случай; мы вздыхаемъ,
Тихонько влюбимся, блаженствуемъ, грустимъ,
То нѣгой пламенної горимъ,

То снова плачемъ и страдаемъ;
То свѣтлый день, то вновь туманъ;
Посмотришь — и готовъ романъ!
Не трудно зрѣлище такое
Состряпать намъ. Въ быту людей
Предметомъ выберемъ любое
Мы для комедіи своей.
Мы всѣ живемъ на этомъ свѣтѣ,
Но многимъ жизни не понять;
Въ такомъ запутанномъ предметѣ,
Все занимательно, чего-бы намъ не взять.
Побольше лжи, поменьше свѣта,
Немного правды кое-гдѣ —
И загремитъ у насть вездѣ
Произведеніе поэта.
Толпами юноши придутъ
Подслушать тайну откровенія,
А дѣвы иѣжныя вздохнутъ.
Впивая сладкія печали вдохновенія,
Они еще до этихъ поръ
Готовы плакать и смѣяться,
Мишурынымъ блескомъ любоваться
И чинно почитать высокопарный вздоръ.
Лишь тотъ причудливъ и разборчивъ,
Кто давнимъ опытомъ живеть;
Но кто пока еще ростетъ,
Тотъ даже черезъ-чуръ говорчивъ.

поэтъ.

Такъ возврати мнѣ эту младость,

4*

Отдай мнѣ иѣгу первыхъ слезъ,
Отдай мнѣ первой пѣсни сладость
И обольщенье первыхъ грезъ!
Тогда въ туманѣ свѣтъ скрывался,
Еще я всюду ждалъ чудесъ,
Еще беспечно любовался
Сіяньемъ утреннихъ небесъ.
Тогда, блуждая средь тумана,
Земныхъ даровъ я не искалъ;
Я наслаждался, я дышалъ
И жаждой истины, и волшебствомъ обмана.
Отдай мнѣ радость прежнихъ дней,
Восторги пламенныхъ страстей;
Отдай мнѣ бурныя стремленья
За мудрость хладную твою,
Отдай мнѣ власть любви, отдай мнѣ силу мщенья,
Отдай мнѣ молодость мою!

КОМИКЪ.

Чтобъ въ смутный часъ въ борьбѣ кровавой
Врага надменнаго сразить,
Чтобъ въ полномъ смыслѣ наградить
Любовь красавицы лукавой;
Чтобъ въ быстромъ бѣгѣ предъ толпой
Летѣть стрѣлой, не уставая,
Чтобъ въ шумѣ оргіи ночной
И пить, и пѣть, не засыпая;
Чтобъ въ этихъ подвигахъ успѣть,—
Не худо намъ помолодѣть.

Но чтобъ безъ дальнихъ вдохновеній
Толпу цѣвницей забавлять,
Чтобъ лирой звонкой управлять,
Растрогать звукомъ пѣснопѣній,
Для этой цѣли, господа,
Еще и старость — не бѣда.
Кто мѣрить силы старишишки?
Всякъ уважать его привыкъ;
И пусть ребячится старики,
Зато и мы какъ ребятишки.

ДИРЕКТОРЪ.

Нельза-ли споры прекратить?
И вмѣсто словъ смѣшныхъ и чудныхъ,
И комплиментовъ обоюдныхъ,
Скорѣе къ дѣлу приступить?
Зачѣмъ клѣпать на вдохновеніе?
Кто медлить, тотъ его не жди!
Души святое упоеніе
Не можетъ жить въ его груди.
Кого молва поэтомъ славитъ,
Тотъ докажи, что онъ поэтъ;
Пусть онъ поэзію заставитъ,
Всегда готовый дать отвѣтъ.
Пора и къ дѣлу! Вамъ не чужды,
Всѣ наши прихоти и нужды;
Не худо черни угодить
И хохотать ее заставить;
Зачѣмъ на завтра то оставить,
Что можно тотчасъ совершить?

Театръ пускаютъ на удачу
И всякъ по-своему творитъ.
Теперь и я вамъ далъ задачу;
Но вѣсъ она не затруднитъ,
Я отдалъ все мое имѣніе
Сегодня вамъ въ распоряженіе;
Искусной машины снарядъ,
Луну и звѣзды, сушь и воды
И всѣ сокровища природы,
И всѣхъ костюмовъ пышный радъ.
На сценѣ тѣсной разверните
Вы цѣлый міръ своихъ чудесъ
И тихо по землѣ съ небесъ
Вы прямо въ адъ перешагните!

ПРОЛОГЪ НА НЕБЕСАХЪ.

Духъ, Ангелы, потомъ Мefистофель.

ТРИ АРХАНГЕЛА.

РАФАИЛЪ.

Какъ прежде солнце вновь пылаетъ
Идетъ, какъ царь, въ кругу планетъ
И путь привычный совершаєтъ,
И міру шлетъ роскошный свѣтъ.
Исполненъ силы и смиренъя,
Молясь, склонился серафимъ;
Творецъ, какъ въ первый день творенъя,
Въ своихъ дѣлахъ непостижимъ.

ГАВРИЛЪ.

Подъ солнцемъ быстрыми кругами
Летитъ земля въ красѣ своей,

То блещетъ яркими лучами
То скрыта вновь во тьмѣ ночной,
Тамъ море подъ утесы рвется
И роется въ груди земной,
Но въ вѣчномъ бѣгѣ сферъ несется
Утесь и море подо мной.

МИХАИЛЪ.

Гроза смѣняется грозою,
Моря и сушь подъ ней кипятъ,
И бури мрачною грядою
Надъ робкимъ міромъ тяготять.
Сильнѣе грозы разразились,
Одѣть пожаромъ мракъ ночей;
Но мы, о Боже! преклонились
Подъ чистый свѣтъ твоихъ лучей.

ВСѢ.

Исполненъ силы и смиренья,
Молясь, склонился серафимъ;
Творецъ, какъ въ первый день творенья,
Въ своихъ дѣлахъ непостижимъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Опять забрелъ ты какъ-то къ намъ, духъ чистый,
И о здоровье спрашиваешь насъ;
А потому меня на этотъ разъ
Ты между дворней видишь тоже.
Прости меня, тебѣ словцомъ не угодилъ;
Но въ этомъ чёртъ не упражнялся;

Отъ красныхъ словъ моихъ ты самъ-бы раз-
смѣялся,

Когда-бъ отъ смѣха ты себя не отучилъ.

О солнцахъ и мірахъ я ничего не знаю,

Зато я къ горести несказанной моей,

Въ житейскихъ бѣдствіяхъ людей,

Ихъ долю тяжкую повсюду замѣчаю;

Въ быту людей одинъ законъ:

Смѣшнымъ остался человѣкъ,

Какимъ онъ былъ въ началѣ вѣка;

Быть-можеть, онъ-бы лучше жилъ,

Когда-бы не былъ одѣленъ

Святымъ лучемъ небеснаго сіянья.

Онъ этотъ міръ зоветъ умомъ,

Но что-же пользы отъ дѣянья,

Какъ сталъ онъ умницей потомъ?

Живя на старую погудку,

Среди скотовъ земли, благодаря разсудку,

Онъ первымъ сдѣлался скотомъ.

Среди примѣровъ очень многихъ,

На насѣкомыхъ долгоногихъ

Похожъ онъ тѣломъ и душой,

Какъ тѣ — и онъ поетъ, летаетъ,

Какъ тѣ садится подъ травой

И туже пѣсню начинаетъ,

Да на травку еще пускай!

Ну, погляднѣ и отряхнется:

Небось, того и замѣчай,

Что прямо носомъ въ грязь уtkнется.

духъ.

Все съ той-же жалобой ко мнѣ
Ты, духъ отверженный, приходишь!
Ужели въ мірѣ по себѣ
Нигдѣ ты блага не находишь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Повѣрь, что въ мірѣ очень худо,
И люди на меня наводятъ лишь тоску,
Со мной случилось даже чудо:
Я ихъ и мучить не могу.

духъ.

Ты знаешь Фауста?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какъ не знать,
Онъ докторъ. Нечего сказать,
Тебѣ онъ служить презабавно,
Не ѿстъ, не пьетъ, стремится въ даль,
Порой бѣснуется исправно;
А на душѣ несетъ печаль
Въ порывѣ думъ своихъ мятежныхъ.
Его не тронеть міръ чудесъ,
Онъ просить у земли восторговъ нѣжныхъ,
У неба радостей небесъ.

духъ.

Еще онъ суетно блуждаетъ,
Но истиной онъ будетъ озаренъ.

О будущихъ плодахъ садовникъ заключаетъ,
Какъ скоро дерево лишь только разцвѣло.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Позволь ты мнѣ его по-своему вести:
Я обѣзкладъ побьюсь, что право безъ сомнѣнья,
Его какъ-разъ сверну съ пути.

ДУХЪ.

Пока онъ живъ, я запрещенъ
Не нахожу на выдумки твои;
Онъ суетно грѣшить, пока еще стремится.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты мнѣ живаго далъ, живой на все годится!
Живыхъ, здоровыхъ я люблю,
За то ужъ мертвыхъ не терплю.

ДУХЪ.

Онь твой! Сведи его преступною тропою
Отъ первобытнаго начала бытія
И если онъ склонится предъ тобою,
Да будетъ тяжкая надъ падшимъ власть твоя.
Но стыдъ и на тебя, когда, меня позная,
Языкъ лукавый твой дрожа произнесеть,
Что грѣшный человѣкъ, въ юдоли сей блуждая,
И средь сомнѣнія путь истинный найдетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Побѣда—лестная награда!
И если я до цѣли доберусь,
Не проигравъ тебѣ заклада,
Я торжествомъ надъ Богомъ возгоржусь,
Я человѣка въ прахъ унижу,
Онъ будеть землю ѿсть, какъ тетушка-змѣя;
Его у ногъ моихъ съ восторгомъ я увижу
И грознымъ мстителемъ надъ нимъ возстану я.

ДУХЪ.

Веди его, лукавый бѣсь!
Къ тебѣ вражды я не питаю.
Изъ падшихъ ангеловъ небесъ
Я хитреца предпочитаю.
Легко ослабить духъ людей;
Онъ въ иѣгѣ цѣль не забываетъ,
Но бѣсь въ тревожной жизни сей
Его повсюду возмущаетъ.
Приближьтесь, жители небесъ!
Для васъ однихъ въ красѣ священной
Я міръ невѣдомыхъ чудесъ,
Началу вѣка современный;
На мощный творческій полетъ
Вы взоры свѣтлые склоните,
И что въ видѣніяхъ неясныхъ промелькнетъ—
Безсмертной мыслю скрѣпите.

(*Небо закрывается, Архангелы исчезаютъ.*)

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Чудесный малый нашъ стариkъ!
Ужъ съ нимъ не стану я ругаться;
Вѣдь какъ ни важенъ онъ, и какъ онъ ни великъ,
А съ нашимъ братомъ онъ толкуетъ на-прямикъ
И мастеръ съ нами обращаться.

ΦΑΥΚΤΒ.

5*

ФАУСТЬ.

НОЧЬ.

ФАУСТЬ съ выражениемъ беспокойства сидитъ передъ столи-
комъ подъ высокими сводами узкой, готической комнаты.

Я сталъ и врачемъ и правовѣдомъ,
Я и въ философы попалъ,
И къ богословамъ, за ними слѣдомъ,
Я къ крайней горести присталъ.
Меня въ магистры возвели
И къ мудрецамъ меня причли,
И даже докторомъ бранятъ,
А дурака не разглядятъ!
Ужъ десять лѣтъ по пустякамъ
И вкривь и вкось, и здѣсь и тамъ,
Я за ность школьниковъ вожу;
А самъ повсюду нахожу,
Что вопреки земныхъ познаній
Святая мудрость не понасть!

И вотъ источникъ моихъ страданій,
О чемъ я плачу каждый часъ!
Хоть я и умнѣе, чѣмъ эти пустые
Магистры, судьи и писцы—дурачье.
Хоть въ суеты не гожусь,
Чертей и ада не страшусь;
За то въ печаляхъ грудь томится
И спѣсь въ умѣ не зародится,
Чтобъ людямъ бѣднымъ возвѣщать
Высокой тайны благодать.
Нѣтъ у меня казны, палаты,
Замѣны нѣтъ за всѣ утраты.
И псу не жить, какъ я живу!
За то я магіи предался,
Съ духами братствомъ сочетался
И ихъ на помощь призову,
Быть-можеть, тайны бытія
Тогда отъ нихъ услышу я,
Загадки мудрости узнаю!
Чтобы въ поту, по пустякамъ,
Не проповѣдывать глупцамъ,
Чего я самъ не понимаю.
Живыя силы бытія
Въ ихъ наготѣ увижу я,
Узнаю вѣчное начало,
Причину тайнную міровъ
И ужъ не буду, какъ бывало,
Искать однихъ напрасныхъ словъ!
О! мѣсяцъ тихій, мѣсяцъ ясный,
Зачѣмъ, зачѣмъ въ полночный часъ,

Надъ головой моей несчастной
Ты не блеснешь въ послѣдній разъ!
Зачѣмъ по грудамъ мертвыхъ книгъ
Ты въ грудь отрадой не проникъ!
Зачѣмъ на темныхъ вышинахъ
Я не могу въ твоихъ лучахъ
Надъ бездной скаль и надъ лугами
Летать съ могучими духами!
Чтобъ, исцѣлясь отъ старыхъ мукъ,
Въ твоей росѣ, луна златая,
Больную грудь мою купая,
Покинуть тщетный грузъ наукъ!

Я сгину здѣсь въ стѣнахъ темницы,
Гдѣ грудь въ страданіяхъ скорбить,
Гдѣ только тусклый лучъ денницы
По стекламъ крашеннымъ скользитъ.
На полкахъ книгами стѣна
До потолка завалена;
Никто съ нихъ пыли не сотреть
Ихъ червь и точить, и грызетъ;
Повсюду снадобья пустыя,
Сосудовъ, банокъ длинный рядъ,
Домашній дѣдовскій снарядъ
И инструменты вѣковые.
При нихъ и дни и ночи я!
И вотъ вселенная моя!

Ужель еще не понялъ ты
О чёмъ скорбятъ твои мечты?

Чтò грудь страданиемъ томить,
Чтò душу холодомъ мертвить?
Ты жилъ по воле божества
Въ живыхъ предѣлахъ естества,
Но этотъ дивный даръ боговъ
Ты промѣнялъ на тлѣнъ гробовъ!

О, прочь отсюда! вылетай
Изъ душныхъ стѣнъ въ веселый край!
Передъ тобою двери храма
Раскроетъ книга нострадама!
Тебя природа вдохновитъ,
Какъ съ духомъ духъ заговоритъ,
И ты въ избыткѣ новыхъ силъ
Узнаешь тайный ходъ свѣтиль.
Но въ тщетной думѣ вижу я
Святые знаки бытія.
Я чую, слышу надъ собой
Живыхъ духовъ волшебный рой;
Душа желаніемъ согрѣта,
Отъ нихъ я требую отвѣта!

Онъ открываетъ книгу и видитъ изображеніе Макрокосма.

Единый взглядъ — и пламенная радость
Мечты усталыя живить,
Воскресла огненная младость
И новая по жиламъ кровь кипитъ.
Не Богъ-ли начерталъ святыя письмена?
Изъ нихъ повѣяло души успокоеніе,
И свѣтлой радости полна,

Въ порывѣ дивнаго стремленья
Она всемірнаго творенія
Провидѣла живыя сѣмена.
Не богъ-ли я?... Свѣтаетъ! Я читаю
Въ сихъ знакахъ тайны бытія,
Въ одѣждѣ творческой природу вижу я
И слово мудрости теперь лишь понимаю:
„Тебѣ доступенъ міръ духовъ;
„Но умъ стѣсненъ въ цѣпяхъ темницы;
„Возстань, проснись отъ тяжкихъ сновъ,
„Купай земную грудь въ живыхъ лучахъ деиници!“
Онъ разсматриваетъ изображеніе.

Какъ въ цѣломъ часть ко части льнетъ,
Одно въ другомъ творить, живетъ!
Какъ силы горнія встаютъ,
Другъ другу ведра подаютъ!
Благословленными крылами
Нашъ бѣдный міръ животворять
И въ дальнихъ пажитяхъ надъ нами
Въ живыхъ созвучіяхъ гремятъ!
Въ чудесномъ зрѣлищѣ очами утопая,
Другою жаждою взалкала грудь моя.
Но ахъ, природа, мать святая,
Тебя обнять не въ силахъ я!
Къ твоимъ сосцамъ не припадать устами,
Откуда жизни ключъ живой,
Питая цѣлый міръ, струится предо мной
Святыми, полными волнами!
Струи текутъ, струи журчатъ,
Но ахъ, больной груди онъ не освѣжать!

Перевертываешь съ негодованіемъ страницу; ему попадается изображеніе духа земли.

Но вотъ опять другое впечатлѣніе!
О духъ земли, ты близокъ мнѣ!
Я чувствую, какъ новое волненіе
И новой силы напряженіе
Меня тѣснить — я весь въ огнѣ!
Готовъ летѣть съ тревожною волною,
Печаль земли, ея восторги пить,
Не трепетать въ борьбѣ съ грозою
И головы моей подъ ней не преклонить;
Пускай мой утлый чолнъ подъ бурей разобьется:
Я грома не страшусь, душа не содрогнется!

Лампада тмится
И мѣсяцъ не горитъ —
И дымъ столбомъ, и паръ клубится —
Я тучами обвитъ.
Кровавые лучи огнистыми чертами
Надъ головой моей горятъ.
Могильный хладъ повѣялъ надъ стѣнами —
Я ужасомъ обѣять!
Ты надо мной, желанный духъ!
Разоблачись!
Какъ мысли мыслями тѣснятся!
Какъ въ чувство новое слились!
Къ тебѣ мечты мои стремятся!
Явись! я звалъ тебя! явись!

Онъ береть книгу и таинственно произносить изображеніе духа; внезапно показывается красноватое пламя и въ немъ духъ земли.

духъ.

Кто звалъ меня?

Фаустъ, отворачиваясь.

Ужасный видъ!

духъ.

Не твой-ли голосъ дерзновенный
Меня привлекъ изъ сферы сокровенной?
Ты долго жаждалъ зрѣть меня —
И чѣмъ?

Фаустъ.

Я не снесу тебя.

духъ.

Ты долго и долго напрасно молился,
Чтобъ слышать мой голосъ, чтобъ видѣть мой ликъ
И вотъ я на зовъ твой могучій склонился;
А ты головою со страхомъ поникъ!
Но гдѣ-же Фаустъ? гдѣ эта грудь живая,
Въ которой ты вселенную носилъ?
Гдѣ эта грудь, которая, пылая
Въ порывѣ творческомъ ея мятежныхъ силъ,
Къ намъ возсылала крикъ отъ рубежа могиль,
О дерзкомъ равенствѣ мечтая?
Не ты-ли звать меня дерзалъ?
Не ты-ли гордою душой меня искалъ?
Я здѣсь! одно мое дыханье
Сразило взоръ надменный твой!
У ногъ моихъ, въ пыли передо мной
Трепещетъ жалкое созданье!

ФАУСТЬ.

Нѣтъ, чадо пламени, мы на одной ступени
Въ цѣпи безчисленныхъ твореній!

ДУХЪ.

На потокѣ временъ, въ бурѣ творческихъ дѣлъ,
Съ колыбели на гробъ
Я міры облетѣлъ.
Смерть и рожденье,
Кипящая жизнь,
Радость и горе,
Вѣчное море,
Въ вѣчномъ движеньи

Я на шумномъ станкѣ проходящихъ вѣковъ
Тружусь надъ живою одеждой боговъ!

ФАУСТЬ.

Ты и послѣдній край вселенной обнимаешь!
Духъ творческій, какъ сходенъ я съ тобой.

ДУХЪ.

Ты сходенъ только съ тѣмъ, кого ты постигаешь,
Но не со мной!

Исчезаетъ.

ФАУСТЬ, падая.

И не съ тобой?
Я—образъ божества—
И даже не съ тобой!

Стучатся въ дверь.

О Боже! это онъ идетъ,
Сотрудникъ моего пустаго размышленья!

Сухой ползунъ! онъ оторветъ
Меля отъ дивнаго видѣнья!
Вагнеръ въ ночномъ халатѣ и колпакѣ съ лампою въ рукѣ;
Фаустъ отворачивается съ негодованіемъ.

ВАГНЕРЪ.

Прости! ты что-то вслухъ читалъ,
Статью изъ греческой трагедіи, быть-можетъ;
Воспользоваться я урокомъ пожелалъ.
И это гдѣ-нибудь при случай поможетъ.
Вѣдь говорятъ-же, что пасторъ
Хитрѣе всякаго актера....

ФАУСТЬ.

Коли пасторъ имъ быть желаетъ,
Чтѣ впрочемъ часто такъ бываетъ.

ВАГНЕРЪ.

Трудясь безъ выхода въ печальномъ кабинетѣ,
Трубою зрительной слегка
Слѣдя по праздникамъ людей издалека,
Какими средствами я убѣжду ихъ въ свѣтѣ?

ФАУСТЬ.

Не вамъ сердца порабощать
Чудесной силой убѣжденья,
Когда сердечнаго, живаго вдохновенія
Вамъ недоступна благодать.
Трудись надъ звонкими словами,
Чужія мысли обирай,
Торгуйся чуждыми дарами

И пламя блѣдное изъ пепла выжимай;
Ослы и дѣти будутъ восхищаться
И только ихъ ты можешьъ удивить;
Но сердцу съ сердцемъ не сливаться,
Когда не можешьъ ты отъ сердца говорить!

ВАГНЕРЪ.

Въ преподаваніи ораторская слава,
Но въ этомъ я совсѣмъ отсталъ.

ФАУСТЬ.

Честной доходъ — полезная забава;
Глупецъ съ гремушками пропалъ.
Зачѣмъ гоняться за словами?
Могучей силой свѣтлыхъ думъ
Владѣеть мелкими умами
Ничтожной черни зреѣлый умъ!
Что пышныя слова? что ваша рѣчъ пустая?
Въ ничтожныхъ вычурахъ блистая,
Она безмысленна, какъ вѣтра поздній свистъ,
Срывающій съ деревъ сухой осенній листъ.

•
ВАГНЕРЪ.

Искусство времени не знаетъ,
А наша жизнь такъ коротка;
Въ критическихъ трудахъ мой умъ изнемогаетъ;
Подъ часъ мутить меня тоска.
Какъ тяжело до средствъ добраться,
Чтобъ наконецъ къ источникамъ дойти!
Успѣлъ-ли я до цѣли доискаться,
А смерть, какъ тутъ, свернетъ съ пути!

ФАУСТЬ.

Не на пергаментахъ источникъ сокровенный,
Который жаждущихъ прохладой надѣлить.
Наука ищешь ты отрады вдохновенной,
Когда душа твоя отрады не даритъ.

ВАГНЕРЪ.

Пріятно въ духъ временъ мечтой переноситься,
Узнать, какъ понималъ науку человѣкъ,
А послѣ собственнымъ сознаніемъ гордиться,
Что такъ далеко мы подвинули свой вѣкъ.

ФАУСТЬ.

Мы далеки? мы много знаемъ?
Не намъ обѣ этомъ разсуждать!
Ахъ, мы прошедшаго совсѣмъ не понимаемъ,
Надъ нимъ лежитъ священная печать!
Что духомъ времени писатель величаетъ,
То духъ писателя, въ которомъ время, вѣкъ,
И этотъ карликъ человѣкъ
Въ туманномъ очеркѣ летаетъ.
Смѣшино и жалко слушать васъ;
Хоть вонъ бѣги при первомъ взглядѣ!
Предъ вами старина, Богъ вѣсть, въ какомъ нарядѣ:
Пустая болтовня, безмысленный расказъ,
Помои древности, лахмутьевъ кладовая,
Столѣтній залежалый соръ
И прагматическій высокопарный вздоръ!
Вотъ ваша старина, комедія пустая,
Нелѣпый куколь разговоръ!

ВАГНЕРЪ.

Но кто откажется отъ лестнаго познанья?
Понять людей и миръ въ комъ не было желанья?

ФАУСТЬ.

Скажи, что значитъ познавать?
Кто всуе истину дерзнетъ провозглашать?
Кто обнажилъ души священныя скрижали,
Кто думу свѣтлую безумцамъ открывалъ,
Кто довѣрялъ толпѣ, чтò втайне созерцалъ,
Того и жгли и распинали! . . .
Но полночь! мнѣ давно пора
И время намъ съ тобой растаться.

ВАГНЕРЪ.

А я готовъ хотъ до утра
Такой бесѣдой наслаждаться.
Но завтра ты позволишь мнѣ,
На Воскресеніе Христово,
Еще разъ завернуть къ тебѣ
И кой-о-чемъ промолвить слово.
Уму приятно разсуждать;
Ты говоришь, а я внимаю.
Хоть я и очень много знаю,
Но я хотѣль-бы все узнать!

Уходитъ.

ФАУСТЬ.

И съ нимъ еще живутъ надежды молодыя!
Онъ ищетъ золота, безмысленный глупецъ,

А веселъ, если наконецъ
Отроетъ черви дождевые!

Вступилъ глупецъ въ воздушный кругъ видѣній,
Разрушилъ онъ роскошныя мечты....
Пусть улетятъ! какъ кстати эти тѣни,
Слѣпой глупецъ разсѣялъ ты!
Ты спасъ меня отъ изступленья,
Въ которомъ я безмолвно погибалъ,
Когда, какъ карликъ, исчезалъ
Передъ величиемъ ужаснаго видѣнья!

Не думаль-ли я, образъ божества,
Дрожа приблизиться къ зѣрдалу правды вѣчной?
Воспрянувъ отъ земли для жизни безконечной,
Увидѣть тайны естества?
Я, выше ангеловъ возставъ надъ небесами,
Дерзнулъ въ избыткѣ спль безумными мечтами
Проникнуть въ жилы бытія,
Въ своихъ созданіяхъ собою насладиться
И съ божествомъ соединиться!
Но отъ громоваго поникъ глагола я,
Я не могу сравнить тебя съ собою;
Я властенъ бытъ, я могъ тебя созвать,
Но не могу, не властенъ удержать!
Когда явился ты въ лучахъ передо мною,
Тогда я чувствовалъ, какъ я могучъ, какъ слабъ!
Ты оттолкнулъ меня отъ дивнаго видѣнья
Въ невѣрные ряды земнаго назначенья
И я опять, какъ прежде, жалкій рабъ
Неодолимаго сомнѣнья!

Но гдѣ пути мои? куда-же брошусь я?
Идти-ли мнѣ во слѣдъ блестящаго мечтанья?
Увы! бездѣйствіе, какъ самыя дѣянья,
Цѣпями тяготитъ надъ ходомъ бытія!

Мечты высокія мы духомъ обнимаемъ,
Но въ свѣтлой чистотѣ мы ихъ не сохранимъ.
Мы блага жизни сей съ собой соединимъ,
Но блага лучшія обманомъ называемъ.
Среди тревогъ житейской суеты
Поблекнуть въ насъ и чувства, и мечты!

Мечтами пышными изъ праха улетая,
Фантазія къ звѣздамъ крылами воспарить;
Но свянетъ подъ грозой надежда золотая
И въ грани бѣдныя опять ее стѣснить.
Забота мелкая въ насъ мигомъ загнѣздится,
Во глубинѣ души печали зародить
И въ тысячу личинъ тайкомъ перерядится,
И наши радости коварно отравить.
Въ малюткѣ, въ женщинѣ мы ликъ ея встрѣчаемъ,
Войну, пожары, ядъ намъ грозная сулить;
Замолкнетъ-ли гроза, но человѣкъ дрожитъ;
Надъ неутраченнымъ мы слезы проливаемъ.

Далекъ отъ божества, я бѣдный червь земли!
Мнѣ въ пищу прахъ! мой домъ въ пыли!
О, не коснись его ногой неосторожной,
Ты вмигъ разрушилъ домъ ничтожный!
Густая пыль передо мной:

Подъ ней лежать на старыхъ полкахъ
Затѣи мудрости земной
Въ забавныхъ, склеянныхъ осколкахъ.
Найду-ли здѣсь, чего искалъ?
Я только одного въ скрижалихъ сихъ дознался,
Что человѣкъ всегда и плакалъ и страдалъ,
Что кое-гдѣ порой счастливцемъ обрѣтался.
Чтѣ шепчетъ блѣдный черепъ тамъ?
И онъ подобно мнѣ томился,
И слѣпо вѣруя таинственнымъ мечтамъ,
За тщетной истиной безсмысленно стремился!
И вы, кудрявые вальки,
Винты, колеса, рычаги,
И вы смѣетесь надо мною!
Въ васъ много хитрости, а помошь далека,
И подъ завѣсою густою
Не отопрете вы волшебнаго замка!
Всегда таинственна природа передъ нами,
Надъ ней и въ свѣллый день лежить покровъ густой;
Чего сама она не вскроеть предъ тобой,
Того не сдвинешь рычагами.
Здѣсь утварь праздная въ пыли передо-мной,
Тамъ старый блокъ подъ лампою дымится.....
Тотъ лишнимъ бременемъ вотще загромоздится,
Кто скучные дары хранить передъ собой.
Употребленіемъ мы цѣнимъ наши средства;
Досадно мнѣ! чего я ждалъ?
Зачѣмъ я бѣднаго наслѣдства
Въочныхъ пирахъ не расточалъ!

Но отчего мой взоръ въ тотъ уголъ устремился?
Магическій сосудъ стоитъ передо мной!
Мнѣ вдругъ легко! Я свѣтомъ озарился,
Какъ путникъ въ поздній часъ нежданою луной!

Съ благоговѣніемъ тебя беру я въ руки,
Таинственный вѣнецъ премудрости людской!
Смягчи души моей убѣйственныя муки
И снова возврати утраченный покой!
Ты—благотворный сокъ земнаго усыпленья,
Ты—средоточіе всѣхъ ядовитыхъ силъ!
Съ тобой не чувствую сердечнаго мученья,
Въ твоемъ присутствіи нѣтъ бурнаго стремленья
И духъ мой пламенный полетъ остановилъ.
Изъ міра тѣснаго, отъ этихъ мѣстъ печальныхъ
Въ безбрежный океанъ мой путь меня ведетъ.
Плыту; у ногъ моихъ поверхность водъ зеркальныхъ,
Я вижу новый край среди тумановъ дальнихъ
И новая заря въ тотъ новый край зоветъ!

Тамъ колесница вдругъ слетѣла съ высоты
На огненныхъ крылахъ. Душа огнемъ согрѣта;
Меня влекутъ волшебныя мечты
Для новыхъ подвиговъ въ страну иного свѣта!
И ты-ли, бѣдный червь, раздавленный въ пыли,
Съ надеждой пламенной вдохнешь восторгъ небесный?
Такъ! я отворочусь отъ этой жизни тѣсной,
Огъ солнца милаго земли!
Сорву затворъ гробовъ; надменною рукою
Ужасныя врата безъ трепета раскрою,

Предъ коими толпа безумная дрожитъ.
Нѣтъ, человѣкъ въ борьбѣ съ судьбою не уступить!
Пещера темная раскрылась и грозитъ;
Но онъ-ли передъ ней надменный взоръ потупить?
Туда ведетъ мой путь, гдѣ вѣтъ хладный страхъ;
Весь адъ хранитъ проходъ; но я-ли поблѣднѣю?
Я дерзкій подвигъ мой, на вѣкъ сливаюсь въ прахъ,
Уничтоженiemъ моимъ запечатлѣю!

Ко мнѣ, ко мнѣ, ты мой сосудъ кристальный!
Ко мнѣ, къ устамъ моимъ! отбrosь футляръ печальный!
Сосудъ таинственный, давно забытый мной,
Какъ въ годы прежніе, явись передо мной.
Ты, чаша милая, смягчала наши муки;
Ты на пирахъ отца, въ бесѣдѣ стариковъ,
Въ полночный часъ, подъ шумный говоръ словъ
Изъ рукъ переходила въ руки!
Рѣзьба искусная, обычай толковать
Значеніе ея кудрявыми стихами,
А послѣ, приложась къ ней жадными устами,
Всю чашу разомъ осушать,
Напоминаютъ мнѣ забавы молодыя
И юность шумную, и праздники ночные....
Но влагу смертную въ широкія края
Рукою твердою вливая,
Теперь не передамъ тебя сосьду я,
Къ напитку смерти приглашая!
Хмѣленъ тлетворный сокъ! преградъ для воли нѣть!
Я подношу къ устамъ рукою дерзновенной

Напитокъ избранный, напитокъ драгоцѣнныи!
Я пью въ послѣдний разъ — и утру мой привѣтъ!

Фаустъ подноситъ къ устамъ чашу съ ядомъ.
Звонъ колоколовъ и пѣнье хоровъ.

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ!
Силой побѣдною
Узы наслѣдныя
Смертнаго бѣднаго
Рушились днесь!
Христосъ воскресъ!

ФАУСТЬ.

Какой знакомый звонъ раздался надо мной?
Отъ устъ моихъ онъ отторгаетъ чашу!
Гудятъ колокола и въ тишинѣ ночной
Они святую вѣсть гремятъ во славу нашу.
Такъ! это часъ, когда Господь воскресъ!
Сей звонъ торжественный былъ вѣстникъ воскресенія!
Такъ пѣли нѣкогда и Ангелы небесъ
У гроба Божія залогомъ примиренія.

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ.

Мы гробъ убирали
Цвѣтами душистыми:
Въ слезахъ облекали
Полотнами чистыми;

Съ безмолвной тоскою
Его стерегли мы здѣсь;
Но ахъ, предъ собою
Христа не находимъ днесь!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ!
Тому, кто въ страданьяхъ,
Въ земныхъ испытаньяхъ,
Ждалъ избавителя,
Бога-Спасителя,
Спаситель воскресъ!

ФАУСТЬ.

Зачѣмъ во прахъ вы, такъ пламенно и нѣжно,
О, звуки дивныя, раздались надо мной!
О, дайте умереть! я отжилъ безнадежно!
Мнѣ негдѣ отдохнуть отъ горести земной!
Звучите тамъ, гдѣ въ чистотѣ смиренной
Вамъ внемлетъ человѣкъ и тихій дасть отвѣтъ!
Не для меня залогъ любви священной!
Я слышу вѣсть, но въ сердцѣ вѣры нѣть!
Кто чуда не призналь, тотъ не имѣеть вѣры,
Оно ея любимое дитя!
Но мнѣ не воспарить въ таинственныея сферы,
Молитвой теплою отъ праха возлетя.
Я слышалъ этотъ звонъ на утрѣ жизни милой, —
Онъ оторвалъ меня отъ двери гробовой!
Бывало, въ тихій часъ цѣлительною силой

Небесный поцѣлуй спускался надо мной,
И гулъ колоколовъ надъ юношой носился
И вѣрой теплою душа его жила;
Я тихо трепеталъ, я плакалъ и молился,
И мнѣ молитва та отрадою была.
Влекомый дивными мечтами,
Я въ лѣсъ и горы убѣгалъ,
Я плакалъ жгучими слезами
И въ пламенной груди вселенную вмѣщалъ!
О, звонъ торжественный, раздайся надо мною,
Утѣшь больную грудь отрадною мечтою!
Ты снова возвѣстилъ на лонѣ тишины
Мнѣ игры дѣтскія и праздники весны.
Я слышу въ часъ послѣдней муки
Съ благоговѣніемъ нежданый голосъ твой!
Раздайтесь-же, божественные звуки,
Въ сей смертный часъ надъ грѣшной головой!
Я слышу васъ, я съ трепетомъ внимаю.....
Слеза дрожитъ..... я снова оживаю!

ХОРЪ УЧЕНИКОВЪ.

Изъ праха могильного
Къ престолу всесильного
Восходитъ Спаситель.
Скорби не вѣдая,
Небо наслѣдуя,
Онъ не оставитъ насъ
Въ печальной юдоли сей,
Онъ вѣрой прославить насъ
На блага грядущихъ дней!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

Христосъ воскресъ!
Въ области тлѣнія
Миръ возвѣстите!
Слово спасенія
Людямъ несите!
Для васъ прославляющихъ,
Въ скорбяхъ утѣшающихъ,
Миръ возвѣщающихъ,
Вѣрой питаящихъ—
Господь воскресъ!

ЗА ГОРОДСКИМИ ВОРОТАМИ.

Толпа гуляющаго народа разныхъ сословий.

НѢСКОЛЬКО ПОДМАСТЕРЬЕВЪ.

Куда вы тамъ? какимъ путемъ?

ДРУГИЕ.

Да мы на мельницу идемъ.

ПЕРВЫЕ.

А чтобы на воды? и то-бы не мѣшало.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОДМАСТЕРЬЕВЪ.

Въ охотный дворъ-бы заглянуть.

ДРУГОЙ.

Нѣть, мнѣ туда наскучилъ путь.

ОВА.

А ты куда?

ТРЕТИЙ.

Куда попало.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ Бургдорфъ-бы намъ, ребята завернуть.

ПЯТЫЙ.

Кой чортъ ведеть тебя туда?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Мы, братецъ, тамъ найдемъ безъ спора,
И красныхъ дѣвушекъ, и пива хоть-куда,
И драку первого разбора.

ПЯТЫЙ.

Ужъ зададутъ тебѣ урокъ!
Затылокъ чешется; тебѣ-бы гдѣ подраться!
Туда я больше не ходокъ.

СЛУЖАНКА.

Пойду назадъ; мнѣ не-зачѣмъ таскаться.

ДРУГАЯ.

Мы ихъ у тополей найдемъ.

ПЕРВАЯ.

А мнѣ зачѣмъ? и что мнѣ въ немъ?
Съ тобой онъ пляску начинаетъ,
Тебя голубить и ласкаеть;
Какое дѣло мнѣ до васъ?

ДРУГАЯ.

Да подожди-же! Ахъ, ты Боже!
Сюда придутъ они сей часъ.
Съ нимъ и кудлашка будеть тоже.

ШКОЛЬНИКЪ.

Чортъ-дѣвки! какъ онъ бѣгутъ!
Confrater! пустимся въ догонку!
На штуки я великій плутъ;
Дадимъ мы имъ лихую взгонку!
Люблю я братецъ, какъ дуракъ,
Красотокъ, пиво и табакъ!

ГОРОЖАНКА.

Смотри-ка, съ дурами какими
Они связались! какъ не грѣхъ!
Мы, кажется, получше тѣхъ,
А шалуны бѣгутъ за ними.

ВТОРОЙ ШКОЛЬНИКЪ, первому.

Не худо здѣсь остатъся намъ.
Смотри-ка, красавицы какія!

Моя сосѣдка тоже тамъ,
Мы съ ней пріятели большіе.
Онъ шажкомъ себѣ идутъ
И вѣрно нась съ собой возьмутъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, мнѣ не понутру нарядная дѣвица!
Скорѣй! не тѣ—вѣдь дичь уйдетъ!
Рука, которая въ субботу поль мететъ,
На ласки въ праздникъ мастерица.

ГОРОЖАНИНЪ.

Мнѣ новый бургомистеръ не подѣ-стать.
Что день, то дерзости! и какъ онъ это смѣеть!
Вѣдь такъ у нась ему не сдобровать;
О пользахъ города онъ вовсе не радѣеть.
Ну, съ ними право нѣть пути!
Все также дрянъ, ужъ какъ не дуйся!
Все только подати плати,
Да ниже кланяйся и пуще повинуйся!

нищій, поетъ.

Господа мои честные,
Щеголихи молодыя,
Доля нищаго тяжка!
Свѣтлый праздникъ вамъ сегодня;
Пожалѣйте старика
Ради праздника Господня!

ДРУГОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Въ воскресный день люблю я разговоры
Про бой и бранные раздоры;
Тамъ, слышишь, въ Турціи война,
Народъ бѣснуется, дерется
И бой шумить и кровь рѣками льется;
Стоишь себѣ спокойно у окна,
Стаканчикъ свой тихонько допиваешь
И лодки пестрыя глазами провожаешь;
А вечеркомъ пойдешь себѣ домой,
Благословляя миръ спокойною душой.

ТРЕТИЙ.

Да, въ Турціи, сосѣдъ, мнѣ нравится война;
Пускай ихъ рѣжутся; въ газетахъ прочитаемъ!
Пускай мутить ихъ сатана,
А мы по-старому все въ мирѣ поживаемъ.

СТАРУХА, горожанкамъ.

Вишь, какъ разряжены! какъ не влюбиться въ васъ!
Вы что-то смотрите, голубушки, спѣсиво!
Чего вамъ хочется, все это есть у насъ,
Старушка все нашла-бы живо.

ГОРОЖАНКА.

Скорѣй уйдемъ отъ вѣдьмы прочь!
Чтобъ я на улицѣ съ ней тарабарить стала!
Однако жениха въ андреевскую ночь
Она мнѣ славно показала.

ДРУГАЯ.

Миъ тоже; нечего сказать,
Военный! молодецъ! я по ѿши влюбилась,
Ищу вездѣ, да что-то не видать!
Я цѣлый годъ по немъ томилась.

СОЛДАТЫ.

Башни крутыя
За крѣпкой стѣною,
Дѣвы молодыя
Съ улыбкой живою, —
Славная плата,
За подвигъ солдата,
За славную брань.
Свахой передъ нами
Труба загремѣла;
Сватала радость,
Смерть зашумѣла.
Вотъ заштурмуюемъ!
Всѣ нась боятся!
Крѣпость, красотки,
Всѣ преклоняются!
Славная плата
Насъ наградитъ;
Солдатъ безъ оглядки
Въ поле летитъ.

ФАУСТЬ. ВАГНЕРЪ.

ФАУСТЬ.

Вѣстникомъ неба весна прилетѣла;
Растаяли льдины на свѣтлыхъ рѣкахъ;
Веснѣ уступая, зима присмирѣла
И ищетъ пріюта на снѣжныхъ горахъ.
И только порою подъ вѣтромъ взыграетъ,
Безсильную льдину съ утеса пошлетъ,
И раннюю зелень на мигъ покрываетъ,
И вновь на суровыхъ вершинахъ заснетъ.
Но солнце дохнуло надъ снѣжной корою;
Все жизнію дышетъ, растетъ и кипитъ.
Цвѣты лишь не вскрылись подъ ранней весною,
Ихъ въ пестрыхъ нарядахъ толпа замѣнить.
Въ роскошной одеждѣ природа предъ нами!
Ты видиши ли городъ съ этихъ высотъ?
Какъ весело люди выходятъ толпами,
Шумя и пестрѣя, изъ тѣсныхъ воротъ!
И любо имъ; всѣ веселятся сегодня,
Всѣмъ свѣтять забавы и радость любви.

То праздничный день: воскресенье Господне!
Но вмѣстѣ съ нимъ сами воскресли они,
Воскресли, возстали отъ жизни бездушной,
Отъ мелкихъ заботъ, ежедневныхъ трудовъ,
Изъ тѣсныхъ улицъ, изъ хижинъ душной,
Изъ древняго храма, изъ хладныхъ гробовъ.
Смотри, какъ шумно толпа разбѣжалась!
Тотъ бросился въ поле, тотъ въ садъ полетѣлъ.
Ладья на рѣкѣ за ладьей показалась
И гордый потокъ подъ весломъ зашумѣлъ.
И даже въ горахъ надъ крутыми скалами
Пестрою лентой проходитъ толпа.
Вотъ это ихъ небо! оно передъ нами!
Ихъ жизнь беззаботна, ихъ радость слѣпа.
Радость и горе проходить надъ вѣкомъ;
Любо съ толпою по морю плыть!
Мнѣ любо съ ней вмѣстѣ быть человѣкомъ!
Я только здѣсь имъ могу еще быть!

ВАГНЕРЪ.

Когда съ тобой я прогуляюсь,
И почесть въ томъ и выгода моя;
Но одному здѣсь быть я право не рѣшаюсь,
Всю эту чернь страхъ ненавижу я.
Съ толпою я душой не породнился
Они шумятъ и пляшутъ и ревутъ,
Какъ-будто въ нихъ лукавый поселился —
И вотъ они забавой что зовутъ!

НАРОДЪ ПОДЪ ЛИПОЙ.

Пляска и пѣсни.

Какъ ленты, куртку и вѣнокъ
Надѣлъ для пляски пастушокъ,
Народъ имъ любовался.
Толпа подъ липу собралась,
И съ крикомъ въ пляску понеслась.
Юхге! Юхге!
Юхгейза! гейза! ге!
Звукъ скрыпки раздавался.

Присталъ къ толпѣ и пастушокъ
И вдругъ красотку прямо въ бокъ
Задѣлъ онъ локтемъ живо;
А дѣвка смотрить на него
И молвить: это не умно!
Юхге! Юхге!
Юхгейза! гейза! ге!
И право не учило!

Но онъ красотку сталъ ласкать
И такъ пустился съ ней плясать,
Что юбка подымалась.
Пора отъ пляски отдохнуть!
И локоть къ локти, грудь на грудь,
Юхге! Юхге!
Юхгейза! гейза! ге!
Она къ нему прижалась!

Нельзя намъ бѣднымъ вѣрить вамъ;
Какъ часто вы клялися намъ,
А все-таки смѣялись!
Но онъ ей шепчетъ на ушко,
А изъ-подъ липы далеко
Юхге! Юхге!
Юхгейза! гейза! ге!
Все крики раздавались.

СТАРИКЪ.

Пріятно милость намъ твою
Сегодня видѣть между насъ;
Мудрецъ толпой не пренебрегъ
И вышелъ къ ней на этотъ разъ.
Прими-же полный кубокъ сей!
Дай Богъ, чтобы для новыхъ силъ,
Для новыхъ радостныхъ трудовъ
Тебя напитокъ укрѣпилъ!
Чтобъ столько лѣтъ, чтѣ капель въ немъ.
Ты прожилъ здѣсь въ kraю родномъ!

ФЛУСТЬ.

Спасибо, добрые друзья!
Всѣхъ благъ и вамъ желаю я!
Народъ собирается около него въ кружокъ.

СТАРИКЪ.

Да, въ добрый часъ, въ угоду намъ
Ты въ свѣтлый день насъ посѣтилъ,
Когда и прежде въ черный годъ
Ты намъ-же помощь приносилъ.

Ты оглянись: ихъ много здѣсь,
Кого отецъ покойный твой,
Въ чуму, въ годину страшныхъ бѣдъ
Спасалъ отъ смерти роковой.
Въ больницы юношей тогда
Входилъ ты тоже вмѣстѣ съ нимъ —
И много умерло людей;
И многихъ нѣть — ты невредимъ!
Кто спасъ тогда отъ смерти насъ,
Того спаситель свыше спасть!

НАРОДЪ.

На много лѣтъ, на благо намъ,
Тебя Господь благословить!

ФАУСТЬ.

Хвала тому, кто править тамъ,
Кто насъ и учить и хранить.

Уходитъ съ Вагнеромъ.

ВАГНЕРЪ.

Великій мужъ! какъ лестно для тебя
Народа шумнаго слѣпое поклоненье!
Блаженъ, кто приберегъ на долю для себя
За тяжкій трудъ вознагражденье!
Вездѣ толпа къ тебѣ валитъ,
Отецъ малютокъ призываетъ,
Вмигъ пляска отойдетъ и скрипка замолчитъ
И шапки съ головы на воздухъ чернь кидаетъ.

Ты только подошелъ къ рядамъ,
Толпа на встрѣчу прибѣжала;
Какъ передъ образомъ, она къ твоимъ ногамъ
Чуть на колѣна не упала.

ФАУСТЬ.

Присядемъ тамъ на камнѣ томъ,
Гдѣ часто я задумчиво садился
И гдѣ молитвой и постомъ
Въ тоскѣ убійственной томился.
Крѣпимый вѣрою святой,
Богатъ надеждой и мечтами,
Я думалъ выстрадать молитвой и слезами
Конецъ заразы роковой.
Ихъ ласки душу уязвили,
Въ насмѣшку мнѣ ихъ похвала!
Мучительныхъ вѣнцовъ за грѣшныя дѣла
Ни я, ни мой отецъ отъ нихъ не заслужили!
Отецъ мой, темный человѣкъ,
Судиль по-своему, по собственой методѣ,
О тайнахъ бытія, о жизни и природѣ,
И честнымъ образомъ трудился цѣлый вѣкъ.
Онъ въ темномъ обществѣ адептовъ
Своей норы не покидалъ
И изъ безчисленныхъ рецептовъ
Свои лекарства извлекалъ.
Тамъ лилію въ растворѣ тепловатомъ
Они со львомъ случали красноватымъ;
Потомъ огнемъ дохнувшъ на нихъ,
Изъ чаши въ чашу гнали ихъ.

Тогда царица молодая,
Цвѣтами пестрыми блистая,
Явясь на днѣ въ сосудѣ томъ,
Для насть служила образцомъ.
Вотъ наши зелія! больные умирали,
Никто не спрашивалъ у насть,
Кого спасли мы въ смертный часъ;
Мы хуже мора убивали
Хваленымъ дѣйствiемъ соковъ
Толпу довѣрчивыхъ глупцовъ.
Я бѣдныхъ самъ поилъ мучительной отравой;
Мои больные въ гробъ слегли;
А здѣсь меня-же возвели
И тщетной величали славой!

ВАГНЕРЪ.

Зачѣмъ печали предаваться?
Довольно съ насть, честнымъ трудомъ,
Науку, данную отцомъ,
По силамъ выполнить стараться!
Ты знанія отца, какъ юноша, почтешь,
Ты отъ него ихъ принимаешь;
Когда-же, возмужавъ, ты самъ ихъ возвышаешь,
Такъ сына можетъ-быть до цѣли доведешь.

ФАУСТЬ.

Надеждами живутъ ничтожные умы!
Мы въ безднѣ суетной неправды погибаемъ.
Намъ нужно то, чего не знаемъ мы,
Не нужно то, что мы давно ужъ знаемъ.

Но пусть печаль не отравить
Минуты сладостной унылыми мечтами!
Смотри, какъ тамъ надъ бѣдными домами
Заря вечерняя горитъ.
Еще на мигъ — и тихо исчезаетъ,
Но тамъ вдали роскошнѣе взойдетъ
И новой жизнью взыграетъ
Ея торжественный полетъ.
О, дайте крылья мнѣ! за яркими слѣдами
Я проложу себѣ огнистый новой путь!
Нѣть, мнѣ не суждено подъ свѣтлыми лучами
На землю спящую у ногъ моихъ взглянуть,
Увидѣть мирныя долины
И сладкошепчущій ручей
И озаренные вершины
Въ роскошномъ пламени огней!
О, еслибы я могъ надъ дикими скалами,
Не вѣдая границъ, носиться подъ зарей
И изумленными очами
Увидѣть море подъ собой!
Свѣтило пышное въ туманѣ исчезаетъ,
Заnimъ стремится грудь моя;
Нѣмымъ желаніемъ душа моя пылаеть,
Упиться свѣтомъ жажду я.
За мнай глухая ночь, а день передо мною,
Здѣсь небо надъ головой, тамъ море подъ стопою.
Напрасный сонъ, пока заря блеснетъ
Въ послѣдній разъ надъ темными горами!
Кто укрѣпитъ тѣлесными крылами
Мечты сомнительный полетъ!

Но этотъ міръ для нась такъ тѣсенъ;
Сама природа нась влечетъ,
Когда при звукѣ рѣзвыхъ пѣсенъ
Предъ нами жавронокъ вспорхнетъ,
Когда орелъ, взмахнувъ крылами,
Съ гнѣзда высокаго взлетитъ
И стая журавлей веселыми рядами
Къ далекой родинѣ спѣшитъ!

ВАГНЕРЪ.

И на меня порою дурь находитъ,
Но этихъ странностей я отъ-роду не зналъ;
Дремучай лѣсъ хандру наводить,
Быть птичкой я-бы не желалъ.
Иныя радости нась тоже увлекаютъ
Отъ книги къ книгѣ, отъ листа къ листу
И ночи зимнія собою украшаютъ,
Влагая въ голову роскошную мечту.
А если рѣдкая скрижаль мнѣ попадется,
Я будто самъ не свой, а сердце такъ и бьется!

ФАУСТЬ.

Ты испыталъ одно изъ этихъ двухъ стремленій;
Но ты другаго не зови!
Ахъ, двѣ души, двѣ вражескія тѣни,
Живутъ въ груди моей, горятъ въ моей крови!
Одна любовью земною
Срослась съ землей цѣпями бытія;
Другая свѣтлою мечтою
Стремится къ прадѣдамъ въ небесные края.

Воздушный рой духовъ! тебя я призываю!
Веди меня отъ грустной жизни сей
Въ другую жизнь, къ другому краю,
Для новыхъ чувствъ, для пламенныхъ страстей.
Волшебный самолетъ умчитъ крылами,
Какъ птичка легкая, на немъ я полечу!
Его куплю богатыми дарами
И царской за него порfirой заплачу.

ВАГНЕРЪ.

Не призывай таинственныхъ видѣній,
Въ туманной областѣ летящихъ надъ тобой!
Онѣ къ намъ тысячу мученій
Со всѣхъ сторонъ приносятъ за собой.
Онѣ отъ сѣвера тояпой къ тебѣ несутся
И острымъ жаломъ уязвятъ;
Съ востока притекутъ и въ грудь твою вопытятся
И засухой дохнувъ, безумца истомятъ.
Съ полудня знайнаго пожары посылаютъ
И пламенемъ главу твою сожгутъ.
Отъ запада прохладу навѣваютъ,
Но въ хлынувшихъ волнахъ потопомъ набѣгутъ.
Лаская прихотямъ, онѣ въ обманъ заводятъ,
Рѣчами сладкими коварно обольстятъ;
Такъ кротки, такъ нѣжны, какъ-будто съ неба сходять,
А козни хитрыя, лукавствуя, творятъ.
Пойдемъ! домой пора! туманъ у ногъ ложится;
На воздухъ свѣжо—а дома отдохнешь.
Но что съ тобой? стоять, не шевелится.
Да расскажи, чего ты ждешь?

ФАУСТЬ.

Смотри, тамъ черный песъ по гладкой степи рыщеть

ВАГНЕРЪ.

Я вижу пуделя; но что-же пользы въ томъ?

ФАУСТЬ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? кого онъ ищетъ?

И что за звѣрь таится въ немъ?

ВАГНЕРЪ.

Собака бѣдная далекими слѣдами
Вослѣдъ за бариномъ бѣжитъ.

ФАУСТЬ.

Смотри; спиральными сближаяся кругами,
Она все ближе къ намъ спѣшитъ.
Ты видишь-ли, какъ огненной чертою
Прорѣзаль слѣдъ ея сгустившейся туманъ.

ВАГНЕРЪ.

Я только пуделя замѣтилъ предъ собою;
Все прочее оптическій обманъ.

ФАУСТЬ.

Мнѣ кажется, что я волшебными кругами
Въ магическую сѣть невольно завлеченъ.

ВАГНЕРЪ.

Онъ робко слѣдуетъ за нами.

ФАУСТЬ.

Какъ тѣсенъ кругъ! какъ близокъ онъ!

ВАГНЕРЪ.

Ну, вотъ и песь! какъ онъ боится
И какъ ворчитъ! взгляни-же на него;
Вотъ замахалъ хвостомъ, вотъ на спину ложится;
Собака—больше ничего!

ФАУСТЬ.

Сюда! поближе!

ВАГНЕРЪ.

Пудель славный;
Остановись, собака ждеть,
Зови, бѣжитъ нашъ песь забавный,
Кинь въ воду что-нибудь, онъ мигомъ принесетъ.
Какая славная снаровка!

ФАУСТЬ.

Ты правъ; ума не видно въ немъ,
А все пустая дрессировка.

ВАГНЕРЪ.

Въ уединеніи своеемъ
Мудрецъ пріучится къ собакѣ вѣрной;
Пускай побудетъ онъ съ тобой.
Студентовъ школьникъ безпримѣрный,
Онъ стоитъ милости такой.

КАБИНЕТЪ.

ФАУСТЬ, ВХОДИТЬ СЪ ПУДЕЛЕМЪ.

Оставилъ я холмы и поле;
Глухая ночь на нихъ лежитъ.
Душа опять на сладкой волѣ
Мечтами чистыми горитъ.
Въ груди заснула страсть земная
И буря мимо пронеслась,
И къ Божеству любовь святая
Съ любовью къ ближнему зажглась.

Что песъ, ты почуялъ? что такъ взволновался?
Да полно-же бѣгать, ложись и молчи!
Вступилъ на порогъ, завизжалъ, заметался;
Ну, лягъ, успокойся на теплой печи!
Ты въ полѣ порыскаль дорогой нагорной
И мы посмѣялись прыжкамъ на пути.
Теперь успокойся, мой спутникъ проворный,
И чинно, безъ шума у насть погости!

Когда опять въ безмолвной кельѣ
Лампада тихая блеснетъ,
Душа купается въ весельи
И сердце сердце познаетъ.
Опять надежда разцвѣтаетъ,
Разсудокъ вновь заговорить,
И снова жизни грудь желаетъ
И жизнь привѣтнѣе горитъ.

Молчи-же, песь, оставь мнѣ эти звуки,
Не оскверняй ихъ жалобой своей!
Я знаю, человѣкъ, не рарѣшивъ науки
Высокихъ тайнъ, ругается надъ ней,
И все что благо, что прекрасно
Его какъ бремя тяготить.
Такъ можетъ-быть и не напрасно
Мой песь вослѣдъ за нимъ ворчитъ.

Но сердца стерлись слѣды вдохновенья,
Съ безумной тоской я ишу пресыщенья;
Безплодный источникъ вотще изсыхаетъ,
А жажда какъ прежде томитъ и терзаетъ.
Извѣдалъ я бѣдность всѣхъ нашихъ стремленій,
Мечты улетаютъ крылатой стрѣлою
И къ ясному небу влекутъ за собою
Въ божественный край откровеній.
Ихъ въ шумномъ и суетномъ свѣтѣ нѣтъ:
Скрыжаль откровеній, новый завѣтъ!
Я увлеченъ высокой мечтою
Я разумомъ сокрытое позналъ

И передалъ съ чистѣйшей простотою
Родному языку святой оригиналъ.

(Открываетъ библію)

Писаніе гласитъ: „въ началѣ было слово!“
Но вотъ ужъ для меня препятствіе готово:
Такъ высоко я слова не цѣню....
Но чѣмъ и какъ я слово замѣню?
Проникнуть мыслю иною,
Я напишу: „въ началѣ мысль была!“
Не торопись надѣять первою строкою,
Чтобъ истина тебя до цѣли довела.
Одна-ли мысль творить и созидаетъ?
Не силой-ли ее мнѣ замѣнить?
Но и она не все намъ выражаетъ!
Не знаю, какъ мнѣ заключить.
Но истина снимаетъ покрывало: —
Въ дѣяніи заключено начало.

Да полно-же пудель! что встрепенулся?
Смотри, какъ согнулся!
Ты мнѣ мѣшаешь,
Визжишь и лаешь;
Вонъ дверь — убирайся!
Лучше быть одному.
Не то — оставайся,
Да спи въ углу.

Но что я вижу предъ собой?
Не сонъ-ли смутный въ часъ ночной
Слетѣлъ ко мнѣ волшебною картиной?

Мой пудель тянеться, ростетъ,
Шерсть поднимается щетиной;
Онъ страшнымъ демономъ встаетъ.
Не песъ, а духъ передъ глазами;
Ужасный взоръ горитъ огнемъ,
Онъ въ гнѣвѣ немощномъ своеемъ
Грозится острыми клыками.
Но ты мнѣ рабъ въ дому моемъ!
Я надъ тобой повелѣваю
И соломоновымъ ключемъ
Исчадье ада заклинаю!

ДУХИ.

Таинъ одинъ попался,
У него въ клещахъ остался;
Какъ лиса въ западнѣ,
Старый чортъ сидить во тьмѣ.
Тише! Тише!
Сходитесь, слетайтесь,
Сбѣгйтесь, старайтесь
Его спасти.
Начните тревогу,
Откройте дорогу;
И онъ намъ поможетъ,
Гдѣ только можетъ.

ФАУСТЬ.

Четыре страшныя слова
Пусть встрѣтятъ демона сперва!

Пылай Саламандра,
Вейся Ундина,
Исчезни Сильфа,
Трудись Домовой!

Кто не знаетъ
Бурныхъ стихій,
Ихъ тайныхъ силъ
Не побѣдиль,
Тотъ невластенъ
Надъ духами.

Въ пламени вейся,
Саламандра!
Шумно слейся,
Ундина!
Блесни красой метеора,
Сильфа!
Неси домашнюю помошь,
Incubus! Incubus!
Заключи весь союзъ!

Онъ словъ моихъ не боится,
Другой въ немъ демонъ таится.
Смѣясь надъ силою моей,
Онъ растянулся у дверей.
Для страшной кары
Другія чары.

Если ты чадо
Мрачнаго ада,
Склонись во прахъ
Предъ образомъ мстителя,
Бога-смирителя!

Въ его рукахъ
И смерть и страхъ,
Онъ судить и караетъ!

(Ужъ дыбомъ страхъ щетину поднимаетъ!)

Назови, демонъ смрада,
Мстителя ада!
Не зачатъ, не рожденъ,
Ни кѣмъ не извѣданъ,
Разтерзанъ онъ
И мученіямъ преданъ.

За печкой онъ
Ростеть какъ слонъ;
Весь сводъ наполненъ имъ.
Чтобъ онъ въ туманѣ не разился!
Склонись, склонись къ ногамъ моимъ!
Не даромъ я грозился!
Я сожгу святымъ огнемъ;
Ты не жди
Трижды свѣтлаго пламени!
Не жди
Сильнѣйшаго знаменя
Въ таинствѣ дивномъ моемъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ, выходитъ изъ разсѣвшагося тумана, въ видѣ странствующаго схоластика.

Къ чему шумѣть? что нужно вамъ?

ФАУСТЬ.

Такъ вотъ чѣмъ пудель разрѣшился!
Изъ скорлупы схоластикъ вышелъ къ намъ!

Все это право такъ забавно,
Что мнѣ отъ смѣха мочи нѣтъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ученый мужъ, примите мой привѣтъ!
По вашей милости потѣль я преисправно.

ФАУСТЬ.

Какъ звать тебя?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вопросъ смѣшной,
Въ устахъ того, кто слово презираетъ,
Кто безъ придирки мелочной
Лишь въ существо предмета проникаетъ.

ФАУСТЬ.

У вашей братыи существа
Не отключишь и отъ названья,
По немъ у васъ чины и званья.
Губитель, лжесцъ, иль демонъ плутовства,
Скажи мнѣ, кто-же ты, мой милый?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я только часть великой силы,
Которая, всегда желая зла,
Одно добро произвела.

ФАУСТЬ.

Не мастеръ, братъ, я на гаданья;
Скажи попроще мнѣ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я демонъ отрицанья;
И самъ ты согласишься въ томъ,
Что отрицаю по-дѣломъ.
Какая цѣль всего творенья?
Всей дряни смерть! а потому
Хоть не родиться никому.
И такъ, грѣхи и преступленья,
Все что на васъ наводить страхъ
И все что зло въ твоихъ глазахъ,
И все что зломъ зовутъ другіе,—
Моя природная стихія.

ФАУСТЬ.

Ты говоришь: я часть, а весь передо мной.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Дивись ты скромности такой!
Вы, люди, въ гордости надменной,
Свой глупый міръ, съ мизинецъ мой,
Преважно славите вселенной!
Я только часть той части безграницной,
Которая въ началѣ всѣмъ была,
Частица тьмы, что свѣтъ произвела,
Сей гордый свѣтъ, который чинъ привычный
У ночи-матери своей,
Пространство отдѣлилъ огнемъ своихъ лучей.
Но нѣтъ! напрасно свѣтъ трудился!
Смѣшны его усилия намъ;

Онь рабъ, прикованный къ тѣламъ;
Отъ тѣла исходя, родится,
Красою тѣло облечеть,
За тѣломъ меркнетъ передъ нами;
А если часъ его придеть,
Такъ уничтожится съ тѣлами.

ФАУСТЬ.

Теперь знакома мнѣ обязанность твоя:
Ты началь съ малаго, не совершивъ большаго.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты правъ, любезный; изъ пустаго
Въ порожнее переливаю я.
Небытію противорѣчить
Пустое нѣчто, глупый свѣтъ;
Къ нему нигдѣ прохода нѣть:
И чортъ напрасно стрѣлы мечеть.
Пожаръ, потопъ и громъ, весь адъ на нихъ бѣжитъ,
А міръ по-прежнему стоять.
Къ тому-же глупая порода
Животныхъ гнусныхъ и людей!
Имъ ни-почемъ моя невзгода.
Вѣдь сколько я не насыпалъ смертей,
Но жизнь нигдѣ не пропадаетъ!
Я многимъ ямы рылъ; да только пользы нѣть:
Повсюду новой жизни цвѣтъ
Всю нашу власть превозмогаетъ!
Для нихъ и воздухъ и земля
И жаръ и холодъ, сушь и влага;

Гдѣ намъ и выдумать нельзя,
Повсюду рождается живучая ватага.
Сберегъ я цдамя въ добрый часъ,
А то бы не было обители по насы.

ФАУСТЬ.

Напрасно, демонъ непокорный,
Ты этой силѣ животворной,
Десницѣ благости святой
Грозишь строптивою рукой.
Придумай что-нибудь другое,
Хаоса странное дитя!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, благо мнѣніе такое!
О немъ подумать не шутя
Еще когда-нибудь случится.
Но мнѣ сегодня не досугъ
И ты позоволь мнѣ удалиться.

ФАУСТЬ.

Ступай себѣ, любезный другъ,
Напрасно поднялъ ты тревогу;
Съ тобой сошелся я теперь
И ты узналъ ко мнѣ дорогу.
Скачи въ трубу, въ окно и въ дверь;
Не трудно вытти — слава Богу!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да признаюсь, нельзя никакъ;
Тамъ на порогѣ заковычка.

ФАУСТЬ.

Такъ въ пентаграммѣ вся затычка?
Но какъ-же ты взошелъ, чудакъ,
И какъ ты обманулся такъ,
Когда она тебѣ мѣшаетъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Смотри, не такъ проведена;
Извинѣ однимъ угломъ она
Немногого мѣста открываетъ.

ФАУСТЬ.

Такъ ты по случаю, дружокъ,
Здѣсь въ западню ко мнѣ попался?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да! выдумка пошла не-впрокъ
И пудель въ дуракахъ остался;
А чорту вытти мудрено.

ФАУСТЬ.

Да что-же? выпрыгни въ окно!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Законъ чертей и привидѣній
Велитъ не измѣнять путей;
Войди любымъ безъ дальнихъ извиненій,
Но выходить другимъ не смѣй.

ФАУСТЬ.

И самый адъ снабженъ правами,
И у чертей законы есть!
Такъ послѣ этого на честь
Вступить въ условия можно съ вами?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мы не отжилимъ ничего,
Дадимъ сполна, что обѣщаемъ;
Объ этомъ послѣ мы побольше поболтаемъ;
Сегодня мнѣ пе до того.
Теперь-же, сдѣлай одолженіе,
Позволь мнѣ снарядиться въ путь.

ФАУСТЬ.

Да подожди еще мгновенье
И раскажи мнѣ что-нибудь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мнѣ нѣкогда; успѣмъ столкнуться,
Не вѣкъ-же мнѣ съ тобой сидѣть.

ФАУСТЬ.

Я за тобой не думалъ гнаться,
Ты самъ ко мнѣ попался въ сѣть;
Тебя въ другой разъ ис заманешь;
Кто черта держитъ, тотъ держи сильный.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, если ты ужъ не отстанешь,
Такъ я пробуду здѣсь въ числѣ твоихъ гостей.
Я покажу тебѣ чудеснѣйшія штуки,
Потѣшу вдоволь: ты позволь.

ФАУСТЬ.

Чтобъ только мнѣ не умереть со скуки;
Искусство я люблю, — изволь!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мой другъ, въ короткія мгновенія
Вдохнешь ты жадно наслажденья,
Какихъ и въ годъ не встрѣтишь ты.
Картини дивныхъ упоеній
И пѣсни облачныхъ видѣній,
Онѣ — не тщетныя мечты.
Живыхъ цвѣтовъ благоуханье,
Роскошныхъ явствъ очарованье
Съ невольной жаждой встрѣтишь ты.
Искусство наше не спѣсиво;
Мы всѣ здѣсь, начинайте живо!

ДУХИ.

Мрачныя тучи,
Скройтесь надъ нами!
Ярче, пышнѣе,
Роскошнѣй, свѣтлѣе
Вновь изъ-за тучи
Взглянетъ эфиръ.

Вотъ пронеслися
Тучи сѣдые;
Снова зажглися
Звѣзды златые;
Солнце блеснуло
И тихо взглянуло
На сумрачный міръ.
Красою чудесная,
Дѣти небесная,
Вейтесь и мчитесь
Въ бѣгломъ движеньї!
Съ ними носитесь
Въ нѣжномъ стремленьї!
Одежды мелькаютъ,
Выются, летаютъ
И тихо спадаютъ
Въ кустарникъ сокрытый,
Гдѣ въ нѣгѣ забытой,
Въ любви исчезая,
Душа, замирая,
Сольется съ душой.
Всюду прохлада;
Кусты за кустами
Лежатъ передъ нами;
Сокъ винограда
Пѣнится, бѣтесь,
Свѣтить и льется,
Въ ложе долины
По камнямъ сбѣгаешь
И моремъ стекаетъ

Къ подошвѣ вершины
Шумнымъ виномъ.
Птичка запѣла
И легкимъ крыломъ
Къ солнцу взлетѣла;
Радость спивая
Грудю полной,
На островъ сосѣдній
Долу слетая,
На шумныхъ волнъ
Тихо садится.
Островъ роскошный,
Въ волнахъ колыхаясь,
На волны ложится.
Тамъ рѣзвые хоры
Поютъ, наслаждаясь;
Веселые взоры
Веселыхъ встрѣчаютъ;
Тамъ пляшутъ, играютъ,
Шумятъ и смѣются
И вмигъ разбѣгутся;
Тѣ надъ горами,
Перекликаясь,
Идутъ толпами;
Другіе купанься,
Плещутъ голнами.
Всѣ къ жизни стремятся,
Къ радостной дали,
Гдѣ возсѣли
Звѣзды любви.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Заснулъ? лихіе бѣсенята!
Спасибо вамъ, мои робята!
Я за концертъ въ долгъ у васть.
Нѣть, рано вздумалъ ты повелѣвать надъ нами!
Такъ усыпляйте-же волшебными мечтами
Его еще на краткій часъ!
Но чтобы чары снять съ порога,
Я долженъ крысъ на помошь звать.
Да вотъ одна; недолго ждать!
Сюда, ко мнѣ ея дорога.

Владыка крысъ и царь мышей,
Клоповъ, лягушекъ, блохъ и вшей,
Ведитъ тебѣ къ нему явиться
И къ этой двери приложиться;
И гдѣ онъ масломъ поведетъ,
Пускай твой зубъ порогъ грызетъ.
Живѣ! то, что мнѣ мѣшало,
Тамъ ближе на краю лежало.
А вотъ и все! ну, спи, мечтай,
И до свиданья, Фаустъ, прощай!

ФАУСТЪ, просыпаясь.

Опять обманутъ я мечтою!
Коварный сонъ меня околдоваль!
Чортъ посмѣялся надо мною,
А пудель въ двери ускакалъ!

КАБИНЕТЪ.

ФАУСТЬ и МЕФИСТОФЕЛЬ.

ФАУСТЬ.

Звонятъ? кто тамъ? опять помѣха!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я здѣсь.

ФАУСТЬ.

Войди!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Нельзя-ли въ третій разъ
Меня просить?

ФАУСТЬ.

Войди-же, чортъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сейчасъ.

Вотъ это такъ! взгляни для смѣхѣ,
Да полюбуйся! молодцомъ
Я для забавъ твоихъ явился:
И въ шелкъ, и въ золото кругомъ
Я, какъ вельможа, нарядился.
Кафтанъ съ иголки, весь горитъ;
Перо на шляпѣ шевелится,
Мой красный плащъ по модѣ сшитъ
И шпага на боку вѣртится.
А ты-то что? Да развернись,
Держись меня, будь франтомъ моднымъ,
Проснись, умойся, причешись,
Узнай, что зпачить быть свободнымъ!

ФАУСТЪ.

И подъ одеждой золотой
Не скрыть мнѣ тягостныхъ страданій!
Я слишкомъ старъ для прихоти пустой
И слишкомъ молодъ я, чтобы не имѣть желаній.
Да! я для шутокъ устарѣлъ!
И чѣмъ мнѣ въ жизни любоваться?
Мнѣ свѣтъ все ту же пѣсню пѣлъ:
Умѣй терпѣть и отказаться!
Да, эта пѣсенка по насть;
Она намъ уши раздираетъ,
Ее одну лишь каждый часъ
Намъ хриплымъ басомъ напѣваетъ.
Взойдетъ-ли утро надо мной,
Я встану съ ужасомъ съ одра мопхъ страданій;
Я знаю, день пройдетъ привычной чередой,

Не совершивъ моихъ напрасныхъ ожиданій.
Онъ самый слѣдъ надеждъ златыхъ
Насмѣшкой хладноу встревожить,
И образъ вымысловъ живыхъ
Уродливой личиной уничтожить.
Когда-же ночь исходитъ къ намъ,
Я лягу на постель, исполненный волненія,
И сны зловѣщіе испуганнымъ очамъ
Являютъ дикія видѣнія.
Безсильный богъ души моей
Всю глубину ея взволнуетъ,
Но цѣли творческой онъ въ бѣдной жизни сей
Моимъ мечтамъ не указуетъ.
Какъ бремя жизни меня гнететъ!
Я лишь отъ гроба жду спасенья.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И гробъ не доброе несетъ.

ФАУСТЬ.

Блаженъ, кто лавромъ освѣніиный,
Въ кровавой битвѣ смерть встрѣчаетъ,
Кто послѣ пляски иступленной
На персяхъ дѣвы умираетъ!
О, еслибъ пламеннымъ видѣніемъ пораженный,
Благоговѣйный страхъ въ душѣ моей тая,
Въ нѣмомъ восторгѣ умеръ я!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Зачѣмъ-же ты въ ту ночь отъ смерти отказался?
Зачѣмъ не умеръ ты тогда?

ФАУСТЬ.

И то пронюхалъ ты? съ шпіономъ жить бѣда!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я кое-что развѣдать постарался!

ФАУСТЬ.

Когда отъ горести тревожной
Знакомый звукъ меня отвлекъ
И дѣтскихъ чувствъ привѣтъ ничтожный
Къ веселой юности увлекъ:
Я прокляну обманъ минутный,
Сманившій сердце въ сѣть свою
И лживый призракъ тѣни смутной,
Упавшій на душу мою,
Я прокляну пустое мнѣнье,
Которымъ духъ гордился мой
И блескъ коварнаго видѣнья,
Летавшій надъ моей главой;
Я прокляну волненія славы,
И все, что въ пламенныхъ мечтахъ
Насъ тѣшилъ суетной забавой,
Въ женѣ и въ дѣтяхъ и въ рабахъ;
Я прокляну дары богатства,
Когда они нашъ бурный вѣкъ
Влекутъ на подвигъ святотатства
И стелютъ ложе праздныхъ нѣгъ;
• • • • •
Любовь къ утѣхамъ и вину,

Но всѣхъ ужаснѣе, всѣхъ прежде
Терпѣніе наше прокляну!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Горе тебѣ!
Ты дивный міръ
Разрушилъ въ прахъ!
И онъ разбитъ
Въ пыли лежитъ
Передъ тобою.
Онъ палъ подъ могучей рукою!
Въ печали
Мы уносимъ прахъ развалинъ,
Тоскуя
Надъ разрушенной красою.
Изъ праха земнаго,
Царственныиы сынъ земли,
Выстрой снова
Пышный міръ!
Въ немъ оживи
Душой прекрасной,
Для новыхъ чувствъ,
Для пѣсни ясной!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Отъ рѣзвыхъ шутокъ
Моихъ малютокъ
Развеселись;
Отъ ихъ совѣта
Не откажись.

На праздникъ свѣта,
На пиръ земли,
Отъ жижи хладной
И безотрадной
Зовутъ они.

О, перестань играть тоскою,
Летящей коршуномъ надъ жизнью твоей!
Ты чувствуешь въ смишениі съ толпою,
Что человѣкъ и ты среди людей.
Я впрочемъ и не въ грязь
Столкнуть тебя намѣренъ;
Другой намъ жребій вѣренъ.
Хотя я и не князь,
Но если ты хочешь со мною
Путь жизни раздѣлить,
Я вѣрною тѣнью слѣдить
Повсюду готовъ за тобою.
Отнынъ и впредъ навсегда
Тебѣ я и рабъ, и слуга.

ФАУСТЬ.

А я чѣмъ заплачу, дружокъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Еще до платы дологъ срокъ.

ФАУСТЬ.

Чортъ эгоистъ! не по пустому
Щедрится онъ; а ты хитришь!
Не Христа ради-же другому
Благодѣяніе творишь.

Върнѣй условиться съ тобою:
Такой услужливый слуга
Въ дому опаснѣе врага.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я буду здѣсь твоимъ слугою,
По прихоти твоей ни ъесть, ни пить, ни спать;
Но если тамъ мы встрѣтимся съ тобою,
Ты долженъ той-же мнѣ монетой отвѣтить.

ФАУСТЬ.

Меня тѣмъ міромъ не встревожишь,
Мнѣ тотъ не любопытенъ свѣтъ;
Когда ты этотъ уничтожишь,
Мнѣ до другаго дѣла нѣтъ.
Моимъ мечтамъ не это-ль солнце свѣтитъ?
Не эта-ли земля таитъ мою печаль?
Къ чѣму мнѣ знать, когда мнѣ ихъ не жаль,
Что тамъ меня за гробомъ встрѣтитъ?
Къ чѣму мнѣ знать, какъ любятъ тамъ
И также-ль ненависть ведется?
Что значитъ верхъ по ихъ словамъ
И низомъ что у нихъ зовется?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такъ я согласенъ — по рукамъ!
Тебя я лихо позабавлю,
Мои дѣла хвалить заставлю;
Ты у меня увидишь то,
Чего не видывалъ никто.

ФАУСТЬ.

Ну, чѣмъ-же, бѣдный чортъ, въ какихъ-же наслажденьяхъ
Ты угодишь мечтамъ моимъ?
Духъ человѣческій тебѣ непостижимъ
Въ своихъ возвышенныхъ стремленьяхъ.
Изъ всѣхъ своихъ даровъ дай только пищу мнѣ,
Чтобъ пища та не насыщала;
Дай золата краснаго, чтобъ ртутью по рукѣ
Оно мгновенно пропадало;
Дай мнѣ игру, чтобъ проиграть,
И пусть красавицу найду я,
Чтобы уста мои цѣлую,
Она старалась угодить
Уже заранѣе сосѣду;
Дай славы мнѣ, чтобъ завтра-же и слѣду
Отъ славы той мнѣ не видать;
Дай мнѣ плоды, которые гниютъ,
Когда ихъ съ дерева срываютъ
И дай деревья мнѣ, что каждый день цвѣтутъ
И свѣжей зеленью все листья покрываютъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такихъ даровъ мнѣ не искать
И прихотямъ такимъ мнѣ угодить не въ бремя;
Но, милый другъ, наступитъ время,
Гдѣ намъ и лучшихъ благъ захочется вкушать.

ФАУСТЬ.

Я твой отъ той поры, когда на ложѣ лѣни
Я лягу въ первый разъ съ покойною душой,

Когда отъ ласкъ твоихъ, отъ лживыхъ убѣжденій
Съ самодовольствіемъ взгляну на образъ свой
И грудь обманешь ты восторгомъ упоеній,
Тогда я твой, тогда я твой!
Вотъ мой закладъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И будеть съ насъ.

ФАУСТЬ.

Я по рукамъ готовъ сейчасъ.
И если я скажу мгновенью:
Тебѣ я радъ! остановись!
Я отдаюсь уничтоженью
И ты надъ жертвой веселись!
Пускай тогда твой плѣнъ прервется,
Мой смертный часъ пробьетъ стены,
Пусть маятникъ съ часовъ сорвется,
Пусть время минетъ для меня!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Запомню я твое условье.

ФАУСТЬ.

Ты правъ вполнѣ и властенъ въ томъ;
Что я сказалъ — не пустословье.
И если я рожденъ рабомъ,
Я въ господахъ не затрудняюсь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А я сегодня-же за докторскимъ столомъ

Тебъ служить, какъ должно, постараюсь.
Я-бъ затруднить тебя распиской не посмѣль,
Но кратокъ срокъ земнаго вѣка.

ФАУСТЬ.

Педантъ расписки захотѣль!
Ты вникни въ душу человѣка!
Онъ не отступится отъ слова своего.
Иль подозрительныи залогомъ
Тебъ за жизнь мою оно?
Иль буду вѣренъ я въ своемъ обѣтѣ строгомъ,
Когда весь міръ передо мной
Потокомъ бѣшеннымъ все далѣе стремится?
Но эта суетность родится
Въ насть вмѣсть съ жизнью земной;
Кто отъ нея освободится?
Тотъ счастливъ, кто въ груди своей
Святую вѣрность чисто носить!
Онъ нераскаянно приносить
Всѣ жертвы въ бѣдной жизни сей.
Но что написано, что скрѣплено печатью,
Какъ привидѣніе насть въ ужасъ приведеть
И слово на перѣ безсмысленно замретъ;
Воскъ и пергаментъ вашу братью
Невольнымъ страхомъ окуетъ.
Желѣзо, мраморъ, что вѣришь?
На чемъ тебѣ расписку дать?
Перомъ или грифелемъ писать,
Иль врѣзать долотомъ? ну, выбирай живѣе!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Къ чему съ ума сходить, дружокъ?
Твою горячку видѣть больно;
Тутъ всякий годенъ лоскунокъ;
Двухъ капель крови съ насъ довольно.

ФАУСТЬ.

Мнѣ всѣ равно; какъ хочешь, такъ устрой.
На всѣ я глупости согласенъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Нѣтъ, въ славѣ кровь у насъ большой
И сокъ ея на этотъ счетъ прекрасенъ.

ФАУСТЬ.

Тебѣ судьба моя вѣрна.
Стремленье силъ моихъ сполна
Я именно тебѣ и обѣщаю.
Я слишкомъ чванился; я знаю,
У насъ съ тобой ступень одна.
Увы, на всѣ мои слова
Мнѣ грозный духъ не отвѣчалъ!
Природа для меня мертвa,
Я нити мыслей разорвалъ,
Я не прошу напрасной дани.
Отъ жалкихъ суетныхъ познаній:
Пусть въ пламенной нѣгѣ, не зная препонъ
Дикая страсть насладится,
Пусть бѣдный мой умъ, волшебствомъ ослѣпленъ,
Въ неразгаданныхъ чарахъ томится!

Кинемся въ шумное море временъ,
Въ дѣла земли, въ потокъ племенъ!
Пусть неудача и успѣхъ,
Средь горя и утѣхъ,
Чередой взволнуютъ бурный вѣкъ!
Въ борьбахъ только видѣнъ человѣкъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Для васъ въ утѣхахъ мѣры иѣть;
Вы радость на лету ловите,
Восторги бѣглые вкусите;
Свои дары несетъ вамъ свѣтъ.
Чуръ, не скучиться въ упоеньяхъ!

ФАУСТЬ.

Не думаль я о наслажденьяхъ.
Я кинусь въ бурный чадъ страстей,
Упьюсь восторгами мученій,
Я ненависть любви, отраду огорченій
Сышу въ печальной жизни сей.
Святая истина отъ глазъ моихъ скрыта,
Высокой мудрости уму не суждено.
Всѣмъ горестямъ отнынѣ грудь открыта
И всѣмъ, что человѣчеству дано,
Въ себѣ самомъ хочу я насладиться,
И въ адъ, и въ небо погрузиться,
И грусть людей, и радость ихъ испить.
Съ ихъ бытіемъ свое совокупить
И съ ними наконецъ въ уничтоженыи слиться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Повѣрь ты мнѣ, ужъ сколько тысячъ лѣтъ
Гляжу я здѣсь на этотъ свѣтъ,
Но съ колыбели до могилы
Ни у кого еще на то не стало силы.

.
.

ФАУСТЬ.

Но я хочу.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты правъ, конечно.
Но я боюсь за жребій твой;
Жизнь коротка, искусство вѣчно,
Прими отъ насъ совѣтъ благой:
Вступи въ союзъ съ знаменитымъ поэтомъ;
Бѣдный мечтатель на все гораздъ:
Тебя онъ прославить передъ свѣтомъ,
Тебѣ въ стихахъ бессмертныхъ дастъ
И силу львовъ,
И легкой серны быстроту,
И твердость сѣверныхъ умовъ,
И юга знайную мечту;
Онъ тайны дивныя откроетъ,
Лукавство доблестью прикроетъ,

Любовь по плану расположить,
По немъ любить заставить можетъ;
И имя готово для него,
Я-бъ микрокосмомъ назвалъ его.

ФАУСТЬ.

Ужель я ниже всѣхъ? послѣдній рабъ творенія?
Ужель умомъ не властенъ я
Достигнуть цѣли бытія,
Вѣнца земнаго назначенья?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Къ чему мой другъ пустая спѣсь?
Нѣтъ пользы ни въ какихъ цилюляхъ;
И въ парикѣ, и на ходуляхъ
Ты все таковъ, каковъ ты есть.

ФАУСТЬ.

Напрасно немощныхъ познаній
Я бремя тщетное на плеча нагрузилъ;
Я не взялъ съ нимъ обильной дани,
Въ груди моей нѣть свѣжихъ силъ.
Обманутъ въ суетной надеждѣ,
Отъ неба я далекъ, какъ прежде!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты смотришь, другъ мой, на предметы,
Какъ всѣ вы смотрите на нихъ.
Свести умнѣе нужно смыты,
Пока въ насы пламень не затихъ.

Твои и голова, и ноги,
Ты—полный властелинъ;
Но радостямъ, что набралъ ты съ дороги,
Ужель ты меньше господинъ?
Когда я шесть коней впрягаю,
Я-бъ силой ихъ похвастать могъ;
Двѣ дюжины проворныхъ ногъ¹
Своими смѣло называю.
Чего-же ждать? что медлишь ты?
Впередъ на праздникъ суеты!
Кто въ спекуляціи пустился,
Смотри, чтобы онъ съ пути не сбился;
Такъ глупый звѣрь глядить вокругъ,
Въ безлюдномъ полѣ слѣпо рыщетъ,
Какъ-будто демонъ въ ухо свищетъ,—
А въ двухъ шагахъ цвѣтеть зеленый лугъ.

ФАУСТЬ.

Съ чего начать?

МИФИСТОФЕЛЬ.

Идти впередъ;
Здѣсь скуча хоть кого убьетъ.
Охота-же тебѣ сидѣть съ учениками,
Себя и ихъ дурачить пустяками;
Пусть этимъ мучится сосѣды!
Солому молотить тебѣ, мой другъ, не слѣдъ.
Напрасно ты себя тревожишь;
А если въ голову мысль добрая зайдетъ,

Ее ученикамъ довѣрить ты не можешь;
Да кстати вотъ одинъ идетъ.

ФАУСТЬ.

Я не приму его.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Пустое!

Давно ужъ бѣдный мальчикъ ждетъ;
Онъ не оставитъ насъ въ покой.
Его плѣнить одинъ твой взглядъ,
Утѣшить твой совѣтъ глубокій.
Дай шапку мнѣ, да плащъ широкій;
Къ лицу мнѣ будеть твой нарядъ.

Одѣвается.

Теперь оставь мнѣ попеченье;
Учить людей не мудрено.
А самъ прими въ соображенье,
Что время юхать намъ давно.

Фаустъ уходитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ, въ одеждѣ Фауста.

Ты надъ наукой только смѣйся,
Да плюнь на бѣдный умъ людей
И съ духомъ лжи сроднись и слейся,
Такъ изъ моихъ не вырвешься цѣпей!
Его могучими крылами
Духъ необузданный влечеть;
Другими ослѣпленъ мечтами,
Земныхъ восторговъ онъ не ждетъ.

Я увлеку его дорогой жизни шумной,
Путемъ ничтожности пустой,
Иzmучуаждой неразумной
И пишу укажу надъ альчию члавой.
Но нѣтъ, не для него награда!
И безъ записки роковой
Онъ вѣрная добыча еда!

Входитъ ученикъ.

УЧЕНИКЪ.

Сюда пріѣхалъ я недармо,
Но васъ увидѣть пожелалъ;
Повсюду имя ваше славно,
Вашъ умъ кого не научалъ!?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Весьма пріятна мнѣ ваша учтивость;
Но я и другимъ отдаю справедливость
И ихъ не выше я отнюдь.
Вы занимались-ли гдѣ нибудь?

УЧЕНИКЪ.

Я васъ прошу меня наставить;
Полна отвагой грудь моя
И деньги есть, и молодъ-я.
Ахъ, трудно было родню оставить!
Съ слезами рѣшилась мать моя;
Зато начну теперь учиться,
Хочу порядкомъ навостриться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какъ хорошо, что вы у насъ.

УЧЕНИКЪ.

Признаться-ли, я готовъ сейчасъ
Опять уѣхать. Эти своды
Меня тѣснить; въ стѣнахъ у васъ
Нѣтъ ни простора, ни свободы,
Все сжато, стѣснено вездѣ,
Не встрѣтишь зелени нигдѣ;
А въ залахъ, на скамейкѣ сидя,
Глядишь, не слыша и не видя.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Во всемъ привычка учить насъ:
Дитя у матери родной
Груди не тронеть въ первый разъ,
А послѣ пищи нѣтъ другой.
И ты вдохнешь восторгъ блаженной
Изъ груди мудрости священной.

УЧЕНИКЪ.

Въ ея объятіяхъ такъ сладко отдохнуть!
Но гдѣ и какъ найти къ ней путь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сперва скажите мнѣ въ отвѣтъ,
Какой избрали факультетъ?

УЧЕНИКЪ.

Всему хочу я научиться,
Во всемъ желалъ-бы просвѣтиться,
Раскрыть природы чудеса,
Обнять и землю, и небеса.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

О, это самый вѣрный путь,
Не надо только развлекаться.

УЧЕНИКЪ.

Ахъ нѣтъ, я буду заниматься;
Хоть признаюсь и отдохнуть
По воскресеньямъ не мѣшаетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какъ жалокъ тотъ, кто время расточаетъ!
Его одинъ порядокъ сберегаетъ.
За тѣмъ, пускай вашъ юный умъ
Займетъ Collegium logicum.
На славу тамъ его пріучатъ
И въ тѣсныхъ сапогахъ замучатъ,
Чтобъ по дорогѣ вялыхъ думъ
Тихонъко брель несмѣлый умъ,
Чтобъ строгимъ правиломъ стѣсненъ
И вкривь и вкось не рыскалъ онъ.
Тамъ вѣрно слѣдяя пути,
Васъ по командѣ: разъ, два, три,
Заставятъ вмигъ и сѣсть, и встать
И ъсть, и пить, и лечь, и спать.

Какъ ткани на станкѣ творятся,
Такъ мысли въ головѣ родятся.
Какъ ступишь, нити зашумятъ,
Невидимо сотнями сбѣгутся,
Сольются, свяжутся, сплетутся
И дивныя ткани породятъ.

Такъ и философъ выходитъ къ намъ;
Мы слышимъ и вѣримъ его словамъ.
Онъ говоритъ, что первое такъ,
А потому и второе такъ,
И еслибы перваго не бывало,
Тогда-бы и втораго не стало.
Ученики ему дивятся
И по путямъ его стремятся.
Но чѣмъ? сколько ни кричали,
А все ткачей мы не видали.
Кто хочетъ разобрать предметъ,
Пускай въ немъ душу уничтожить;
Хотя духовной связи и нѣтъ,
Онъ по частямъ его разложитъ.
Encheiresin naturae — такъ
Все это въ химіи зовется,
Хотя она, не зная какъ,
Сама-же надъ собой смѣется.

УЧЕНИКЪ.

Не все понятно мнѣ, признаться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

О, это очень можетъ статься;

Потомъ поймете больше вы;
Но вы сначала все должны
Классифицировать стараться.

УЧЕНИКЪ.

Все въ головѣ пошло кругомъ,
Все повернулось колесомъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Потомъ сейчасъ другимъ займитесь
И метафизикъ учтесь.
Тамъ замѣчайте поскорѣй,
Чего не смыслитъ умъ людей;
Что годно для него, что нѣть,
На это чудный есть отвѣтъ.
Пускай въ шесть мѣсяцовъ сперва
Придетъ въ порядокъ голова.
Въ день пять часовъ учтесь вамъ;
Вы до звонка бывайте тамъ.
Прочтите каждый параграфъ,
Что входить лекціи въ составъ,
Чтобы читали вамъ одно,
Что въ книгахъ писано давно;
Въ тетрадь не худо записать,
Все то, что будутъ толковать.

УЧЕНИКЪ.

Вы мнѣ совѣтъ прекрасный дади,
Тутъ дѣло выгоды прямой;
Спокойно мы несемъ домой,
Все, что въ тетради записали.

ИЕФИСТОФЕЛЬ.

Но изберите факультетъ.

УЧЕНИКЪ.

Къ юриспруденціи во мнѣ охоты нѣтъ.

ИЕФИСТОФЕЛЬ.

И что вы впрямъ найдете тамъ?
Не въ грѣхъ-же я, признаться вамъ,
Вмѣняю ненависть такую.
Все пустяки, однѣ слова!

• • • • • • • • • • • • • • • • • • •

Отъ поколѣнья къ поколѣньямъ
Ихъ время медленно несетъ;
Благодѣяніе становится мученьемъ,
А умъ въ безумство перейдетъ.

• • • • • • • • • • • • • • • • • • •

УЧЕНИКЪ.

Теперь мой страхъ еще мнѣ больше милъ;
Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ вамъ внимать.
Не къ философы-ли пристать?
Ужъ я почти на то согласенъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я не хочу васъ обмануть,
Но путь къ наукѣ сей опасенъ;
Неправдами усъянъ этотъ путь,
И яда скрытаго такъ много въ немъ таится,
И отъ лекарства ядъ такъ трудно отличить;
Вѣрный всего и здѣсь лишь одному внимать
И съ вѣрой за слова учителя божиться.
Держитесь вообще — къ словамъ,
Посредствомъ словъ не трудно вамъ
До убѣжденія добиться.

УЧЕНИКЪ.

Но мысль въ словахъ должна-же заключаться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Все это такъ, но тамъ, гдѣ мысли нѣтъ,
Нельзя отъ слова отказаться
И только слово дастъ отвѣтъ.
Словами защищаются тему,
Словами стряпаются систему,
Легко и чувство въ слово пріймемъ,
Отъ слова буквы не отнимемъ.

УЧЕНИКЪ.

Мои вопросы вамъ наскучили, конечно,
Но прежде чѣмъ уйду, скажите мнѣ сперва
О медицинѣ слова два.
Три года малый срокъ и время быстротечно,

А поле мудрости широко предо мной;
Благой совѣтъ скорѣй приводитъ къ цѣли.

МЕФИСТОФЕЛЬ, про себя.

Ужъ мнѣ рацей надобли,
Прикинусь лучше сатаной.

Громко.

Въ наукѣ сей вашъ умъ не затруднится.
Вы вникните въ большой и малый свѣтъ;
А до того, что на землѣ случится,
Вамъ дѣла нѣть.

Напрасно здѣсь учиться съ жаромъ;
Мы то, что можемъ знать, узнаемъ наконецъ;
Кто времени не пропускаетъ даромъ,
Тотъ истинный мудрецъ.

За смильнымъ Богъ; кто смиренъ, тотъ смѣшонъ;
Вы не дурны — на васъ не наглядятся;
Кто въ собственномъ достоинствѣ убѣженъ,
Въ томъ и другіе убѣдятся.

Сперва вы женщинъ проведите;
Въ нихъ замѣчайте вы одно
И отъ всего

Однимъ вы разомъ ихъ лечите.
Прикиньтесь честнымъ простакомъ,
Такъ вы ко всѣмъ встретесь въ домъ.
Вы громкимъ титуломъ сперва ихъ убѣдите,
Что ваше знаніе все въ мірѣ превзойдетъ,
Потомъ всѣ мелочи у нихъ переберите,
Которыхъ въ годъ другой не перечтеть;
За пульсъ ловчье ихъ возмите —

Пусть взоръ вашъ-выразитъ нѣжнѣйшую печаль!
Потомъ ихъ съ жаромъ обнимите,
Чтобъ разсмотрѣть, снуровка не тѣсна-ль?

УЧЕНИКЪ.

Наука нравится мнѣ такъ,
Тутъ тотчасъ видишь, гдѣ и бакъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Суха теорія, мой другъ,
А древо жизни зеленью покрыто.

УЧЕНИКЪ.

Все то, что я услышалъ вдругъ,
Какъ будто сонъ,— я признаюсь открыто;
Позвольте мнѣ почаше приходить,
Я мудрости отъ васъ желалъ-бы научиться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Чѣмъ я могу, готовъ я вамъ служить.

УЧЕНИКЪ.

Нельзя безъ просьбы удалиться,
Я не могу отъ васъ отстать;
Вы попросите себя позвольте,
Въ альбомъ два слова записать,
Два слова, двѣ строки.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Извольте.

Онъ пишетъ и возвращается ученику альбомъ.

УЧЕНИКЪ, читаетъ.

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

Почтительно закрываетъ книгу и уходитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вѣрь только этиимъ словамъ

Да теткѣ змѣй довѣряйся.

Такъ съ богоподобіемъ смотри ты не растеряйся.

Входить Фаустъ.

ФАУСТЬ.

Куда теперь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Куда угодно.

Намъ на большой и малый свѣтъ

Теперь взглянуть вездѣ свободно;

Нигдѣ, ни въ чемъ преграды нѣтъ.

Тебя отъ новаго ученья

И польза ждетъ, и наслажденье.

ФАУСТЬ.

Но гдѣ мнѣ съ длинной бородой

Привыкнуть къ жизни молодой?

Чтобъ я не дорого за шутку расплатился!

Я чувствую себя ничтожнымъ при другихъ;

Я никогда для свѣта не годился;

Не вижу я добра отъ выдумокъ твоихъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты этого мой другъ совсѣмъ не разумѣешь;
Будь только посмѣлый, такъ ты и жить съумѣешь.

ФАУСТЬ.

Но развѣ домъ намъ съ мѣста сдвинуть;
Здѣсь нѣтъ ни слугъ, ни лошадей.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Миѣ стоять только плащъ раскинуть,
Такъ мы скорѣе всѣхъ коней
Взлетимъ на воздухъ; но въ дорогу
Ты только не бери большихъ узловъ съ собой.
Мы съ воздухомъ огня смѣшаємъ по-немногу
И мигомъ полетимъ съ поверхности земной,
И тѣмъ скорѣй мы совершимъ дорогу,
Чѣмъ будемъ легче на подъемъ.
Желаю счастія вамъ съ новымъ бытіемъ!

ПОГРЕБЪ АУЕРБАХА.

Въ Лейпцигѣ.

ШАЙКА УДАЛЬЦОВЪ.

ФРОШЪ.

Сидять! не пьютъ и не смѣются
И только харямы кривятъ!
Молчатъ и шутки не даются;
Бывало, всѣ огнемъ горятъ.

БРАНДЕРЪ.

Да на твоей винѣ безчинство;
Соври хоть глупость, сдѣлай свинство.

ФРОШЪ.

Тебя любымъ пожалуй я
Попотчую!
Обливаетъ его виномъ.

БРАНДЕРЪ.

Вдвойнѣ свинья!

ФРОШЪ.

Вы сами этого хотите.

СИБЕЛЬ.

Кто ссорится, такъ вонъ толкните!
Вставать! опомниться пора!
Да круговую затяните!
Дружнѣй, ребятушки! Ура!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Молчи, проклятый запѣвало,
Покамѣсть ухо не пропало!
Вѣдь такъ какъ-разъ оглохнешь, братъ.

СИБЕЛЬ.

Когда и своды затрещать,
Такъ можно басомъ любоваться.

ФРОШЪ.

Вотъ съ нѣжинкой, кто хочетъ обижаться!
А! тара, лара, да!

АЛЬТМАЙЕРЪ.

А! тара, лара, да!

ФРОШЪ.

Ревутъ на славу голоса!

Поетъ.

Какъ держится до этихъ поръ
На римскомъ тронѣ пада!

БРАНДЕРЪ.

Тыфу, пѣсня скверная! какое дѣло вамъ!
По милости Творца, о римскомъ государствѣ
Пришлось заботиться не намъ.
Я не желалъ-бы въ самомъ сильномъ царствѣ
Быть канцлеромъ, иль даже королемъ.
Но безъ главы нельзя-же намъ остаться,
Не можетъ безъ него собраніе держаться;
Мы, братцы, папу изберемъ.
Извѣстно вамъ, достоинства какія
Всего нужнѣй на званія такія.

ФРОШЪ.

Соловушко-милушка, взвѣйся сейчасъ,
Кланяйся душечки сто тысячъ разъ!

СИВЕЛЬ.

Еще ей кланяться! не нужно этой пѣсни!

ФРОШЪ.

Да я ей кланяюсь, хоть ты съ досады тресни!
Долой замокъ, какъ ночь сойдегъ;
Долой замокъ, любовникъ ждетъ!
Запри замокъ, какъ день взойдегъ!

СИБЕЛЬ.

Да пой себѣ, расхваливай, дуракъ!
На нашей улицѣ вѣдь будетъ тоже праздникъ.

Не хуже моего въ просакъ,
Пускай къ ней домовой любовникомъ придетъ,
На всѣхъ углахъ съ ней поиграетъ;
Пускай козелъ, какъ съ Брокена пойдетъ,
Ей доброй ночи пожелаетъ.
Съ такими дѣвками бѣда;
Имъ добрый малый не чета.
Да мы-же штуку съ ней сыграемъ,
Всѣ стекла въ домѣ изломаемъ.

ВРАНДЕРЪ.

Постойте,тише, господа!
Блаженъ, кто знаетъ обращаться!
У насъ съ влюбленными бѣда
И трудно съ ними столковаться.
Я ихъ потѣшу новизной,
Спою имъ пѣсню удалую,
А вы садитесь въ круговую;
Вамъ нужно хоромъ пѣть за мной.

Поетъ.

Въ подвалѣ крыса завелась,
Все жиръ да масло Ѳла;
Какъ докторъ Лютеръ, расположилась,
Разъѣлась, растолстѣла.
Кухарка яду ей дала,
А крыса бѣдная слегла,
Какъ-будто любви обѣлась.

ХОРЪ, съ крикомъ.

Какъ-будто любви обѣлась.

БРАНДЕРЪ.

И вверхъ и внизъ она бѣжитъ,
И пьетъ во всякой лужѣ,
Весь домъ грызетъ, визжитъ, пищить,
А съ ней все хуже, да хуже;
Прыгнетъ съ испуга въ потолокъ,
Не въ силу боль, ничто не впрокъ,
Какъ-будто любви обѣлась.

ХОРЪ.

Какъ-будто любви обѣлась.

БРАНДЕРЪ.

Вотъ въ кухню она среди бѣлаго дня
Въ испугѣ забѣжала
И растянулась у огня,
И страшно застонала:
Смѣясь кухарка говоритъ:
• • • • •
Какъ-будто любви обѣлась.

СИВЕЛЬ.

Смотри, какъ олухи зашѣли!
Пришлась имъ пѣсенка подъ-стать,
Какъ-будто трудно въ самомъ дѣлѣ
Бѣдняжкѣ крысѣ яда дать.

БРАНДЕРЪ.

Не крысъ-ли вздумалъ защищать?

ЛЫСИНА.

Что, лысина съ отважнымъ брюхомъ,
Ты оть невзгоды смѣрть сталъ?
Ужъ не себя-ль, разставшись съ духомъ,
Ты въ пухлый ирысь распозналъ?

ФАУСТЬ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Свести тебя съ весельчаками
Сначало нужно для того,
Чтобъ ты свонии-же глазами
Узналъ, какъ въ мірѣ жить легко.
Здѣсь вѣчный праздникъ, шумъ и крики.
Они разсудкомъ не велики,
А смѣло хвастаютъ умомъ.
Всѣ, какъ козлы за хвостомъ,
Верятся, прыгаютъ кругомъ;
Имъ въ мірѣ нѣть другаго дѣла,
Лишь голова-бы не болѣла,
И въ долгъ хозяинъ-бы давалъ.

БРАНДЕРЪ.

Чужie! я тотчасъ узналъ
И по одеждѣ ихъ забавной,
И по смѣшнымъ пріемамъ ихъ.

ФРОШЪ.

Ты правъ, нашъ Лейпцигъ городъ славный,
Какъ маленький Парижъ, не остраниТЬ своихъ.

СИБЕЛЬ.

Ты за кого считаешь ихъ?

ФРОШЪ.

Пусти! я съ ними поболтаю;
На столъ бутылка подана;
Я за стаканчикомъ вина
Всю подноготную узнаю.
Ужъ не дворяне-ли, друзья?
Глдятъ такъ гордо, недовольно.

ВРАНДЕРЪ.

Бродяги, хвастуны; не больно
Такимъ дворянамъ вѣрю я.

АЛЬТИАЙЕРЪ.

Да можетъ-быть.

ФРОШЪ.

Я не сробью,
Заставлю все ихъ разсказать.

МЕФИСТОФЕЛЬ, Фаусту.

Во вѣкъ имъ черта не узнать,
Хоть сядь онъ прямо на шею.

ФАУСТЬ.

Мое почтенье, господа!

СИБЕЛЬ.

Благодаримъ!

Взглянувъ на Мефистофеля, въ сторону.

Ну, вотъ бѣда!

Вѣдь онъ хромаетъ, такъ что чудо!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Позвольте, господа, присѣсть;
Вино у васъ, конечно, худо,
Такъ мы себѣ вмѣняемъ въ честь,
Хоть разговоромъ насладиться,
Когда ужъ не чѣмъ здѣсь напиться.

АЛЬТИЛАЙЕРЪ.

Не угодишь никакъ на васъ.

ФРОШЪ.

Вы въ Рипахъ должно-быть запоздали,
Емеля-дурачокъ не угощалъ-ли васъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сегодня мы не забѣжали;
Однако съ нимъ въ послѣдній разъ
Мы очень много толковали;
Онъ намъ о братьяхъ говорилъ
И всѣмъ имъ кланяться просилъ.

Кланяется Фрошу.

АЛЬТИАЙЕРЪ, ТИХО.

Что? сдачи получилъ въ замѣну?

СИВЕЛЯ.

Вотъ шельма!

ФРОШЪ.

Я его поддѣну.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Когда пришли мы къ вамъ сюда,
Здѣсь хоромъ пѣсни раздавались;
Отъ этихъ сводовъ голоса,
Должно-быть, славно отражались.

ФРОШЪ.

Вы виртуозъ, я побожусь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Охота есть, да силы не хватаетъ.

АЛЬТИАЙЕРЪ.

Пускай нась пѣсней угощаетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Пожалуй, я не откажусь.

СИВЕЛЬ.

Да вы-бы новинькую дали.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не даромъ мы въ Испаніи бывали,
Въ отчизнѣ пѣсень и вина:
Какой-то князь старинный
Съ блохою гдѣ-то жилъ.

ФРОШЪ.

Съ блохой далеко-ль до грѣха?
Прекрасный гость у насъ блоха.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какой-то князь старинный
Съ блохою гдѣ-то жилъ,
Ее за нравъ невинный
Какъ сына онъ любилъ.
И позвалъ князь портнаго,
Портной къ нему пришелъ:
Сшей барину обнову —
Штанишки, да камзолъ.

БРАНДЕРЪ.

Ну! признаюсь, пришлось портному гадко,
Пусть сниметъ мѣрку повѣрнѣй,
Чтобы штаны сидѣли гладко
И чтобы ложились повѣрнѣй.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И въ шелкъ блоху одѣли,
И въ бархатъ, и въ цвѣты,
И ленты ей надѣли,
И дали ей кресты.
Блоха дворецкимъ стала,
Любимцемъ при князькѣ
И вся родня попала
Въ вельможи при дворѣ;
И все предъ нею труситъ,
Нѣтъ никому житья;
Княгиню здѣсь укуситъ,
Тамъ горничныхъ ея;
Всѣхъ щелкаетъ исправно,
Никто ее не бьетъ;
А мы такъ ногтемъ славно,
Какъ только ущипнетъ.

ХОРЪ СЪ КРИКОМЪ

А мы такъ ногтемъ славно,
Какъ только ущипнемъ!

ФРОШЪ.

Что хорошо, то хорошо!

СИВЕЛЬ.

БРАНДЕРЪ.

Держи и блоху, дави урода:

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Да здравствуетъ вино!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Коль не разсердится хозяинъ своенравный,
Такъ мы васъ славно угостимъ.
Вѣдь съ нами погребъ преисправный.

СИБЕЛЬ.

Сюда его! я буду отвѣтчать!

ФРОШЪ.

Намъ отъ хорошаго вина не отказаться;
Но чтобы его вполнѣ узнать,
Такъ вы должны побольше дать,
Чтобъ было чѣмъ и напиваться.

АЛЬТМАЙЕРЪ, ТИХО.

Знать съ Рейна господа; меня вѣдь не обманешь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Достаньте мнѣ буравъ.

БРАНДЕРЪ.

Да что вамъ дѣлать съ нимъ?
Аль бочки за дверьми? пожалуй, поглядимъ.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Тамъ у хозяина въ коробкѣ все дѣстанешь.

МЕФИСТОФЕЛЬ вынимаетъ буравъ, Фромшу.

Какого вы вина хотите?

ФРОШЬ.

Да развѣй всѣхъ у васъ сортовъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мнѣ все равно, любое назовите.

АЛЬТМАЙЕРЪ, Фрошу.

Вишь слюнки потекли; уже ты сей-часъ готовъ.

ФРОШЬ.

Ужъ если выбирать, рейнвейна я желаю,
Дары отечества я всѣмъ предпочитаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ буравить столъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ
Фрошъ.

Достаньте воска мнѣ, чтобы пробки подобрать.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Ахъ, это штуки, какъ не знать!

МЕФИСТОФЕЛЬ, Брандеру.

А вамъ?

БРАНДЕРЪ.

Шампанскаго давайте,
Да чтобы пѣнилось оно!

МЕФИСТОФЕЛЬ буравить; другіе между тѣмъ затыкаютъ отвер-
стія воскомъ.

БРАНДЕРЪ.

Чужаго какъ ни презирайте,
А лучше нашего частехонъко оно.
Съ французомъ иѣмцу не мѣшаться,
Хоть онъ и пьетъ его вино.

СИБЕЛЬ, видя, что Мефистофель приближается къ его мѣсту.
Не лакомъ я до кислыхъ винъ признаться,
А сладкаго такъ выпью хоть сей-часъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ буравитъ.

Токайского достанемъ мы для васъ.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Ну, господа, ужъ полно вамъ скрываться;
Признайтесь-ка, дурачите вы насъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такихъ гостей не озадачить;
Притомъ опасно ихъ дурачить.
Ну, говорите, я готовъ.

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Мнѣ все равно хоть всѣхъ сортовъ,
Но только за носъ не водите.

МЕФИСТОФЕЛЬ, сдѣлавъ отверстія и заткнувъ ихъ воскомъ,
съ странными тѣлодвиженіями.

Виноградъ на лозѣ,
А рога на козлѣ,

Вино на деревѣ ростетъ;
Столъ деревянный вино даетъ.
Въ природу вникнуть вамъ не худо;
Повѣрьте, въ ней таится чудо.
Ну, выньте пробки, вино потечетъ.

ВСѢ, вынимаютъ пробки; требуемое вино льется въ стаканы.
Виномъ источникъ сладкій бьетъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Бѣда тому, кто капельку прольетъ.

ВСѢ, снова пьютъ и поютъ.

Какъ-будто пятистамъ свиньямъ,
Намъ любо и привольно!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Свободенъ стала народъ и вотъ онъ веселится.

ФАУСТЬ.

Пора-быѣхать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Подожди,
Еще ты прежде погляди,
Какимъ скотствомъ ватага разрѣшится.

СИВЕЛЬ пьетъ неосторожно; вино проливается на полъ и превращается въ пламя.

Горю! Пожаръ! туши! не тронь!

МЕФИСТОФЕЛЬ, заговаривая пламя.

Смирись, привѣтливый огнь!
Обращаясь къ нимъ.

На этотъ разъ немного вамъ досталось.

СИБЕЛЬ.

Вотъ мы тебя! дурачить нась
Легко должно быть показалось.

ФРОШЪ.

Не подвернись въ недобрый часъ!

АЛЬТИАЙЕРЪ.

Пускай себѣ тихонько уберется.

СИБЕЛЬ.

Надъ нами онъ никакъ смѣется?
Какъ ребятишекъ ввелъ въ обманъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Молчи-же, бочка!

СИБЕЛЬ.

Самъ чурбанъ!
Вотъ я тебя молчать заставлю.

БРАНДЕРЪ.

А я тебѣ бока расправлю.

АЛЬТИАЙЕРЪ, вынимаетъ пробку изъ стола; на него пышетъ
пламя.

Горю! тушите!

СИБЕЛЬ.

Чародей!

Держи его! вяжи! убей!

Всё обнажают ножи и брасаются на Мефистофеля.

МЕФИСТОФЕЛЬ, съ важнымъ видомъ.

Покажись вслѣдъ словамъ,

Ложный призракъ очамъ!

Будьте здѣсь и тамъ!

Они останавливаются и смотрятъ съ изумленіемъ другъ на друга.

АЛЬТИМАЙЕРЪ.

Что вижу! чудный край и нѣги, и прохладъ!

ФРОШЪ.

И виноградники!

СИБЕЛЬ.

И свѣжай виноградъ!

ВРАНДЕРЪ.

А здѣсь! смотрите, подъ кустами

Какая ягода! и прямо подъ руками!

Беретъ Сибеля за носъ; другіе дѣлаютъ тоже и поднимаютъ ножи.

МЕФИСТОФЕЛЬ, какъ выше.

Обманъ, сними повязку съ глазъ!

Чортъ пошутить на этотъ разъ.

Исчезаетъ съ Фаустомъ; всѣ разбѣгаются.

СИБЕЛЬ.

Что?

АЛЬТИАЙЕРЪ.

Какъ?

ФРОШЪ.

Да я твой носъ держу?

ВРАНДЕРЪ, Сибелю.

А я за твой руками ухватился.

АЛЬТИАЙЕРЪ.

Я отъ удара весь дрожу;

Вотъ былъ ударъ; чуть на поль не свалился.

ФРОШЪ.

Да что за грѣхъ на насъ нашелъ?

СИБЕЛЬ.

А гдѣ онъ? если-бы попался,

Живымъ-бы онъ отсюда не ушелъ.

АЛЬТИАЙЕРЪ.

На бочкѣ онъ изъ погреба убрался —

Я видѣлъ самъ. — Уфъ! тяжело,

Какъ-будто на ноги свинцомъ ко мнѣ легло.

Обращаясь къ столу.

А что? вина-то не осталось?

СИБЕЛЬ.

Да все мерещилось глазамъ.

ФРОШЪ.

Вино-же пили мы, иль это такъ казалось?

БРАНДЕРЪ.

А съ виноградомъ что-же стало?

АЛЬТМАЙЕРЪ.

Ну, какъ теперь не вѣрить чудесамъ?

КУХНЯ ВЪДЬМЫ.

Надъ огнемъ на очагѣ стоитъ большой котелъ. Поднимающіеся пары принимаютъ разные образы. МОРСКАЯ КОШКА сидитъ пе-редъ котломъ, снимаетъ пѣну и не даетъ ему перекипѣть. МОРСКОЙ КОТЪ съ котятами грѣется возлѣ. Стѣны и потолокъ украшены самыми странными приборами вѣдьмы.

ФАУСТЬ. МЕФИСТОФЕЛЬ.

ФАУСТЬ.

Я ненавижу эти чары;
Всѣ ихъ обманы слишкомъ стары.
Здѣсь для меня лекарства нѣтъ.
Я отъ старухъ не требовалъ совѣта;
Повѣрь мнѣ, трехъ десятковъ лѣтъ
Съ меня не сниметъ вѣдьма эта.
Плоха-же выдумка твоя!
Мои надежды погибаютъ.
Я вижу, силы бытія
Прошедшихъ лѣтъ не возвращаютъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мой другъ, ты говоришь умно.
Есть средство, но другаго рода;
Одна бѣда — давнымъ давно
Прошла на это средство мода.

ФАУСТЬ.

Въ чемъ дѣло, бѣсь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Трудись, потѣй!
Возми топоръ, соху, лопату;
Вкопайся въ грязь своихъ полей,
Умъ подъ замокъ, мечты подъ хату,
Травой безъ примѣси кормись,
Живи скотомъ среди скотины;
Гдѣ самъ пахаль, тамъ не стыдись
И удобрять свои долины.
Вотъ такъ легко помолодѣть.

ФАУСТЬ.

Ну, гдѣ съ лопатой мнѣ возиться,
Сохой и граблями владѣть,
И къ жизни тѣсной пріучиться!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такъ вѣдьмы намъ не миновать.

ФАУСТЬ.

Нельзя-ль старуху намъ оставить?
Вѣдь самъ ты мастеръ колдовать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Нѣтъ, мнѣ лекарства не составить.
Здѣсь выше всякаго ума
Успѣхъ вѣнчается терпѣньемъ,
А потому у насъ кума
Примѣрнымъ славится вареньемъ.
Она трудится цѣлый годъ,
Сварить, даетъ вскиснуть, подогрѣть;
У чорта учится народъ,
А самъ онъ сдѣлать не съумѣетъ.

Взглянувъ на звѣрей.

Да вотъ и весь ея причетъ.
Смотри, посмѣйся, что за слуги
Достались вѣдьмѣ для прислуги.

Звѣрямъ.

Кажись, хозяйки дома нѣтъ?

ЗВѢРИ.

Она, чуть-свѣтъ,
На вѣникъ сѣла
И улетѣла.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Объ этомъ мы весьма жалѣемъ.
А прогостить до коихъ поръ?

ЗВѢРИ.

Пока мы лапы отогреемъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ, Фаусту.

Ну что? небось, звѣринецъ славный?

ФАУСТЬ.

Мнѣ шибко надоѣлъ твой вздоръ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А я въ бесѣдѣ ихъ забавной
Люблю веселый разговоръ.

Звѣрямъ.

Какое чудо тамъ творится?
Кто станетъ блюдо ваше есть?

ЗВѢРИ.

У насъ для нищихъ супъ варится.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такъ вамъ гостей не перечесть.

котъ, приближается къ Мефистофелю и ласкаетъ его.

Сыграемъ дружокъ,
Раскрой кошелекъ,
Дай выиграть столько.
Безъ денегъ бѣда,
А прип деньгахъ всегда
Я плашу, да и только.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вотъ этотъ котъ отъ радости ряхнется,
Когда ему въ лото сыграть придется.
Котата въ это время играли большимъ шаромъ; онъ катится
впередъ.

КОТЪ.

Вотъ шаръ земной!
То вверхъ стрѣлой,
То внизъ вернется
И все бѣжитъ,
Стекломъ звенить,
Стекломъ и бьется.
Пустой на видъ,
Горитъ, блестить;
Мнѣ жизнь дается.
Не тронь, сынокъ!
Не будетъ прокъ,
А будетъ худо.
Изъ глины онъ
Слегка спѣленъ;
Сломать не чудо.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

На что вамъ рѣшето?

КОТЪ, снимаетъ рѣшето.

Мы сквозь него
Узнаемъ вора.

Бѣжитъ къ кошѣ и заставляетъ ее взглянуть въ рѣшето.

На, посмотри!
Но не говори,
Хоть знаешь его ты безъ спора.

МЕФИСТОФЕЛЬ, приближаясь къ огню.

На что вамъ горшокъ?

КОТЪ И КОШКА.

Вотъ всталъ дуракомъ
Предъ котломъ и горшкомъ,
А все не дознался.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Молчи-же, скотъ!
Не въ мѣру, котъ,
Ты разругался.

КОТЪ.

Съ метлой къ плечамъ
Прошу садиться;
Увидишь самъ,
Что приключится.

Принуждаетъ Мефистофеля сѣсть.

ФЛУСТЬ, который, въ продолженіи этого времени, стоялъ предъ зеркаломъ, то приближаясь къ нему, то удаляясь.

Что вижу я? роскошной красоты
Чистѣйшій образецъ передо мною летаетъ!
Неситесь, сладкія мечты,
Въ тотъ дивный край, гдѣ дѣва обитаетъ!

14*

Увы, какъ ни приближусь къ ней,
Она изъ пламенныхъ очей
Въ туманныхъ очеркахъ мгновенно исчезаетъ.
Я въ этомъ пышномъ, бѣломъ тѣлѣ
Всѣ совершенства созерцаль.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

• • • • • • • • • • • •
Ну, насмотрись; я постараюсь
Тебѣ сыскать оригиналъ.
И счастливъ тотъ, за это я ручаюсь,
Кто кладъ такой на часть себѣ досталъ,
Фаустъ все еще смотрить въ зеркало; Мефистофель, вытягиваясь
на креслахъ и играя вѣникомъ, продолжаетъ:
Какъ царь сижу я здѣсь на тронѣ,
Со скіпетромъ въ рукахъ,
Но только не въ коронѣ.

ЗВѢРИ.

(приносать Мефистофелю корону)

Корона разбита,
Потомъ и кровью
Склей намъ ее.

(Корона ломается на двѣ части).

Разбита корона.
Мы видимъ, кричимъ,
Мы слышимъ, риемуемъ,

ФАУСТЬ, предъ зеркаломъ.

Я право здѣсь съ ума сойду.

МЕФИСТОФЕЛЬ, указывая на звѣрей.

И я, признаться, какъ въ чаду.

ЗВѢРИ.

И если намъ разъ
Удастся подъ-часъ,
Такъ мысли рождаются.

ФАУСТЬ, предъ зеркаломъ,

Вся грудь въ огнѣ; пора разстаться!

Прошу тебя, уйдемъ скорѣй.

МЕФИСТОФЕЛЬ, въ прежнемъ положеніи.

Чистосердѣчна-же, признаться,
Поэзія такихъ звѣрей!

По неосторожности кошки котель перекипѣль; отъ этого образовалось пламя, которое бѣть изъ трубы. Вѣдьма съ ужаснымъ крикомъ прилетаетъ въ этомъ пламени.

ВѢДЬМА.

Вотъ я тебя!

Проклятой звѣрь! свиньей свинья!

Взглянувъ на Фауста и Мефистофеля.

А вы-то что?

А вы-то кто?

Какимъ путемъ

Въ дому моемъ?

Вотъ я-же васъ

Огнемъ какъ разъ
Сожгу сей-часть!

Брызгаетъ пламенемъ на Фауста, Мефистофеля и звѣрей. Звѣри визжатъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Обернувъ вѣнокъ другимъ концемъ, ломаетъ стекла и горшки.

Разбито все
Добро твое.
Ты знай себѣ,
Такъ бью я все
Подъ тактъ тебѣ,
Къ мелодіи твоей.

Вѣдьма съ ужасомъ и простію отступаетъ.
Теперь, уродина, меня узнала ты?
Твой властелинъ передъ тобою:
Да я мигну — и ты, и вся твои скоты
Повалятся во прахъ передо мною!
Ты не могла меня узнать?
Знать, ты пера на шляпѣ не видала?
Знать, куртка красная тебя не испугала?
Лица мнѣ незачѣмъ скрывать.
Ну, вспомни, кто передъ тобою?

ВѢДЬМА.

Ахъ сжалътесь, сударь, надо мною!
Но вѣдь копыта не видать,
Да и вороны разбѣжались.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, это такъ тебѣ сошло.
Конечно, много дней прошло,

Съ тѣхъ поръ, какъ мы ужъ не видались.
Лучъ просвѣщенія вѣдетъ теперь людей,
Отъ нихъ отстать и чорту стыдно;
Вотъ почему хвоста, клещей,
Роговъ и прочихъ мелочей
На мнѣ ужъ болѣе не видно.
Одно копыто я на случай сохранилъ;
Но какъ при немъ бѣда въ народѣ,
Такъ я по самой новой модѣ
Его на вату положилъ.

ВЪДЬМА, пляшетъ.

Отъ радости я съ ума сойду,
Какъ посмотрю на сатану.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Молчи, проклятая старуха!
Оставь въ покой сатану.

ВЪДЬМА.

А чѣмъ-же дуренъ онъ для слуха!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да басней стало это слово;
Не легче людямъ отъ того:
Они отдѣлялись отъ злаго,
А злыѣ все больше наросло.
Ты называй меня барономъ,
Я кавалеръ, какъ и другой;

Ты можешь справиться съ закономъ;
А гербъ у насъ — такъ вотъ какой!

Дѣлаетъ гримасу.

Вѣдьма, съ горькимъ смѣхомъ.

Провазникъ! какъ тутъ не смѣяться!
Ему-бы только все шутить!

МЕФИСТОФЕЛЬ, Фаусту.

Мой другъ, учись какъ обращаться!
Такъ надо съ ними говорить.

Вѣдьма.

Что, господа, угодно вамъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Твой сокъ чудесный нуженъ намъ;
Ты хоть-бы рюмку одолжила,
Но лучшимъ ты попотчуй насъ.

Вѣдьма.

Я цѣлую бутыль на случай сохранила
И лакомлюсь сама подъ-часъ.
Притомъ она нисколько не волеетъ;
Такъ отъ чего не одолжить?

Тихо Мefистофелю.

Но если выпить онъ и ничего не знаетъ,
Ему и часу не прожить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такого молодца ты съ ногъ не свалишь вдругъ.
Пусть на здоровье пьетъ; прошу безъ одолженья,
Начни скорѣе, сдѣлай кругъ
И дай ему свое варенье.

ВѢДЬМА.

Съ странными кривляньями выводить кругъ, въ который она ставить разные приборы; стекла звенять, потлы трещать и составляютъ музыку; наконецъ она приносить большую книгу и разставляетъ кошечъ; они держать книгу и свѣтятъ факелами. Вѣдьма приглашаетъ Фауста подойти поближе.

ФАУСТЬ Мефистофелю.

Скажи мнѣ, что за колдовство?
Всѣ эти глупости я знаю;
Ея пустое волшебство
Я ненавижу, презираю.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вотъ пустяки; все это смѣхъ!
Не ставь ты ей обряда въ грѣхъ.
Ей нуженъ весь сумбуръ волшебный,
А то не въ помощь сокъ цѣлебный.

Принуждаетъ Фауста встунуть въ кругъ.

ВѢДЬМА, высокопарно декламируетъ по книгѣ.

Пойми одно:
Отъ одного

Ты десять разъ
Пройди сей-часъ.
А два оставь,
Три въ счетъ поставь.
Четыре брось,
Такъ ты богатъ;
Всѣ вѣдьмы врозь
Одно кричать.
А пять и шесть
Умѣй причесть,
Сперва къ семи,
Потомъ къ восьми,
Такъ ты готовъ,
Безъ дальнихъ словъ;
А въ девяти
Такъ нѣтъ пути;
А десять разъ
Не въ счетъ у насть.
Такъ умножать мы учимъ васъ.

ФАУСТЬ.

Старуха бредитъ въ лихорадкѣ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Весь этотъ вздоръ въ большой тетрадкѣ
У ней я долго разбиралъ.
Для всѣхъ темно и непонятно,
Противорѣчіе одно,
Глупцу и мудрому невнятно;
Искусство ново и старо.

Во вся вѣка все тѣмъ-же промышляли;
Мы на одномъ всегда стоимъ:
Однимъ, тремя, тремя, однимъ,
На мѣсто истины обманъ распространяли.
Все ту же пѣсню намъ твердять;
Вольно-же съ дуракомъ связаться!
Однѣ слова намъ говорятъ;
Но люди въ мысли сомнѣваться,
Заслышавъ слово, не хотятъ.

ВѢДЬМА продолжаетъ.

Для всѣхъ равно,
Всегда темно
Познаніе таится;
Другой и такъ,
Хоть и дуракъ,
А даромъ просвѣтится.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Довольно, умница, довольно!
Да поскорѣй напитокъ дай,
Налей стаканъ по самый край,
Онъ повредить ему не больно.
Пріятель много испыталъ
И много горькаго глоталъ.

ВѢДЬМА, наливаетъ сокъ съ большими церемоніями въ чашу;
когда Фаустъ подносить ее ко рту, изъ нее вылетаетъ легкое
пламя.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, пей-же вдругъ! еще глотокъ!
Смотри, какъ ты развеселишься.
Ты съ чортомъ стала на ты, дружокъ,
А все еще огни боишься.
Вѣдьма открываетъ кругъ, Фаустъ выходитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Теперь скорѣе уберемся!

ВѢДЬМА.

Всѣхъ благъ вамъ въ путь желаю я.

МЕФИСТОФЕЛЬ, ВѢДЬМѢ.

Въ Валпургіи, душа моя,
Мы можетъ-быть съ тобой сочтемся.

ВѢДЬМА.

Еще вотъ пѣсенка для васъ,
Она лѣкарство впрокъ подвинетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ, Фаусту.

Скорѣй впередъ! уйдемъ сей-часъ!
Какъ въ поть тебя движенье кинеть,
Такъ сокъ подѣйствуетъ вполнѣ.
Потомъ мы лѣни предадимся
И въ праздной вольной тишинѣ
Восторгомъ нѣги насладимся.

ФАУСТЬ

Дай въ зеркало взглянуть, дай сердцу насмотрѣться
На эти прелести цвѣтущей красоты.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Теперь нельзя; намъ нужно повертѣться;
Ихъ на-яву увидишь ты.

Про себя.

Съ напиткомъ въ животѣ, ни въ чемъ не знаешь мѣры;
Уродина тебѣ покажется Венерой.

УЛИЦА.

ФАУСТЬ, МАРГАРИТА, проходитъ мимо.

ФАУСТЬ.

Вы мнѣ, сударыня, простите!
Я васъ, красавица, сведу
И съ вами до дома дойду.

МАРГАРИТА.

Я не сударыня, пустите,
И не красавица отнюдь,
Дойду одна я какъ-нибудь.

Убѣгаеть.

ФАУСТЬ.

Какая душка, Боже мой!
Да въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другой!
Какъ поглядишь, смирна, скромна,
А все плутовочка она.
Уста такъ пламенно манятъ;
На щечкахъ розаны горятъ.

Невинно глазки опустя,
Стыдилось милое дитя.
Насмѣшивъ быль ея отвѣтъ;
Забыть красотку силы нѣтъ.

Мефистофель входитъ.

ФАУСТЬ.

..... дѣвчонку мнѣ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какую?

ФАУСТЬ.

Да вотъ она сей-часъ прошла.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, мудрено свести такую;
Она у пастора была,
И я по случаю узналъ,
Какъ онъ грѣхи ей отпускалъ.
Такая милочка, дружекъ,
Что ей и исповѣдь не впрокъ!
Надъ ней у черта власти нѣтъ.

ФАУСТЬ.

Должно-быть ей пятнадцать лѣтъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да онъ, разбойникъ, чушь несетъ!
Любой цвѣтокъ себѣ беретъ.

И честь не въ грошъ не ставить онъ,
И нѣтъ нигдѣ ему препонъ.
Нельзя-же всѣми обладать.

ФАУСТЬ.

Молчи-же; полно разсуждать!
Меня закономъ не обманешь,
И словомъ, если въ эту ночь
Ты мнѣ красотки не достанешь,
Такъ лучше убирайся прочь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Помилуй, ты мнѣ двѣ недѣли
По-крайней-мѣрѣ долженъ дать,
Чтобъ только случай отыскать,
Не говоря уже о цѣли.

ФАУСТЬ.

Будь я спокоенъ семь часовъ,
Такъ у меня безъ дальнихъ словъ,
На все красотка согласится.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты разсуждаешь, какъ французъ,—
Тутъ право нечего сердиться.
Къ тому, признайся, странный вкусъ,
Такъ только, прямо, насладиться!
Красотку надо въ руки взять,
И приготовить и промять,
Ее водить и такъ и сякъ,
Тогда конечно будетъ смакъ.

ФАУСТЬ.

Мой аппетитъ и такъ великъ.

ТЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, шутки въ сторону! скажу я на-пряникъ,
Ты съ ней не такъ-то скоро сладишь;
Тутъ силой только что подгадишь,
А хитрость намъ покажеть путь.

ФАУСТЬ.

По-крайней-мѣрѣ на мгновенье,
Дай на постель ея взглянуть;
Или достань мнѣ что-нибудь,
Платокъ, подвязку въ утѣшенье,

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Чтобъ видѣлъ ты, какъ я готовъ
Тебѣ служить безъ дальнихъ словъ,
Мы къ ней сегодня-же вотремся.

ФАУСТЬ.

Я буду съ ней? . . . ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не вдругъ! Мы вечера дождемся;
Тогда къ сосѣдѣ посидѣть
Пойдетъ красотка; мы вотремся....
Ты на просторѣ помечтай
И воздухъ сладостный вкушай.

ФАУСТЬ.

Когда?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Потомъ. Ты слишкомъ жарокъ.

ФАУСТЬ.

Такъ приготовь-же ей подарокъ.

Уходитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Подарокъ? Такъ дѣла творятся!

Настала очередь моя;

Сокровищъ много знаю я,

Теперь онѣ намъ пригодятся.

Уходитъ.

ВЕЧЕРЪ.

Маленькая чистая комната.

МАРГАРИТА, заплетая косу.

Кто этотъ баринъ? какъ узнать?
Миѣ и во снѣ не разгадать.
Однако все на то похоже,
Должно быть знатный онъ вельможа,
А то-бы онъ не подступилъ,
Со мной-бы такъ не говорилъ.
Уходитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ, ФАУСТЬ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сюда! потише; пусть уйдутъ!

ФАУСТЬ, послѣ некотораго молчанія.

Оставь меня!

МЕФИСТОФЕЛЬ, оглядываясь.

Какъ чисто тутъ!
Не всѣ такъ дѣвушки живутъ,
Уходитъ.

ФАУСТЬ, осматриваясь кругомъ.

Привѣтствуя тебя, привѣтное мерцанье
Въ святынищѣ моей любви!
Во мнѣ горитъ и нѣга, и желанье,
Надежда и любовь кипятъ въ моей крови.
Какое дѣтское вокругъ меня смиренье,
Порядокъ, миръ и чистота!
Въ сей нищетѣ какая полнота,
Въ темницѣ сей какое упоеніе!

Садится на старыя кресла передъ постелью.
Здѣсь сяду я, гдѣ отъ трудовъ
Сѣдые старики въ часъ отдыха сидѣли,
Гдѣ бѣгала толпа веселыхъ шалуновъ
И дѣти рѣзвыя шумѣли;
Гдѣ съ ними, можетъ-быть, она за даръ простой
Сѣдаго прадѣда ласкала
И тихо съ дѣтской простотой
Сухую руку цѣловала.
Твой добрый ангелъ надо мной;
Онъ на душу миръ тихій навѣваетъ;
То духъ добра, наставникъ твой,
Который здѣсь твоей рукой
На столикъ скатерть разстилаетъ
И полъ узорчато пескомъ пересыпаетъ.

Съ твоей рукой — о дѣва, знай!
Съ твоей рукой и хата рай!
А здѣсь!

Поднимаетъ занавѣску постели.

Страхъ нѣги вѣеть надо мной;
Я забываю міръ земной!
Здѣсь ангела природа сотворила
И въ легкихъ снахъ его родила.
Малютка милая спала,
Теплѣе кровь ея струилась,
И дѣва чистая въ святой тиши развилась
И свѣтлымъ ангеломъ на землю перешла.
Зачѣмъ я здѣсь въ святынѣ сей!
О, сколько мукъ въ груди моей!
Бѣги, бѣги! въ душѣ тоска
И тяжела, и глубока!
Но какъ стѣснилась грудь моя!
Мы слабыхъ прихотей орудія слѣпья;
Мгновеній нѣги жаждалъ я,
А на сердцѣ любовь, въ груди мечты пустыя!
И еслибъ въ этотъ мигъ она ко мнѣ вошла,
Съ какимъ-бы трепетомъ я передъ ней смирился!
Она-бы очи подняла,
А я-бы у ногъ ея вѣчился!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ступай скорѣй, она идетъ.

ФАУСТЬ.

Прочь! взоръ мой дѣвы не снесеть!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А вотъ и ящикъ полновѣсный
У добрыхъ я досталъ людей;
Мы въ шкапъ его поставимъ къ ней.
Признаться, въ немъ уборъ чудесный;
Ты мигомъ къ ней подъѣдешь, плутъ!
Вотъ будетъ ей ужо веселье;
Клянусь, такія ожерелья
Любую вмигъ съ ума сведутъ.

ФАУСТЬ.

Не смѣю я.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, вотъ пустое!
Ты не себѣ-ли ихъ берешь?
Не для себя-ли бережешь?
Тогда оставь меня въ покой.
Я васъ скупиться не прошу;
Я руку, ногу почешу.....

Ставить ящикъ въ шкапъ и запираетъ его.

Теперь скорѣй,
Чтобъ безъ затѣй,
Къ ней тотчасъ подольститься.
А ты стоишь какъ дуралей,
Какъ школьникъ съ азбукой своей,
Когда велять ему учиться!
Уйдемъ.

Уходяты.

МАРГАРИТА, съ фонаремъ.

Какъ душно въ комнатѣ у насъ!

Открываетъ окно.

А я вѣдь съ улицы сейчасъ;

Уже-ль погода такъ тепла?

Ахъ еслибъ матушка пришла!

Одной мнѣ страшно, я бѣюсь,

Дрожу, какъ только оглянусь.

Раздѣвается и поетъ.

Царь добрый до могилы

Красавицу любилъ,

У гроба въ память милой

Онъ кубокъ получилъ.

Съ нимъ царь не разстается,

Хранить на всѣхъ пирахъ;

Устами-ли коснется,

Такъ слезы на глазахъ.

Вѣкъ дряхлый доживая,

Онъ царство раздѣлилъ;

Все дѣтамъ отдавая,

Лишь кубокъ сохранилъ.

Согрѣтый прежнимъ жаромъ,

Сидѣть онъ за столомъ,

Надъ моремъ, въ замкѣ старомъ,

И рыцари кругомъ.

Тамъ пилъ онъ, жизни полный,

Изъ чаши дорогой

И бросилъ въ шумныя волны
Священный кубокъ свой.

И волны заклубились,
И кубокъ потопленъ.
Съ тѣхъ поръ глаза затмились,
Съ тѣхъ поръ ужъ не пилъ онъ.

Открываетъ шкатърь, чтобы уложить платья и находить ящикъ
съ уборомъ.

Что здѣсь за ящикъ? какъ? откуда?
Когда я изъ дому пошла,
Я шкатърь нарочно заперла;
Мнѣ не понять такого чуда!
Откуда онъ попался къ намъ?
И кто сюда его положить?
Иль подъ закладомъ онъ, быть-можеть?
А вотъ и ключь на лентѣ тамъ.
Посмотримъ что-то въ немъ лежить,
Ужъ не пустой-ли онъ стоитъ?
Ахъ, Боже мой! какія украшенья!
Я вѣкъ не видѣла такихъ;
И барыни взяла-бы ихъ,
Чтобъ нарядиться въ воскресенье.
Ахъ, хоть-бы серги дали мнѣ!
Однѣ бы серги я желала;
Я въ нихъ хорошенъкой-бы стала,
Такія милыя онъ!

Наряжается и становится передъ зеркаломъ.
Вѣдь вотъ сей-часть совсѣмъ другое!
Зачѣмъ намъ прелестей жслать?

Оно хоть такъ—а все пустое;
Похвалять, чтобы не обижать.
Золото въ насъ привлекаетъ;
Золота всѣ
Ищутъ вездѣ,
А бѣдная такъ пропадаетъ.

ГУЛЯНИЕ.

ФАУСТЬ въ задумчивости прохаживается взадъ и впередъ;
къ нему подходитъ **МЕФИСТОФЕЛЬ**.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Проклятія всѣ на любовь и всѣ мученія ада!
Что хуже ругаться нечѣмъ, вотъ въ этомъ вся досада!

ФАУСТЬ.

Ну что съ тобой? ты помѣшался;
Вотъ рожу выставилъ, на диво дуракамъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я-бъ чорту въ братья навязался,
Когда-бы не былъ чортомъ самъ.

ФАУСТЬ.

Ума должно быть не достало;
Тебѣ бѣситься такъ пристало.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Подумай, мой уборъ прекрасный,
Который я съ трудомъ досталь,
Мошенникъ — у нихъ укралъ.
Мать видѣла, что кладъ опасный,
У ней претонкое чутье;
Она молитвы все читаетъ,
И гдѣ понюхаетъ такъ знаетъ,
Что свято, что не хорошо..
А что сокровище опасно,
Ей это было очень ясно.
И вотъ старуха говоритъ:
Дитя, неправое имѣніе
И кровь, и душу изсушитъ.
Но этотъ кладъ, какъ приношенье,
Ты только бѣднымъ отнеси;
Господь въ награду съ небеси
Свое намъ дастъ благословеніе,
Намъ маниу божію сошлетъ.
Красавица надула губы
И думала, кривляя ротъ:
Дареному коню никто не смотрять въ зубы,
И право, не безбожникъ тотъ,
Кто даль мнѣ серги золотыя.
Мать между тѣмъ..... зоветъ;
Онъ видѣть, вещи не пустыя
И съ важнымъ видомъ говорить:
Нѣтъ, вы не принимайте клада!
Тому, кто страсти побѣдить
Доступна райская награда.

Въ филантропической отдайте комитетъ.
О, тамъ желудокъ преисправный,
Хоть съѣлъ онъ цѣлья владѣнья
Ему ничто не повредить.
Божусь, неправое имѣніе
Одинъ лишь комитетъ сварить.

ФАУСТЬ.

Визирь съ жидами не отстанетъ,
Не хуже всѣхъ онъ кушать станетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мой комитетъ, тотъ все береть,
Въ суму безсовѣтно кладеть;
Какъ-будто дряпъ такіе клады,
Онъ и спасибо не сказалъ,
Небесныхъ благъ пять пожелалъ,
А тѣ тому и очень рады.

ФАУСТЬ.

А Маргарита?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Все грустить;
Ей кладъ изъ мысли не выходитъ,
А пуще тотъ, кто такъ даритъ,
Частенько въ голову приходитъ.

ФАУСТЬ.

Мнѣ жаль красавицы моей.

Достань другой подарокъ ей;
Вѣть тотъ и въ правду не годился.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Для васъ, конечно, пустяки.

ФАУСТЬ.

Да хоть-бы ты поторопился!
Скорѣй, късосѣдкѣ приступи,
Тебѣ я право удивляюсь,
Ты, дьяволъ, точно размазня;
Чтобъ быль подарокъ у меня!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я непремѣнно постараюсь.

Фаустъ уходить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такой чудакъ сей-часъ готовъ.
Пожалуй онъ безъ дальнихъ словъ,
Когда красавица о томъ его попросить,
И солнце и луну, какъ щепки въ воздухъ бросить.

Уходитъ.

ДОМЪ СОСѢДКИ.

МАРТА, одна.

Мой мужъ — Господь его прости!
Въ немъ право не было пути.
Пошелъ гласть на бѣлый свѣтъ,
А до жены и дѣла нѣтъ.
Богъ вѣсть, какъ я его любила,
Кажись, ничѣмъ огорчила.

Плачетъ.

А если вздумаля умереть,
Хоть-бы свидѣтельство имѣть.

Входитъ Маргарита.

МАРГАРИТА.

Ахъ, Марта!

МАРТА.

Что ты, Маргарита?

МАРГАРИТА.

Смотри сама, я какъ убита!
Я ларчикъ миленъкій такой

Опять нашла въ шкапу у насъ.
Какія вещи! Боже мой!
Всѣ лучше прежнихъ во сто разъ.

МАРТА.

Объ этомъ матери ни слова,
А то чужими опять обнова.

МАРГАРИТА.

Смотри, что тамъ достала я!

МАРТА, убираетъ ее.

Ахъ ты, счастливица моя!

МАРГАРИТА.

Что пользы? въ нихъ не нарядишься
И въ церковь съ ними не пойдешь!

МАРТА.

За то, когда ко мнѣ придешь,
Ты какъ царпца разрядишься
И мимо зеркала пройдешь.
Сперва мы такъ повеселимся;
А тамъ, при случаѣ — ну праздникъ-ли какой —
Въ цѣпочку, въ серьги нарядимся;
Вотъ такъ по малу, ангель мой,
Свое богатство мы покажемъ,
Мать не замѣтитъ, а не то —
Мы ей хоть что-нибудь наскажемъ,
Не грѣхъ такое плутовство.

МАРГАРИТА.

А ящики, скажи, откуда?
Мы не понять такого чуда!

Стучатся въ двери.

МАРГАРИТА.

Не мать-ли здѣсь? Ахъ, Боже мой! . . .

МАРТА, смотрить въ окно.

Какой-то господинъ чужой.

Входитъ Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сударыни, вы извините,
Что я такъ прямо къ вамъ вбѣжалъ.

Съ почтеніемъ отступаетъ оть Маргариты.

Я Марту Швердлейнъ здѣсь искалъ.

МАРТА.

Чего вы отъ меня хотите?

МЕФИСТОФЕЛЬ, тихо.

Довольно, я теперь васъ знаю,
У васъ я даму замѣчаю.
Такъ не ловчье-ли потомъ
Зайти опять къ вамъ вечеркомъ?

МАРТА, громко.

Вообрази себѣ, дитя,
Онъ принялъ за барыню тебя.

МАРГАРИТА.

Ахъ нѣтъ, я дѣвочка простая;
Вы слишкомъ добрый господинъ;
Вѣдь эта цѣпь на мнѣ чужая.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ни цѣпь и ни уборъ одинъ;
Но трудно мнѣ не ошибаться,
Меня смутилъ вашъ острый взглядъ.
Вы мнѣ позволили остаться
И я тому отъ сердца радъ.

МАРТА.

Ахъ поскорѣе, разскажите,
Какую вѣсть вы мнѣ дадите.

МЕФЕСТОФЕЛЬ.

Другихъ вѣстей-бы я хотѣлъ,
Я вашей горести боялся!
Вашъ мужъ къ несчастію скончался
И поклониться вамъ велѣлъ.

МАРТА.

Онъ умеръ? бѣдный мой супругъ,
Мой добрый мужъ, мой вѣрный другъ!

МАРГАРИТА.

Забудь напрасную кручину.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я видѣлъ самъ его кончину....

МАРГАРТА.

Любовь печаль одну сулить;
Вездѣ намъ смерть грозитъ разлукой.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такъ въ жизни радость вслѣдъ за мукой,
За смѣхомъ горе постыть.

МАРТА.

Вы не сказали мнѣ ни слова,
И гдѣ, и какъ скончался онъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Тамъ у Антонія Святаго
Онъ въ Надуѣ похороненъ.
Въ могилѣ тѣсной и прохладной
Теперь вкусилъ онъ сонъ отрадный.

МАРТА.

А что при смерти онъ велѣлъ мнѣ поручить?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да просьбы у меня большія,
Чтобъ триста за него молебновъ отслужить;
Карманы-же у насъ, какъ видите, пустые.

МАРТА.

Онъ ничего не могъ прислать?
Другой такъ цѣлый вѣкъ постится,
Не пьетъ, не ъестъ и все трудится,
Чтобъ только что-нибудь женѣ на память дать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сударыня, я отъ души жалѣю;
Но денегъ онъ не промоталъ
И часто плакалъ и взыхалъ
Надъ горькой участью своею.

МАРГАРИТА.

Ужели человѣкъ по всюду такъ страдаетъ?
О немъ я Богу помолюсь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я вашимъ качествамъ дивлюсь,
Вамъ подъ вѣнецъ сейчасъ-же подобаетъ.

МАРГАРИТА.

Такъ рано не позволить мать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, такъ любовникъ вамъ найдется.
Такого ангела въ объятіяхъ держать,
Кому не по душѣ придется.

МАРГАРИТА.

Обычай не таковъ у насъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Обычай или нѣтъ, а все дойдемъ до цѣли.

МАРТА.

Ахъ, разскажите-же!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сей часть.

У смертной я стоялъ постели,
Навозомъ пахло отъ нея;
Но если онъ и на соломѣ
Свое окончилъ бытіе,
А не въ богатомъ, пышномъ домѣ,
Все во Христѣ-же умеръ онъ.
Я часто слышалъ тяжкій стонъ;
Онъ говорилъ: я ошибался,
Я ремесломъ не занимался,
Оставилъ бѣдную жену!
Меня убьютъ воспоминанья!
О, еслибы она въ часть смертнаго страданья
Простила мнѣ мою вину!

МАРТА, плачетъ.

Мой добрый мужъ! ужъ я его простила!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Но видитъ Богъ, что все она
Побольше моего грѣшила.

МАРТА.

Ужель негоднаго лгунा
Отъ этой клеветы и смерть не сохранила.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я самъ въ то время полагалъ,
Что бредилъ онъ въ предсмертной мукѣ.

Увы, онъ дальше восклицалъ,
Я времени не тратилъ въ праздной скукѣ!
Сперва дѣтей, тамъ хлѣба добывалъ,
И хлѣба въ полномъ смыслѣ слова,
А въ мирѣ своего куска не доѣдалъ!

МАРТА.

Такъ ни заботъ моихъ, ни бдѣнія ночнаго,
Ни рѣдкой вѣрности моей
Не вспомнилъ въ смертный часъ злодѣй?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Напротивъ; ихъ-то вспоминая,
Онъ говорилъ, печали не тая:
О дѣтяхъ и женѣ молился Богу я
И плакаль, Мальту покидалъ.
Но на бѣды мои взирая,
Меня Господь благословилъ:
Навстрѣчу шель корабль съ богатствами султана,
А нашъ ударилъ въ музульмана
И всѣ богатства захватилъ.
Тогда и я, какъ подобаетъ,
На долю часть свою досталъ.

МАРТА.

Ахти! куда-жъ онъ кладъ дѣвалъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Увы! никто того не знаетъ.
Онъ по Италии потомъ

Безъ дѣла всякаго шатался
И къ барынѣ какой-то привязался;
Она-же встрѣтила его такимъ добромъ,
Что онъ по гробъ съ нимъ не разстался.

МАРТА.

Онъ плутъ, грабитель, хищный звѣрь!
Своихъ грѣховъ онъ не оставилъ,
Его и голодъ не исправилъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Зато и умеръ онъ теперь.
На вашемъ мѣстѣ я, какъ нужно,
Съ слезами годъ-бы подождалъ,
А между тѣмъ, когда досужно,
Другаго мужа поискать.

МАРТА.

Ахъ нѣть! покойника втораго
Нигдѣ не встрѣтишь на пути!
Такого дурачка простаго
Миѣ въ цѣломъ мірѣ не найти!
Онъ только до вина чужаго,
До женщинъ и до картъ былъ лакомъ съ юныхъ дней.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И больше ничего? такъ что-же?
Когда не взыскивалъ онъ этихъ мелочей
И позволялъ вамъ дѣлать тоже,

Такъ съ нимъ не трудно было жить,
Я самъ на тѣхъ условьяхъ съ вами
Готовъ кольцо перемѣнить.

МАРТА.

Смѣяться стыдно вамъ падъ нами;
Вы все изволите шутить.

МЕФИСТОФЕЛЬ про себя.

Теперь и мнѣ пора убраться;
И чорту самому съ ней трудно развязаться.

Маргаритѣ.

А ваше сердце, если смѣю?
Вы не влюблялись, хоть шутя?

МАРГАРИТА.

Я сударь васть не разумѣю.

МЕФИСТОФЕЛЬ, про себя.

Ты милое, невинное дитя!
Громко.
Прощайте-же, сударыни!

МАРГАРИТА.

Прощайте!

МАРТА.

Ахъ, прежде вы совѣтъ мнѣ дайте,
Гдѣ мнѣ свидѣтельство достать,

О томъ, когда и гдѣ мой бѣдный мужъ скончался.
Порядокъ мнѣ всегда нужнѣй всего казался;
Чтобъ и въ газетахъ мнѣ о смерти прочитать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Двойнымъ свидѣтельствомъ извѣстіе скрѣпится;
Товарищъ мой готовъ вамъ услугить всегда.
Тогда передъ судомъ никто не усомнится;
Такъ я пріятеля къ вамъ приведу сюда.

МАРТА.

Ахъ да! скорѣе приведите!

МЕФИСТОФЕЛЬ Маргаритѣ.

И вы, сударыня, придите.
Онъ путешественникъ, умень, краснорѣчивъ
И къ барышнямъ особенно учтивъ.

МАРГАРИТА.

Мнѣ стыдно будеть господина.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Нѣть въ цѣломъ мірѣ властелина,
Предъ кѣмъ стыдиться нужно вамъ.

МАРТА.

Такъ въ садъ вы приходите къ намъ;
Мы съ Маргариточкой сойдемся
И васъ тамъ вечеромъ дождемся.

УЛИЦА.

ФАУСТЬ. МЕФИСТОФЕЛЬ.

ФАУСТЬ.

Ну что и какъ? идетъ ли дѣло?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да ты, я вижу, весь горишь.
Она твоя — надѣйся смѣло;
Ты у сосѣдки съ ней сегодня посидишь.
Вотъ баба! мнѣ пришлась сестрица,
Цыганить, сводничать прямая мастерица.

ФАУСТЬ.

Вотъ это такъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Зато и нась
Старуха просьбой беспокоить

ФАУСТЬ.

Такъ что жъ? одно другаго стоитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Должны мы ей достать свидѣтельство сейчасъ,
Что въ Падуѣ въ могилѣ хладной,
Покойный мужъ ся вкушаетъ сонъ отрадный.

ФАУСТЬ.

Такъ ты сперва прикажешь съѣздить намъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Sancta simplicitas! какое дѣло вамъ?
Вы безъ того свидѣтельство дадите.

ФАУСТЬ.

Отъ этой выдумки, любезный, откажись.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вотъ на святошу посмотрите!
Ты въ жизни этой — согласись —
Не въ первый разъ свидѣтельствуешь ложно.
Зачѣмъ-же ты теперь идешъ такъ осторожнo?
И сколько разъ съ безсовѣстнымъ человѣкомъ,
О Богѣ, о мірахъ, о томъ что въ нихъ таится,
О человѣкѣ и о томъ,
Къ чemu вся жизнь его, весь умъ его стремится,
Ты проповѣдывалъ надменнымъ языкомъ?

А еслибъ ты, хоть на-послѣдки,
Намъ правду чистую сказалъ,
Такъ ты о томъ не больше зналъ,
Какъ и о томъ, гдѣ умеръ мужъ сосѣдки.

ФАУСТЬ.

Софистъ и лжецъ! ты былъ и будешь имъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

На васъ мы иначе глядимъ.
Вотъ что-то завтра приключится?
Вы будете вздыхать, томиться,
Ты станишь ей въ любви божиться.

ФАУСТЬ.

И отъ души!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Меня не удвиши!
О вѣриости начнутся разговоры,
О нѣжности, любви; я знаю эти вздоры!
Ты будешь съ ней отъ сердца говорить....

ФАУСТЬ.

Молчи! когда въ стремленыи новомъ
Въ живомъ волненыи страстныхъ думъ,
Для мысли затруднится словомъ,
Для чувства звуковъ ищетъ умъ —

И думу тайную, весь міръ обнявъ мечтами,
Я вылью громкими словами,
И пламя страсти неизмѣнной,
Огонь любви моей священной
Я безконечнымъ назову:
Ужель я и тогда солгу?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Все правъ-же я!

ФАУСТЬ.

Замѣть, какъ ты лукавъ!
Чортъ вовсе горла не жалѣть.
Кто хочетъ правымъ быть и языкомъ владѣть,
Тотъ будетъ правъ.
И потому ты правъ, что этого хотѣлъ,
А пуще потому, что вздоръ мнѣ надоѣлъ.

САДЪ.

МАРГАРИТА СЪ ФАУСТОМЪ, МАРТА СЪ МЕФИСТОФЕЛЕМЪ,
гуляютъ по саду.

МАРГАРИТА.

Я чувствую, по добротѣ одной
Вы бѣдной дѣвушки обидѣть не хотите.
Постранствовавъ вездѣ, вы только такъ со мной
По добродушію, быть-можеть, говорите.
Чтобъ не сказала я—все это вздоръ такой;
Нѣтъ, вамъ не нравятся простые разговоры.

ФАУСТЪ.

Мнѣ выше мудрости людской
Простая рѣчъ твоя и пламенные взоры.
Цѣлуетъ у ней руку.

МАРГАРИТА.

Ахъ, не цѣлуйте-же! дурна моя рука;
Она въ работѣ загрубѣла;

У насъ въ дому такъ много дѣла,
А матушка, куда строга!

Проходить.

МАРТА.

А вы безъ отдыха все далѣе идете?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мои дѣла ужъ таковы:
Въ другой разъ вы куда-нибудь придетѣ,
Гдѣ вамъ полюбится, гдѣ обживетесь вы,
А послѣ все таки, хоть грустно, а уйдете.

МАРТА.

Да, рыскать по свѣту легко,
Пока вы молоды и въ силѣ;
За то ужъ въ старости не то,
И одинокому къ могилѣ
Идти потомъ, куда какъ тяжело!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Меня страшить картина эта.

МАРТА.

Не откажитесь-же отъ моего совѣта!
Остановиться вамъ пора.

Проходить.

МАРГАРИТА.

Изъ глазъ, изъ памяти! все это вамъ игра;
Учтивыхъ словъ вы не берете строго,
Къ тому у васъ друзей такъ много
И всѣ они умнѣе наасъ.

* ФАУСТЬ.

То что умомъ зовутъ у васъ,
Одно тщеславіе пустое.

МАРГАРИТА.

Мнѣ вашихъ не понять рѣчей.

ФАУСТЬ.

Цѣны не вѣдаетъ своей
Твое смиреніе святое.
Не знаешь ты, дитя простое,
Что скромность въ бѣдной жизни сей
Одно сокровище прямое.

МАРГАРИТА.

Ахъ, если обо мнѣ вы вспомните хоть разъ,
Я никогда не позабуду васъ.

ФАУСТЬ.

Такъ дома часто ты одна?

МАРГАРИТА.

Домъ не великъ у насъ, но все-же
За нимъ смотрѣть вѣдь нужно тоже.

И гдѣ забота не нужна?
Служанки нѣть; вотъ я одна
Должна хозяйствомъ въ домѣ править,
Варить, мести, вязать и шить,
Всѣ вещи по мѣстамъ разставить,
Съ утра и до ночи ходить.
Къ тому-же матушка на все такъ смотрить строго,
Что горе съ ней!
Намъ жить не нужно такъ убого,
Другихъ отнюдь мы не бѣднѣй.
И чѣмъ богаче все сосѣдство?
Покойный батюшка въ наслѣдство
Оставилъ намъ и домъ, и садъ.
Теперь у насъ потише стало,
Хлопотъ не столько, какъ бывало;
Въ солдатахъ братъ,
Сестра малютка умерла;
Вотъ съ ней-то много я хлопотъ перенесла,
Но я молютку такъ любила,
Что хоть по прежнему готова хлопотать.

ФАУСТЬ.

Малютки краше не сыскать,
Коль на тебя она, мой ангель, походила!

МАРГАРИТА.

Вѣтъ я сама ее вскормила.
Мать послѣ батюшки малютку родила,
Да въ тоже время и слегла,

И долго, долго проболѣла;
Казалось, бѣдной не прожить:
Тогда она и думать не посмѣла,
Чтобы самой дитя вскормить.
И вотъ я крошку пріотила;
Водой и молокомъ ее вскормила я,
Она росла, была моя,
Ее я нѣжила, ласкала и любила;
Такъ на рукахъ моихъ сиротка раззвѣла,
Рѣзвилась, прыгала, росла!

ФАУСТЬ.

Ты чистымъ счастiemъ владѣла!

МАРГАРИТА.

За то и пропасть было дѣла.
Со мною въ комнатѣ моей,
Ко мнѣ поближе у постели,
Спала молютка въ колыбели.
Бывало, нѣтъ покоя съ ней;
Вдругъ въ полночь самую дитя пошевелится,
А я проснусь
И напою ее; она ко мнѣ ложится,
А не заснетъ; я снова подымусь
И виѣстѣ съ ней съ постели встану,
По комнатѣ смѣясь ходить и прыгать стану,
Пока заснетъ дитя мое;
А утромъ мою для нея.
Какie хлопоты, мой Боже!

Бѣги, трудись, все на ногахъ,
И всякий день одно и тоже,
На рынкѣ, въ кухнѣ, все въ трудахъ;
Тогда сударь, подъ чашъ случится,
Идешь невесело къ трудамъ!
За то и отдыхъ благо намъ,
И сладко ъши, и сладко спится.

Проходить.

МАРТА.

Намъ женщинамъ такъ трудно васъ
Холостяковъ на путь наставить:

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Внимая вамъ, я хоть сейчасъ,
Готовъ вину свою исправить.

МАРТА.

Скажите мнѣ, хоть я и виновата,
Что васъ спрошу, разъ навсегда,
Вы не влюблялись никогда?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Дороже жемчуга и злата
Своя жена и свой очагъ;
Насъ поговорка учитъ такъ.

МАРТА.

Вы даже вовсе не желали?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Меня всегда отлично принимали.

МАРТА.

Не то хотѣла я сказать;
Вы никогда охоты не имѣли?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Возможно-ль съ дамами играть?
Да мы и думать не посмѣли.

МАРТА.

Нѣтъ, вы не поняли меня!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я отъ души жалѣю;
Но сколько вы добры, я очень разумѣю!

Проходить.

ФАУСТЬ.

Такъ ты меня, душа моя,
Какъ я вошелъ, тотчасъ узнала?

МАРГАРИТА.

Вы не замѣтили, что я
На васъ и глазъ не подымала?

ФАУСТЬ.

И ты не сердишься, прекрасный ангель мой,
Что поступилъ я такъ съ тобой?

МАРГАРИТА.

Да, признаюсь, я испугалась;
Вы завели меня въ позоръ,
Я скромной дѣвушкой считалась
И обо мнѣ до этихъ поръ
Еще не говорить никто худаго слова.
И вотъ я думала: знать что-нибудь дурнаго
На мнѣ его замѣтиль гзоръ.
Онъ видѣлъ въ томъ одну игрушку,
Сманить такую потаскушку.
Но, признаюсь, во мнѣ тотчасъ
Другая мысль о васъ родилась;
И какъ я на себя сердилась,
За то, что не могла сердиться я на васъ!

ФАУСТЬ.

Ты милочка!

МАРГАРИТА.

Пустите на минутку!
Срываетъ астру и выдергиваетъ одинъ за другимъ листья.

ФАУСТЬ.

Да что ты дѣлаешь?

МАРГАРИТА.

Такъ, шутку.

ФАУСТЬ.

Ахъ, разскажи!

МАРГАРИТА.

Смѣшно вамъ будетъ.

Выдергиваетъ листья и шепчетъ.

ФАУСТЪ.

Что про себя тамъ шепчешь ты?

МАРГАРИТА, ТИХО.

Онъ любить — не любить, любить — не любить.

ФАУСТЪ.

Ты милый ангель красоты!

МАРГАРИТА, продолжаетъ.

Любить — нѣтъ — любить — нѣтъ —

Вырываетъ послѣдній листокъ, съ милою радостью.

Онъ любить меня!

ФАУСТЪ.

Онъ любить; да! пусть этотъ цвѣтъ

Призванья сердца облечетъ!

Пускай душа твоя пойметъ,

Какъ страшно любить онъ тебя!

Беретъ се за руки.

МАРГАРИТА.

Миѣ холодно!

◆

ФАУСТЪ.

О, не дрожи!

Мой взоръ тебя любовью встрѣтитъ!

Пойми, когда душъ твоей
Пожатіе руки моей
Любовью пламенной отвѣтить,
Какъ бѣденъ звукъ пустыхъ рѣчей!
Душой моей съ душою слиться,
Въ блаженство нѣги погрузиться,
Въ блаженствѣ чувства умирать....
Но это чувство безконечно!
Кто могъ ему границы дать?
Оно должно быть вѣчно, вѣчно!

МАРГАРИТА, жметъ ему руку, вырывается и убѣгаєтъ. Она стоитъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, потомъ слѣдуетъ за нею.

МАРТА.

Ужъ ночь!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И намъ пора разстаться.

МАРТА.

Я васъ просила-бы оставаться;
Да ужъ народъ у насъ такой!
У нихъ заботы нѣть другой
И дѣла нѣть у нихъ другаго,
Какъ только вывѣдать, что думаетъ сосѣдъ.
Глядишь — и сплетни выдуть въ свѣтъ,
И клевета какъ разъ готова....
А наша парочка?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Шалять,

Какъ пташки лѣтнія вдоль по саду летятъ.

МАРТА.

Онъ кажется въ нее влюбился?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что дѣлать? каждому свое!

Она въ него, а онъ въ нее;

Знать въ этомъ свѣтѣ не измѣнился.

БЕСЪДКА.

МАРГАРИТА вбѣгаѣтъ, прячется за дверью, прикладывается палецъ къ губамъ и смотритъ сквозь щель.

МАРГАРИТА.

Идеть!

ФАУСТЬ.

Такъ дразнишь ты меня?

Смотри, плутовка, я тебя!

Цѣлуетъ ее.

МАРГАРИТА, обнимаетъ его и возвращаетъ подългуй.

Люблю тебя, другъ милый мой!

Мефистофель стучится.

ФАУСТЬ.

Кто тамъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Пріятель.

ФАУСТЬ.

Звѣрь!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ужъ намъ пора разстаться

МАРТА приходитъ.

Пора, сударь! нельзя оставаться.

ФАУСТЬ.

Не провести-ли васъ домой?

МАРГАРИТА.

А матушка? нѣтъ, оставайтесь!
Пріятной ночи вамъ и сна желаю я.

ФАУСТЬ.

Ты мнѣ велишь, душа моя?
Прощайте-же! пойдемъ.

МАРТА.

Прощайтсъ!

МАРГАРИТА.

До скораго свиданья!
Фаустъ и Мефистофель уходятъ.

МАРГАРИТА.

Ахъ Боже мой, какъ онъ уменъ!
Чего не передумалъ онъ?
А я стыжусь, какъ погляжу!
Сама ни слова не скажу;
Такая глупенькая я!
За что-же любить онъ меня?

Уходитъ.

ЛѢСЪ И ПЕЩЕРА.

ФАУСТЬ, ОДИНЪ.

Всесильный духъ! ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все,
О чемъ тебѣ молился я. Не даромъ
Ты показалъ мнѣ пламенный свой образъ;
Ты далъ мнѣ эту дивную природу,
Далъ силу чувствовать и насладиться ею.
И я дивлюсь не съ хладнымъ удивленьемъ
Ея высокимъ тайнамъ; ты позволилъ
Мнѣ заглянуть въ ея святую грудь,
Какъ въ сердце друга; ты передо мною
Повелъ ряды живыхъ твоихъ созданій,
Ты братій научилъ меня познать
Въ водахъ, и въ воздухѣ, и въ рощѣ тихой.
Ты въ часъ грозы, когда маститый дубъ
Сосѣдня деревья ломить съ трескомъ
И рушится, и грозному паденью,
Сѣдой утесь глухимъ стенаньемъ вторить,
Меня привелъ къ пещерѣ одинокой;
Ты тайныя, святая чудеса

Моей души раскрылъ передо мною.
Когда-же мѣсяцъ, тихій вѣстникъ мира,
Надъ головой блеснетъ на небесахъ,
Ко мнѣ слетаютъ съ древняго утеса “
Былыхъ вѣковъ серебряныя тѣни
И строгое смягчаютъ созерданье.
Я чувствую, что здѣсь для человѣка
Нѣть совершенства! ты къ святому чувству,
Которое меня возноситъ къ небу,
Мнѣ придалъ спутника; суровый и холодный,
Онъ нуженъ мнѣ, хотя въ моихъ глазахъ
Меня-же унижаетъ онъ; въ ничто
Твои дары насмѣшкой обращаетъ.
Онъ въ сердце будитъ дикую любовь
Къ роскошной дѣвѣ; быстро отъ желанья
Перехожу я къ нѣгѣ наслажденья,
А, наслаждаясь, вновь горю желаньемъ.

Входитъ Мѣфистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Скажи, не скучно-ли тебѣ?
Смотри, въ какую глушь забился!
Ну разъ, положимъ, ты отъ свѣта удалился;
А тамъ по прежнему опять живи себѣ.

ФАУСТЬ.

Оставь меня, духъ ада, скройся
И въ добрый часъ не возмущай души!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну — ну, иду! не беспокойся,
Не весело въ твоей глухи!
Повѣрь, не велика потеря,
Какъ взглянешь на такого звѣря.
Какъ ни старайся, ни трудись,
Ничѣмъ не угодишь вельможѣ,
Вѣги туда, да жмись и трись,
И всякий день одно и тоже.

ФАУСТЬ.

Еще ворчать, а уморилъ
Не самъ-ли онъ меня отъ скуки?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не я-ль, бѣднякъ, въ замѣну муки,
Тебя восторгомъ подарилъ?
Не я-ль въ порывѣ иступленья,
Отъ болтовни воображенья
Тебя на долго исцѣлилъ?
Безъ насъ давно, по вѣрной смытѣ,
Тебя-бы не было на свѣтѣ.
Проснись, угрюмый нелюдимъ!
Вольно-же филиномъ такимъ
Въ пещеры мрачныя скрываться,
Въ грязи, какъ жаба, пресмыкаться!
Среди своихъ пустынныхъ горъ
Отъ скуки скоро ты исчахнешь.

А право жаль! до этихъ поръ
Ты все еще ученымъ пахнешь.

ФАУСТЬ.

Когда-бъ ты зналъ, что жизнь небесь
Со мной сроднилась въ сей пустынѣ,
Ты-бъ позавидовалъ, о бѣсъ,
Моей таинственной святынѣ!

МЕФИСТОФЛЬ.

Завидно день и ночь по доламъ и горамъ,
Какъ угорѣлому метаться!
Сперва въ порывѣ страсти нѣжной,
Ты чувствомъ сладостнымъ томимъ,
Не скрылъ любви своей мягкой.
Ты страсть къ душѣ ея привелъ!
Теперь въ пещерѣ сокровенной,
Ты, извергъ, дѣву разлюбилъ!
Но чѣмъ, скажи, ты наградилъ
Тоску любви ея смиренной?
Одной бѣдняжкѣ скучно ей;
Порой надъ древними стѣнами
Сѣдыми, темными рядами,
Проходятъ тучи передъ ней;
Порой она и дни и ночи
Все проситъ: дайте крылья мнѣ!
Ужъ сна давно не знаютъ очи;
Ей не съ кѣмъ въ грустной тишинѣ
Дѣлить тоску; то вдругъ смѣется,

То плачетъ бѣдная она;
А все душа къ тебѣ несется,
А все какъ прежде влюблена.

ФАУСТЬ.

Змѣя! змѣя!

МЕФИСТОФЕЛЬ, про себя.

Теперь попался!

ФАУСТЬ.

Напрасно, демонъ, ты скрывался!
Не вызывай души моей
Въ толпу безсмысленныхъ людей!
Зачѣмъ коварною мечтою
Роскошный ликъ ея ты мнѣ изобразилъ?
Зачѣмъ волшебной красотою
Ты въ сердцѣ нѣгу разбудилъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну что жъ, когда она боится,
Что измѣнилъ ты бѣдной ей!
И то сказать, въ глухи своей
Онъ будто звѣрь дичится.

ФАУСТЬ.

Я близокъ къ ней вездѣ, всегда!
Какъ прежде пламенной любовью сердце бьется!
Я..... завидую, когда
Устами нѣжными она его коснется.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Смотря на васъ тайкомъ, и мнѣ
Завидно иногда бывало,
Когда въ завѣтной тишинѣ
Она тебя такъ пламено ласкала.

ФАУСТЬ.

Прочь. . . . !

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да не я одинъ на все гораздъ!
Сама природа полагаетъ:
Сперва красавицу создастъ,
А тамъ сведеть ее съ тобою.
Ступай-же! на твою бѣду
Глядѣть мнѣ право не подъ силу;
Я въ спальну къ ней тебя веду,
А не въ холодную могилу.

ФАУСТЬ.

Я пиль восторгъ небесъ въ объятіяхъ ея.
Дай отогрѣться мнѣ на персяхъ дѣвы иѣжной!
Ея тоску смягчу-ли я
Душою бурной и мятежной?
Бѣднякъ бездомный, я бѣжалъ
Съ утеса на утесь потокомъ водопада.
И съ иступленіемъ искалъ
Бездонной пропасти хохочущаго ада.
Я погибалъ—а въ сторонѣ,
Тревожной горести не зная,

Она въ завѣтной тишинѣ

Цвѣла, какъ роза полевая.

Чиста, невинна какъ дитя,

Съ страстями свѣта незнакома,

Въ заботахъ маленькаго дома

Она жила еще шутя.

А я отверженный, въ борьбѣ съ моей судьбою

Не только на себя печали накликалъ,

Не только дерзкою рукою

О скалы скалы разбивалъ: —

Я дѣву бѣдную встревожилъ,

Явясь какъ демонъ передъ ней,

Я миръ души огнемъ страстей

И возволновалъ, и уничтожилъ!

Мнѣ страшно, бѣсь! разсѣй мой страхъ!

Пусть грозной жребій совершится!

Пусть вмѣстѣ съ ней въ карающихъ громахъ

Небесный гнѣвъ надъ нами разразится!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, вотъ опять огнемъ горить!

Взойди, утѣши ее отъ тяжкаго мученія!

Гдѣ онъ въ бѣдѣ хоть разъ сглупить,

Тамъ для него ужъ нѣть спасенія.

Держись примѣра моего;

Ты съ чортомъ, кажется, достаточно связался.

Нѣть въ свѣтѣ хуже ничего,

Какъ чортъ, который потерялся!

КОМНАТА МАРГАРИТЫ.

МАРГАРИТА, одна за пряжей.

Тяжка печаль
И грустенъ свѣтъ;
Ни сна, ни покоя
Мнѣ бѣдной нѣть.

Гдѣ нѣть его
Передо мной,
Могилой тамъ
Весь міръ земной.

Потухъ, поблекъ
Мой бѣдный умъ;
Нѣть ясныхъ чувствъ,
Нѣть свѣтлыхъ думъ.

Тяжка печаль
И грустенъ свѣтъ;
Ни сна, ни покоя
Мнѣ бѣдной нѣть.

За нимъ гляжу я,
За нимъ хожу,
Его ищу я,
Не нахожу!

Его улыбка
И жаръ страстей,
И станъ высокий,
И блескъ очей.

И сладкія рѣчи,
Какъ говоръ струй,
Восторгъ объятій
И поцѣлуй!

Тяжка печаль
И грустенъ свѣтъ;
Ни сна, ни покоя
Миѣ бѣдной нѣть!

О немъ грущу
И плачу я,
О немъ томится
Вся грудь моя!

Зачѣмъ не могу я
За нимъ летѣть,
Любить и млѣть
И въ поцѣлуй
Съ нимъ умереть!

САДЪ МАРТЫ.

МАРГАРИТА. ФАУСТЬ.

МАРГАРИТА.

И ты мнѣ, Генрихъ, обѣщаешь?

ФАУСТЬ.

Все что могу!

МАРГАРИТА.

Ты добренькой такой,
Тебя люблю я всей душой,
Но ты религіи совсѣмъ не уважаешь..

ФАУСТЬ.

Не говори! мою любовь
Узнала ты; я клятвѣ вѣренъ;
Я дамъ тебѣ и жизнь и кровь
И церкви никого лишать я не намѣренъ.

МАРГАРИТА.

Но вѣрить нужно!

ФАУСТЬ.

Нужно?

МАРГАРИТА.

Да!

Вотъ видиши-ли, въ одномъ бѣда,
Что не властна я надъ тобою,
Что ты смѣешься надо мною,
Не вѣришь истинамъ святымъ.

ФАУСТЬ.

Душа моя, я вѣрю имъ!

МАРГАРИТА.

Но въ нихъ отрады не находишь.
Не исповѣдуешь грѣховъ
И въ церковъ божію не ходишь.
Ты въ Бога вѣриши-ли?

ФАУСТЬ.

Но кто произнесетъ въ избыткѣ дерзкихъ словъ:
Я вѣрую?
Бѣги, спроси своихъ жрецовъ,
Узнай сама у мудрецовъ!
Здѣсь грани мудрости ничтожной!
Одна насмѣшка ихъ отвѣтъ
На твой вопросъ неосторожный!

МАРГАРИТА.

Такъ стало-быть въ тебѣ и въ Бога вѣры нѣтъ!

ФАУСТЬ.

Ахъ, ты меня не понимаешь!
Кто назоветъ
И кто дерзнетъ
Сказать: я вѣрю?
Кто не склонится,
Кто рѣшился
Сказать: не вѣрю?
Всехранитель,
Вседержитель,
Не создалъ, не хранитъ-ли онъ
Себя и насы?
Не сводъ-ли неба тамъ надъ нами
И не земля-ль у ногъ твоихъ?
Не звѣзды-ль яркими рядами
Горятъ на небесахъ ночныхъ?
Когда мой взоръ твой взоръ встрѣчаетъ
И грудь полна любви святой
И все такъ видимо-невидимо витаетъ
Въ священной тайнѣ надъ тобой:
Тогда въ блаженствѣ утопая,
Наполни грудь огнемъ любви,
И въ этомъ царствѣ исчезая
Его какъ хочешь назови:
Богъ, радость, сердце и любовь!
Ему нѣтъ имени, все чувство!

А имя только звукъ пустой,
Туманъ и дымъ!

МАРГАРИТА.

Какъ хорошо все это, Боже!
Кого онъ такъ не убѣдить?
Въ другихъ словахъ, но все вѣдь тоже
Намъ часто патеръ говорить.

ФАУСТЬ.

Да! все что дышетъ, что живетъ
Подъ небомъ божіимъ предъ нами,
Въ своихъ парѣчіяхъ гремящими словами
Хвалу Создателя поеть!
И я предъ нимъ благоговѣю,
Его пою, какъ разумѣю.

МАРГАРИТА.

Да, какъ послушаешь, такъ кажется довольно,
Но другъ мой, вся ошибка та,
Что нѣтъ въ душѣ твоей Христа.

ФАУСТЬ.

Дитя мое!

МАРГАРИТА.

Мнѣ тяжело и больно,
Когда ты съ нимъ ко мнѣ идешь.

ФАУСТЬ.

Какъ съ нимъ?

МАРГАРИТА.

Да тотъ, съ кѣмъ ты живешь.
Его лицо я не навижу
И страшно мнѣ и сердцу тяжело,
Какъ только я его увижу.

ФАУСТЬ.

Мой другъ, ты не страшись его.

МАРГАРИТА.

Его присутствіе всю кровь мою волнуетъ.
Ты вѣришь-ли, я всѣхъ люблю людей;
Но сколько по тебѣ порой душа тоскуетъ,
Я столько-же боюсь его рѣчей.
Я какъ грѣха его пугаюсь
И Богъ меня прости, когда я ошибаюсь.

ФАУСТЬ.

Безъ этихъ чудаковъ и свѣтъ не устоитъ.

МАРГАРИТА.

Я не могла бы съ нимъ сдружиться.
Когда онъ въ двери постучится,
Онъ добрыхъ словъ не говоритъ,
На все насмѣшиво глядить,
Какъ будто злится,
И никого не любить онъ.
Ему любовь, какъ дѣтскій сонъ;
Его ничто ни привлекаетъ,
Морщины врѣзались въ чело;

Мнѣ на груди твоей такъ весело бываетъ
И такъ привольно, такъ тепло;
А съ нимъ мнѣ страшно, тяжело
И привыкать къ нему душа моя не можетъ.

ФАУСТЬ.

Тебя предчувствіе тревожитъ.

МАРГАРИТА.

Я много горести терплю,
Онъ ужасъ на меня наводить;
Ты вѣришь-ли, тамъ, гдѣ онъ къ намъ подходитъ,
Я и тебя ужъ не люблю.
Я не могла-бъ при немъ молиться
И больно, больно мнѣ тогда
И вся душа во мнѣ томится.

ФАУСТЬ.

Въ тебѣ природная вражда.

МАРГАРИТА.

Но мнѣ пора.

ФАУСТЬ.

Ахъ, никогда
Я не могу тобой спокойно любоваться,
Прильнуть къ груди твоей, съ душой твоей сливаться.

МАРГАРИТА.

Ахъ, еслибъ я одна спала,
Я-бъ и дверей не заперла.
Но я боюсь, чтобъ мать не услыхала;
Вѣдь если-бы она меня съ тобой застала,
Я-бы на мѣстѣ умерла.

ФЛУСТЬ.

Вотъ въ этой склянкѣ сокъ цѣлебный;
Налей въ питье три капли ей,
Тогда, мой ангелъ, сонъ волшебный
Слетить на ложе тихо къ ней.

МАРГАРИТА.

Я для тебя на все готова;
Вѣдь это ей не повредить?

ФЛУСТЬ.

Повѣрь; тебѣ даю я слово,
Сокъ этотъ только усыпить.

МАРГАРИТА.

Когда твой взоръ меня коснется,
Я отказать тебѣ ни въ чемъ-бы не могла;
Тебѣ я столько въ жертву принесла,
Что жертвы миѣ другой не остается.

Уходитъ.

Входитъ Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мартышка, дрянь! она ушла?

ФАУСТЬ.

Опять подслушалъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, дружокъ,
Васъ добродѣтели учили,
И я надѣюсь, что урокъ
Пойдетъ себѣ, какъ должно, впрокъ.
Хитро васъ дѣвушки сманили!
Когда-де вѣруетъ на старую погудку,
Такъ будетъ тоже онъ плясать подъ нашу дудку.

ФАУСТЬ.

Тебѣ чудовищу во вѣки не приснится,
О чемъ душа ея томится;
Какъ въ вѣрѣ пламенной своей,
Въ которой ей
Одна надежда и спасенье,
Она таитъ въ груди мученье,
О томъ, что гибнетъ другъ въ пучинахъ жизни сей.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вотъ плакса, нѣжинка примѣрный!
Васъ женщина становить въ дураки.

ФАУСТЬ.

Ты выродокъ огня и скверны!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А рожи узнаетъ дѣвчонка мастерски.
При мнѣ рождается въ ней тысяча мученій.
Знать, пахнетъ отъ меня умомъ?
Она грустить и чувствуетъ при томъ,
Что если я не чортъ, по-крайней-мѣрѣ геній.
Ну въ эту ночь?

ФАУСТЬ.

Тебѣ то-что?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И мнѣ вѣдь весело оно.

КОЛОДЕЗЬ.

МАРГАРИТА и ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ты о Варварѣ не слыхала?

МАРГАРИТА.

Нѣтъ, я не выхожу совсѣмъ.

ЛИЗА.

Да, да, Сивилла мнѣ сказала,
Ужъ пахнетъ отъ нея не тѣмъ!
Впередъ не важничай!

МАРГАРИТА.

А что?

ЛИЗА.

Да такъ, воняетъ.
Что Ѣсть и пить, то двухъ питаетъ.

МАРГАРИТА.

Ахъ!

ЛИЗА.

Дѣло! будь впередъ умнѣй!
И то сказать, гдѣ не таскался
Онъ вмѣстѣ съ ней?
На пляскѣ онъ не разставался,
Все чмокался и цѣловался;
То онъ вина ей поднесетъ,
То разной сласти нанесетъ.
Она все лицомъ гордилась,
А вѣдь сама не постыдилась
Подарки братъ.
Все цѣловалась, да ласкалась;
За то цвѣтка и не видать.

МАРГАРИТА.

Бѣдняжка!

ЛИЗА.

Нечего жалѣть;
Мы вечеромъ должны сидѣть,
Мы до ночи бывало пряли,
А между тѣмъ они тайкомъ
Внизу, сторонкой, за угломъ
Бывало вмѣстѣ все стояли.
За то теперь ей каково?
Съ ней въ церкви сдѣлаютъ не то.

МАРГАРИТА.

Онъ женится и все исправить.

ЛИЗА.

Удралъ! онъ только пошутилъ.
Жениться кто его заставитъ?

МАРГАРИТА.

Онъ очень худо поступилъ.

ЛИЗА.

Да хоть онъ и женись на ней,
Стыда мы все не спустимъ ей;
Вѣнокъ-бы парни разодрали,
А мы-бы сѣчки накидали.

Уходитъ.

МАРГАРИТА, ИДЯ ДОМОЙ.

И я бывало такъ сердилась,
Словами горькими бранилась,
Грѣхамъ и спуска не давала,
На бѣдныхъ дѣвушекъ кричала;
Бывало цѣлый свѣтъ браню,
Хоть черенъ грѣхъ, а все черню;
Сама-же рада хвастать я —
Теперь грѣшина душа моя!
Но, Боже, что меня сгубило,
Такъ было сладко было мило!

ЦЕРКОВНАЯ ОГРАДА.

Въ углублениі стѣны икона скорбящей Божіей Матери. Предъ ней сосуды съ цвѣтами; МАРГАРИТА ставить въ сосуды свѣжіе цвѣты.

О сжалъся,
Матерь Бога,
Въ часъ печали надо мной!

Въ грудь мечъ вонзая,
Глядишь, вздыхая,
На смерть Христа въ тоскѣ нѣмой.

О немъ томилась,
О немъ молилась
Ты Богу теплою мольбой.

Кто повѣрить,
Кто измѣрить,
Чѣмъ душа моя больна?
То о чемъ она томится,
Что дрожитъ, къ чему стремится,
Знаешь только ты одна.

Куда-бы не пошла я,
Все также грусть нѣмая,
Все также боль души!
Я только слезы трачу,
Я плачу, плачу, плачу
Одна въ нѣмой тиши.

Я полъ оросила слезами,
Я черныхъ думъ не снесла,
Какъ въ полъ за цвѣтами
Я на зарѣ пошла.

Лучи ея горѣли
На раннихъ небесахъ;
Я плакала въ постели,
Кручинилась въ слезахъ.

Ты смерть и срамъ отсторони!
Взоръ благодати,
Богоматерь,
Къ дѣвѣ бѣдной преклони!

НОЧЬ.

Улица передъ домомъ Маргариты.

ВАЛЕНТИНЪ, солдатъ, братъ Маргариты.

Бывало, сядемъ пировать,
Начнуть про дѣвокъ толковать,
И всякъ выводить предо мной
Своихъ красотокъ длинный строй;
А я на столъ облокочусь,
Руками гордо подопрусь,
Спокойно слышу хвастовство
И вѣтъ мнѣ дѣла до того.
Возьму стаканъ, расправлю усь,
Скажу: что голова, то вкусъ!
А гдѣ вамъ ту красотку взять,
Чтобъ съ Маргаритой поровнять?
Что ваши дѣвки передъ ней!
Подошвы не стоять сестры моей!
И шумъ пойдетъ, и гвалтъ, и стукъ;

Онъ правъ! со всѣхъ сторонъ кричать,
Нѣтъ краше дѣвушки вокругъ!
А хвастуны и замолчатъ.
Теперь хоть на стѣну взлѣзай,
Хоть волосъ съ головы срывай!
Шушукаютъ, кривятъ носами,
Задорять колкими словами;
Всякъ на обиды навострился.
Сижу какъ-будто провинился,
При каждой шуточкѣ вспотѣю,
А отвѣтить имъ не посмѣю!
Хоть расшибу ихъ кулаками,
А все не назову лгунами!

Кто это тамъ тайкомъ ползетъ?
Ниакъ ихъ двое идутъ вмѣстѣ?
Ужъ не его-ли чортъ ведетъ?...
Я разорву его на мѣстѣ.

====

ФАУСТЬ. МЕФИСТОФЕЛЬ.

ФАУСТЬ.

Какъ тамъ во храмѣ подъ окномъ
Лампада вѣчная дымится!
То вспыхнетъ, ярко загорится,
То меркнетъ въ сумракѣ ночномъ;
Такъ и на грудь мою печальный мракъ дождется.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А я, какъ кошка въ тишинѣ,
Что къ фонарю шажкомъ подходитъ,
Вдоль по стѣнамъ тихонько бродитъ;
Есть что-то доброе на этотъ разъ во мнѣ,
Немногого похоти, немногого воровства.
Знать близко намъ до празднества;
Душа къ Валпургії стремится.
Вотъ праздникъ славный будеть намъ!
По-крайней-мѣрѣ знаешь тамъ,
Зачѣмъ всю ночь гостямъ не спится.

ФАУСТЬ.

Въ то время ты вотъ этотъ кладъ,
Быть-можетъ, иѣсколько подвинешь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ахъ да, я даже очень радъ,
Теперь его ты скоро вынешь.
Я заглянуль въ него на дниахъ,
Въ немъ куча денегъ, такъ что страхъ.

ФАУСТЬ.

А иѣтъ-ли колецъ, иль убора
Въ подарокъ дѣвицѣ моей?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Тамъ много дорогихъ вещей,
Намъ не искать такого вздора.

ФАУСТЬ.

Миѣ даже грустно къ ней ходить,
Когда миѣ нечего дарить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Напрасно, это чувство должно.
Тѣль лучше, если даромъ можно.
Но подожди; въ сіяннїи звѣздъ
Услышишь ты мое искусство;
Я славной пѣснию съ этихъ мѣстъ
Какъ разъ ей отуманю чувство.

Поетъ и играетъ на гитарѣ.

Зачѣмъ ты тамъ,
Къ его дверямъ,
Катюша, тамъ
Пришла одна съ денницей?
Дѣвицѣ радъ,
Онъ впустить кладъ;
Но ужъ назадъ
Ты не пойдешь дѣвицей!

Бѣги-же вонъ!
Какъ кончитъ онъ,
Такъ добрый сонъ
Бѣдняжкѣ пожелаетъ.
Люби того,
Кто до всего
Тебѣ кольцо
Предъ алтаремъ вручаетъ.

ВАЛЕНТИНЪ, ВЫХОДИТЬ.

Молчи, проклятый мышеловъ!
Я самъ довольно пѣсенъ знаю!
Сперва гудокъ, а тамъ пѣвцовъ
Я прямо къ чорту отсылаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Эге! гитара затрещала!

ВАЛЕНТИНЪ.

Теперь и голова пропала!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, докторъ! будьте похрабрѣй!
Сюда, ко мнѣ! я не сробью;
Мечъ наголо! валяй живѣй!
Парировать и я съумѣю.

ВАЛЕНТИНЪ.

Парируй!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Отчего-же нѣть?

ВАЛЕНТИНЪ.

И этотъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Хоть сейчасъ, мой свѣтъ!

ВАЛЕНТИНЪ.

Миѣ кажется, самъ чортъ дерется?
Рука въ крови и шпага гнется.

МЕФИСТОФЕЛЬ, Фаусту.

Ударь!

ВАЛЕНТИНЪ, падая.

Увы!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, растянулся!
Теперь и намъ пора идти.

• • • • • • • • • • • • • • •

МАРТА, у окна.

Сюда скорый!

МАРГАРИТА, у окна.

Сюда свѣчей!

МАРТА, какъ выше.

Вотъ здѣсь былъ крикъ, дрались, ругались!

НАРОДЪ.

Да вотъ и мертвый у дверей.

МАРТА, выходя.

А что, убійцы разбѣжались?

МАРГАРИТА, ВЫХОДЯ.

Кто здѣсь лежитъ?

НАРОДЪ.

Сынъ матери твоей.

МАРГАРИТА.

О Господи, прости душъ моей!

ВАЛЕНТИНЪ.

Что я умру, легко сказать,
А легче умереть!
Я что-то вамъ хотѣлъ сказать;
Молчите бабы! что ревѣть?

Народъ около него собирается.

Еще ты, Гретхенъ, молода;
Но дура ты — и въ томъ бѣда,
Что прока нѣтъ въ тебѣ!
Скажу тайкомъ, безъ клеветы,
Ужъ если потаскушка ты,
Такъ будь-же ей вполнѣ.

МАРГАРИТА.

Мой братъ! о Боже! что такое?

ВАЛЕНТИНЪ.

Оставь-же ты меня въ покоѣ!
Ужъ сдѣланъ грѣхъ! что пользы тутъ?
Пускай дѣла себѣ идутъ.

Одинъ сегодня былъ съ тобой,
А завтра будетъ и другой;
И если дюжина была,
Такъ ты весь городъ созвала.

Сперва, какъ только стыдъ родится,
Такъ свѣтъ отъ всѣхъ его таитъ,
И человѣкъ его боится
Его во мракѣ сторожить.
Тогда убить его готовы;
Но стыдъ себѣ ростетъ, ростетъ
И голый среди дня идетъ;
Хоть и не краше ликъ багровый
И хоть похожъ онъ на чуму,
Тѣмъ больше нуженъ свѣтъ ему.

Смотри, наступитъ день одинъ,
Гдѣ всякий честный гражданинъ,
Когда рукой тебя коснется,
Какъ отъ заразы отвернется.
Тебѣ въ слезахъ страдать, терзаться,
Какъ только взглянутъ на тебя;
Въ златую цѣль не наряжаться
И не стоять у алтаря;
Не быть на пляскѣ при народѣ
Въ веселомъ, шумномъ хороводѣ,
Но съ нищимъ по угламъ скрываться,
Съ больнымъ бродягой пресмыкаться;
И, если Богъ тебя простить,
Грѣхъ на землѣ тебя стомить.

МАРТА.

Вамъ лучше Бога умолять,
Чѣмъ на сестру свою пенять.

ВАЛЕНТИНЪ.

Коль могъ-бы ребра я твои
Пересчитать, сѣдая баба,
Я вѣрю, что грѣхи мои
Господь всесильный мнѣ простилъ-бы.

МАРГАРИТА.

О братъ, мой братъ! не мучь меня!

ВАЛЕНТИНЪ.

Не плачь, я говорю тебѣ!
Ты мнѣ могла ударъ нанести,
Забывъ свою дѣвичью честь;
Я какъ солдатъ на смерть иду
И съ честью къ Господу приду.

СОБОРЪ.

Служба, органъ и пѣніе.

МАРГАРИТА между народомъ; за ней злой духъ.

злой духъ.

Не такъ ты, Гретхенъ,
Во дни былые
Предъ алтаремъ
Жепетала молитвы
Изъ старой книги!
То дѣтскія игры,
То Богъ въ душѣ,
Гретхенъ!
Гдѣ былъ твой умъ?
Въ душѣ таится
Кровавый грѣхъ.
Ты не за мать-ли молишься? сама
Ты постлала ей жесткую могилу.

На твоемъ порогѣ кровь!
Что дышеть, что мучить
Страшнымъ присутствиемъ
Бѣлую грудь твою?

МАРГАРИТА.

Горе мнѣ!
Убѣйственная дума
Страшнымъ мстителемъ возстала
На меня!

ХОРЪ.

Vies iræ, dies illa
Solvet saeclum in favilla.

злой духъ.

Гнѣвъ на тебя!
Труба гремитъ!
Раскрылись гробы;
Душа твоя
Изъ пепла могилы
Къ огненнымъ мукамъ
Проснулась,
Встаетъ!

МАРГАРИТА.

Прочь отсюда!
Мнѣ воздухъ спрѣ органъ,
Я задыхаюсь!
Святая пѣснь
Мнѣ ломить душу!

ХОРЪ.

Judex ergo cum sedebit,
Quid quid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

МАРГАРИТА.

Миѣ душно здѣсь!
Эти своды
Меня тѣснить!
Эти стѣны
Давятъ!.... Душно!

злой духъ.

О скройся, скройся!
Грѣха и страма
Не скроешь ты!
Душно? Темно?
Горе тебѣ!

хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronus rogaturus,
Cum vix justus sit securus?

злой духъ.

Лика Ангеловъ
Ты не увидишь!
Они руки

Нечистой дѣвѣ
Не подадутъ!
Горе тебѣ!

ХОРЪ.

Quiud sum miser tunc dicturus?

МАРГАРИТА.

Я умираю! помогите!

Падаетъ безъ чувства.

ВАЛПУРГСКАЯ НОЧЬ.

Гарцовые горы.

ФАУСТЬ. МЕФИСТОФЕЛЬ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну мочи нѣтъ! я такъ усталъ,
Что на метлѣ готовъ проѣхать
И за козла-бы деньги далъ.
Намъ такъ до цѣли не доѣхать.

ФАУСТЬ.

Нѣтъ, я и такъ могу добраться
И палка мнѣ пришлась подъ-стать.
Къ чему дорогу сокращать?
То по долинѣ пробираться,
То на утесы подниматься,
Откуда водопадъ съ стремленіемъ бѣжитъ,
Все это путника въ дорогѣ веселить.
Весна кругомъ! сосна зазеленѣла,

Береза распускаетъ цвѣтъ.

Знать, чортгъ бѣдному весна не грѣетъ тѣла.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Во мнѣ весны и слѣда нѣть;

Зима ко мнѣ въ животъ засѣла.

Дался намъ мѣсяцъ красный на пути!

Дрянной фонаришка! и свѣта нѣ дождешься!

Чуть-чуть горитъ; того гляди,

Что гдѣ-нибудь да ушибешься.

Кажись, тамъ пробѣжалъ блудящій огонекъ;

Мы въ спутники его-бы взяли.

Эй, ты! послушай-ка, дружокъ,

На верхъ намъ посвѣтить нельзя ли?

Зачѣмъ ты даромъ прогоришь?

Ты лучше намъ въ дорогу посвѣтишь.

блудящій огонь.

Я вашей милости въ угоду

Готовъ перемѣнить методу;

А то и вкривъ и вкось привыкли мы шагать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не человѣку-ли ты вздумалъ подражать?

Ступай, да прямо! Ну-же, къ —

Не то я вмигъ тебя задую.

блудящій огонь.

Знать, въ домѣ вы хозяинъ здѣсь?

Я услужить вамъ постараюсь.

Но право тяжело; у насъ такая смѣсь,
Что я и на себя совсѣмъ не полагаюсь.

ФАУСТЬ, МЕФИСТОФЕЛЬ, БЛУДЯЩІЙ ОГОНЬ, ПОЮТЬ.

Знать въ область сновидѣній,
Въ край волшебный поселились!
Ты веди насъ къ вѣрной сѣни,
Чтобъ мы здѣсь не заблудились
Между дикими горами.
Тамъ деревья передъ нами
Быстро мимо промелькнули,
Горы головы нагнули,
Скалы длинными посами
Захрипѣли и подули!

Подъ каменьями сбѣгая,
Ручеекъ журча несется.
Слышу звуки! пѣсь родная,
Пѣсня нѣги раздается!
Что кто любитъ, что желаетъ,
Какъ преданія быlyя,
Въ старой памяти живыя,
Эхо долго отвѣчаетъ.

Слышу крики, слышу зовы!
Филинъ, нетопырь и совы,
Всѣ слетѣлись, всѣмъ не спится!
Жаба въ листьяхъ шевелится,
Брюхо толсто, длинны ноги.
Будто змѣи, корни выются;

Надъ песками, вдоль дороги,
По утесу лентой льются;
Страхъ и сѣти намъ готовятъ,
Непроходными путями,
Свиловатыми вѣтвями
Пришлеца въ пустынѣ ловятъ.
Подъ травою вслѣдъ за ними
Мыши пестрыми толпами!
Червяки огнемъ блестаютъ,
Въ цѣлыхъ кучахъ бѣгло рѣютъ,
Вдругъ заблещутъ, затемнѣютъ
И съ дороги насъ сбиваютъ.

Растолкуй мнѣ, что мы ходимъ,
Или съ мѣста не уходимъ?
Лѣсь и горы завертѣлись,
Строять рожи пресмѣшныя,
А во тьмѣ огни ночные
Разбѣжались, разгорѣлись.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ухватись живѣй за полы;
А теперь взгляни на долы:
Въ серединѣ подъ горой
Заблисталъ маммонъ златой.

ФАУСТЬ.

Смотри, изъ мрачныхъ бездинъ сверкаетъ
Зарерумянный, мутный свѣтъ!
Въ глухую пропасть проникаетъ;

Ему нигдѣ преграды нѣтъ.
Вотъ парь густымъ столбомъ выходитъ,
Въ туманѣ пламень возстаетъ;
Здѣсь нити тонкія выводить,
Тамъ вдругъ живымъ фонтаномъ беть.
То въ жилахъ пламенныхъ стремится,
По долу огненный потокъ,
То вдругъ опять уединится,
Сожмется въ тѣсный уголокъ.
Вотъ ближе искры огневыя
Мелкаютъ золотымъ пескомъ;
А тамъ утесы вѣковые
Облиты въ заревѣ ночномъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, ради праздника такого
Маммонъ огнями убралъ домъ,
Взглянулъ ты кстати; дѣло въ томъ,
Что гости тутъ, толпа готова.

ФАУСТЬ.

Ты слышишь-ли, какъ вихорь застоналъ?
Онъ беть меня могучими крылами.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Держись за ребра старыхъ скалъ,
Чтобъ не упасть; тамъ пропасть подъ ногами.
Въ туманѣ окрестность лежитъ;
Слышишь, какъ старый боръ трещитъ?

Совы съ крикомъ летаютъ,
Вихры своды ломаютъ
Вѣчно зеленаго дома;
Какъ подъ ударами грома
Дубъ и стонетъ, и бьется;
Вѣтвь отъ дерева рвется;
Все съ шумомъ рушится подъ тобою,
Корни треснули подъ грозою;
А въ глубинѣ пещеры разбитой
Роется вихорь сердитой.
Слышишь голосъ надъ горами
Дальше, ближе передъ нами?
Вдоль утесовъ старыхъ скаль
Шумный говоръ пророкоталъ.

ВѢДЬМА.

Валить на Брокенъ вся толпа;
Посѣвъ зеленый, трава желта.
Куда кто могъ, туда побрелъ;
П — колдунья, в — козель.

ГОЛОСЪ.

Старуху Баубо вижу я,
А подъ сѣдломъ у ней свинья.

ХОРЪ.

Старухъ честь и похвала!
Чтобъ Баубо передъ нами шла!
Гдѣ на свинѣ она летить,
Тамъ весь содомъ за ней валить.

голосъ.

Ты откуда на бѣду?

голосъ.

Я черезъ Ильзенштейнъ иду,
Тамъ заглянулъ я къ совѣ въ гнѣздо.
Та глаза таращить и смотритъ: кто?

голосъ.

Чтобы чортъ тебя подралъ,
Что такъ скоро ускакалъ.

голосъ.

Меня она искусала,
Ты ранъ моихъ не видала.

вѣдьмы, хоромъ.

Нашъ путь и дологъ, и широкъ.
Какой здѣсь бѣшеный потокъ!
Метла и вилы не подѣ-стать;
Робенка душить, лопнетъ мать.

колдуны, полуходъ.

Идемъ мы тихо цѣлый часъ,
Всѣ женщины обгонять насы.
На тысячу шаговъ впередъ
На злое женщина идетъ.

ДРУГАЯ ПОЛОВИНА ХОРА.

И то сказать, безъ дальнихъ словъ,
Идемъ мы тысячу шаговъ;
А поглядишь, такъ все какъ разъ
Мущина въ шагъ обгонить насть.

ГОЛОСЪ, СВЕРХУ.

За нами, за нами изъ озера скалъ!

ГОЛОСЪ, СНИЗУ.

Никто дороги не показалъ!
Бѣлились и чистились мы вездѣ,
За то, увы! и бесплодны всѣ.

ОБА ХОРА.

Гроза молчитъ, звѣзда бѣжитъ,
Луна за тучами лежитъ.
Волшебный хоръ идетъ путемъ
И пышетъ и кипитъ огнемъ.

ГОЛОСЪ, СНИЗУ.

Подождите!

ГОЛОСЪ, СВЕРХУ.

Что вы тамъ въ скалахъ шумите?

ГОЛОСЪ, СНИЗУ.

Возьмите и меня съ собой!
Ужъ триста лѣтъ я подъ скалой

Ищу себѣ на верхъ прохода,
Чтобъ быть у васъ среди народа.

ОВА ХОРА.

Козель везеть, вила везеть
И палка, и метла несетъ;
И кто теперь не можетъ встать,
Тому во вѣки тамъ лежать.

ПОЛУВѢДЬМА, внизу.

Давно за ними я плетусь,
А все до нихъ не доберусь;
Хоть рано изъ дома пойду,
А все не вѣ время приду.

ХОРЪ ВѢДЬМЪ.

Крѣпится мазью въ насть душа;
На парусъ тряпка хороша,
Корыто судномъ побѣжить,
Пропалъ, кто нынче не летить.

ОВА ХОРА.

Когда мы гору обойдемъ,
Мы вдоль тихонъко прополземъ;
И вдругъ волшебною толпой
Покроемъ поле предъ собой.
Садятся.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Шумятъ, бѣгутъ, свистятъ, тѣснятся,
Ревутъ, шипятъ, влекутъ, толпятся,
Горятъ, воняютъ, такъ что страшъ;
Рой колдуновъ собрался тамъ.
Побудь со мной, чтобъ не разстаться намъ.
Ну, гдѣ ты?

ФАУСТЬ издали.

Здѣсь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ужъ ты туда попался!
Постой, расправлюсь я сейчасъ.
Съ дороги, чернь, долой! въ толпу къ вамъ чортъ
вмѣшался!
Здѣсь, докторъ, ухватись! какъ разъ
Сойдемъ мы на просторъ съ дороги.
Мнѣ самому не вынести тревоги!
Не заглянуть-ли намъ въ кусты?
Тамъ что-то свѣтится огнистою чертою.
Скорѣй туда! иди за мною!

ФАУСТЬ.

Веди меня, куда захочешь ты,
Противорѣчія таинственное чадо!
Не для забавы-ли взошли на Брокенъ мы,
А вздумали, куда умы!
Что намъ уединиться надо.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Взгляни на пестрые огни!
Веселый клубъ въ кусты собрался.
И здѣсь, мой другъ, мы не одни!

ФАУСТЬ.

Я-бъ лучше наверху остался.
Ужъ дымъ клубится тамъ столбомъ;
Толпа увлечена грѣхомъ;
Какъ много тамъ загадокъ разрѣшится!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

За то и много ихъ родится.
Намъ въ шумѣ свѣта пользы нѣть;
Здѣсь, въ закаулкѣ наша мета.
Ужъ такъ ведется много лѣтъ,
Что посреди большаго свѣта,
Подъ часъ творятъ и малый свѣтъ.
Смотри, тамъ рѣзвая шалунья
Раздѣлась дѣнага, чтобы красотой блеснуть,
А дальше старая колдунья,
Умно прикрывъ себя, нась хочетъ обмануть.
Ну, будь поласковѣй! да сдѣлай одолженіе!
Трудъ не великъ, а шутка велика.
Я вижу странное волненіе,
Я слышу грубый звукъ смычка.
Пойдемъ, я къ нимъ тебя представлю,
И право снова позабавлю;
Тебя потѣшитъ этотъ вздоръ.

Ну, что? вѣдь мѣсто не обидно?
Смотри, какой у насъ просторъ!
Отсюда и конца не видно.
Кругомъ огни потѣшные горятъ,
Болтаютъ, любятъ, пьютъ, и пляшутъ, и варятъ,—
Все есть, чего не пожелаешь.

ФАУСТЬ.

А какъ ты къ нимъ теперѣ придешь?
Такъ просто чортомъ подойдешь,
Или волшебника сыграешь?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да я-бъ incognito пожалуй сохранилъ,
Но всѣ по праздникамъ свой орденъ надѣваютъ;
И хоть подвязки я еще не получилъ,
За то у насъ копыто уважаютъ.
Да вотъ улитка къ намъ ползетъ,
Она по ощупи узнаетъ,
Какого гостя путь ведетъ;
Здѣсь чорта всякий распознаетъ.
Мы отъ огня къ огню пойдемъ,
Я сватомъ для тебя, ты будешь женихомъ.
Подходя къ иѣкоторымъ, которые сидятъ около погасающихъ
углей.

Зачѣмъ вы, господа, сюда уединились?
Да вы бы тамъ повеселились,
Гдѣ молодость кружится и кипитъ.
Кто хочетъ быть одинъ, пусть дома посидитъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Кто ввѣрится теперь народу?
Платите кровью за него,
Народъ и женщины другую взяли моду;
Имъ молодость нужней всего.

МИНИСТРЪ.

Насталъ для правды вѣкъ плохой;
За то хвалю себѣ былое;
То было время золотое,
Когда мы правили кормой.

PARVENU.

И мы не дураки дались
И что не нужно, то творили;
Когда-жъ мы свѣтъ держать взялись,
Такъ суматоху заварили.

АВТОРЪ.

Кто книгу дѣльную, высокой думы плодъ,
У насъ теперь еще читаетъ?
Ахъ, этотъ молодой народъ
Не въ мѣру крылья поднимаетъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ, являясь старикомъ.

Да! для послѣдняго суда
Я вижу признаки въ народѣ;
Моя кадушка такъ мутна,
Что стало-быть и міръ въ исходѣ.

ВЪДЬМА - ТОРГОВКА.

Остановитесь, господа,
Вы случая не пропускайте даромъ!
Полюбоваться не всегда
Придется вамъ такимъ товаромъ.
Подобной лавки въ свѣтѣ нѣть.
Такія вещи—удивленье!
На что ни взглянете, все наносило вредъ,
Все совершило преступленье!
Мои товары сущій кладъ;
Послѣдній мой кинжалъ и тотъ въ крови купался,
Во всякой чашѣ тайный ядъ
На гибель недруга скрывался;
Въ какой-нибудь дрянной уборѣ
Младая дѣва наряжалась,
Когда развратомъ на позорѣ
Преступной нѣги увлекалась.
Здѣсь каждый мечъ союзу измѣнилъ
И каждый подлостью противника убилъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты, тетка, времени не знаешь.
Что сдѣлано, того не воротить!
Зачѣмъ ты новостей для насъ не покупаешь?
Новинкой нужно заманить.

ФАУСТЬ.

Среди проклятаго базара
Я одурѣлъ, какъ отъ угары.

О

Ч

К

Я

М

О

И

Из

А

Пос

Ужо

Ахъ

Я

и

что

Ахъ.

Одн

Я

вт

Такъ.

Вѣдь

Зачѣ

Плодовъ отвѣдать пожелалъ
И взлѣзъ и яблоко сорвалъ.

КРАСОТКА.

Всегда вы лакомы до нихъ;

Я рада, что въ саду моемъ
Мы тоже яблоки найдемъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Разгульный сонъ приснился мнѣ;
Я видѣлъ дерево во снѣ
Съ большой — —
Но по — и — —

СТАРУХА.

Я рыцарю съ кривой ногой
Несу поклонъ усердный мой.
Пусть только — — —
Когда — ему не въ страхъ.

ПРОКОТОФАНТАСМИСТЬ.

Толпа проклятая! ну какъ ихъ не ругать?
Не я-ль доказывалъ, что духи
Живутъ безъ ногъ? они-же глухи!
Не хуже нашего пошли еще плясать.

КРАСОТКА, танцуя.

А этотъ какъ сюда попалъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Наверхъ стремится гвалъ ужасный;
Не ты, они тебя влекутъ.

ФАУСТЬ.

Кто это тамъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Лилить ее зовутъ;
Всмотрись скорѣй!

ФАУСТЬ.

Да кто она?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Адама первая жена!
Не тронь, страшись косы опасной,
Ея единственной красы;
Кто легкомысленно дотронется косы,
Не избѣжитъ ея любви несчастной.

ФАУСТЬ.

Вотъ парочка: съ молоденькой старушка.
Онъ напрыгались; наскучила пирушка.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сегодня негдѣ отдохать;
Пойдемъ и мы съ тобой плясать!

ФАУСТЬ танцуетъ съ молодой.

Прекрасной сонъ приснился мнѣ,
Я видѣлъ яблоню во снѣ;

Плодовъ отвѣдать пожелалъ
И взлѣзъ и яблоко сорвалъ.

КРАСОТКА.

Всегда вы лакомы до нихъ;

Я рада, что въ саду моемъ
Мы тоже яблоки найдемъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Разгульный сонъ приснился мнѣ;
Я видѣлъ дерево во снѣ
Съ большой — —
Но по — и — —

СТАРУХА.

Я рыцарю съ кривой ногой
Несу поклонъ усердный мой.
Пусть только — — —
Когда — ему не въ страхъ.

ПРОКТОФАНТАСМИСТЬ.

Толпа проклятая! ну какъ ихъ не ругать?
Не я-ль доказывалъ, что духи
Живутъ безъ ногъ? они-же глухи!
Не хуже нашего пошли еще плясать.

КРАСОТКА, танцуя.

А этотъ какъ сюда попалъ?

ФАУСТЬ, танцуй.

Спросите, гдѣ онъ не бывалъ.
Онъ нашу пляску осуждаетъ;
При немъ не нужно-бы плясать.
Шаговъ не станетъ онъ считать,
Которыхъ самъ не замѣчаетъ.
Но главная обида въ томъ,
Когда другой впередъ стремится;
Добро еще, когда вертясь кругомъ,
Какъ самъ онъ въ мельницѣ вертится,
Весь свѣтъ предъ нимъ почтительно склонится.

ПРОКОТОФАНТАСМИСТЬ.

Вы здѣсь еще? превратный свѣтъ!
Мы кажется довольно просвѣщали,
Но черти правиламъ ни сколько не внимали.
Мы такъ умны, а пользы нѣть!
И сколько мы дорогъ не прочищали,
Все также грязь, превратный свѣтъ!

КРАСОТКА.

Молчите! вы намъ надоѣли!

ПРОКОТОФАНТАСМИСТЬ.

Я говорю вамъ прямо вслухъ,

Пляска продолжается.

Удачи нѣтъ сегодня въ этомъ;
Но путь я далѣе держу
И, можетъ-быть, надъ чортомъ и поэтомъ
Еще побѣду одержу.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Теперь онъ въ лужѣ освѣжится;
Піявку, — такъ онъ сей-часъ готовъ;
Онъ этимъ способомъ отъ духа и духовъ
Въ одну минуту излечится..

Фаусту, который оставилъ пляску.
А гдѣ красавица твоя?
Когда ты съ ней плясалъ, она такъ мило пѣла.

ФАУСТЬ.

Во время пляски видѣлъ я,
Что мышка красная сквозь зубы пролетѣла.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И только? больше ничего?
Добро еще, что красная попалась!
И ты красавицу оставилъ отъ того?
Вѣдь какъ она къ тебѣ ласкалась!

ФАУСТЬ.

Еще я видѣлъ.....

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что?

ФАУСТЬ.

Вдали, передо мною
Тамъ дѣва блѣдная стоитъ
И тихо движется дрожащею стопою,
Какъ будто цѣпь на ней лежитъ.
Ахъ, Маргариту образъ милый
Напомнилъ мнѣ волшебной силой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

То духъ безжизненный, волшебная игра.
Но встрѣча съ нимъ не принесетъ добра.
Ты не гляди! Медузу встрѣтишъ ты
Въ мѣртвящемъ образѣ печальной красоты!
Онъ кровь твою оледенить
И въ хладной камень превратить.

ФАУСТЬ.

Ужасный взоръ на мнѣ остановился.
Никто съ участіемъ сихъ глазъ не закрывалъ!
Вотъ грудь, къ которой я устами припадаль!
Вотъ тѣло пышное, которымъ насладился!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вѣдь въ томъ и волшебство, что всякий видѣть въ немъ,
Свою красавицу въ безуміи своемъ.

ФАУСТЬ.

Какой восторгъ! какое горе
Въ ея нѣмомъ, печальному взорѣ!

Какъ эта лента хороша,
Что обвилась струей кровавой,
Не шире остраго ножа,
Вокругъ этой шеи величавой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я видѣлъ этотъ знакъ на ней.
Съ тѣхъ поръ, какъ дерзкою рукою
Сорвалъ ей голову Персей,
Она подъ мышкою несетъ ее порою.
Но что за вздоръ въ умѣ твоемъ?
Теперь мы на гору взойдемъ,
Насъ ждетъ другое наслажденье.
Никакъ театръ готовъ для нась?
Что тамъ творятъ?

SERVIBILIS.

Начнутъ сей-часъ!
Послѣднее, седьмое представленье.
Таковъ обычай здѣсь у нась,
Что на седьмомъ всегда кончаютъ;
Любитель сочиняетъ, любители играютъ.
Мнѣ полюбилось занавѣсь открыть —
И потому вы извините!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что вы на Блоксбергѣ стоите,
Такъ это хорошо; вамъ только тамъ и быть!

СОНЬ

ВЪ ВАЛПУРГСКУЮ НОЧЬ,

или

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

ОБЕРОНА И ТИТАНИЙ.

ИНТЕРМЕДІЯ.

СОНЪ

ВЪ ВАЛПУРГСКУЮ НОЧЬ,

или

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА ОБЕРОНА И ТИТАНИЙ.

—

ДИРЕКТОРЪ ТЕАТРА.

Дѣти Мидинга, пора
Отдохнуть на волѣ!
Сцена — старая гора,
Мокрый долъ, да поле.

ГЕРОЛЬДЪ.

До нашей свадьбы золотой
Доживемъ въ полвѣка;
Золото, какъ минетъ бой,
Милѣй для человѣка.

ОБЕРОНЪ.

Если духи здѣсь при мнѣ,
Пусть они слетаются!

Царь съ царицей въ тишинѣ
Въ новый бракъ вступаютъ.

ПУКЪ.

Пукъ идетъ вертясь кругомъ
И въ пляскѣ бьетъ ногами;
Съ нимъ шумя валитъ содомъ,
Идутъ на пиръ толпами.

АРИЕЛЬ.

Пѣсни Ариель ведеть
И звукъ со струнъ сбѣгаетъ;
Здѣсь урода привлечетъ,
Тамъ прелесть призываєтъ.

ОБЕРОНЪ.

Чтобы супруги мирно жили,
Мы для нихъ наука!
Чтобъ другъ друга полюбили,
Нужна для нихъ разлука.

ТИТАНИЯ.

Ворчить жена, бранить супругъ,
На нихъ вы не глядите.
Вы на сѣверъ мужа вокругъ,
Жену на югъ сведите.

ОРКЕСТРЪ.

Fortissimo.

Комары и мухи къ намъ
Со всей родней сбѣгаютъ;

Всльдъ лягушкамъ и сверчкамъ
Музыку сыграютъ.

ДУХЪ ОБРАЗУЮЩІЙСЯ.

Тѣло жабы, паука
Ноги и движенье,
Не составятъ вамъ звѣрка,
Составятъ сочиненье.

ПАРОЧКА.

Малый шагъ, большой прыжокъ
Въ росѣ, въ цвѣтахъ душистыхъ;
Можетъ-быть, что ты ходокъ,
За то нѣтъ крылъ волнистыхъ.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Это право маскарадъ!
Чтобъ мнѣ не ошибаться!
Я съ Оберономъ очень радъ
Сегодня здѣсь встрѣчаться.

ОРТОДОКСЪ.

Нѣтъ хвоста и нѣтъ клещей,
Но тѣже все итоги,
Что и онъ въ числѣ чертей,
Какъ греческіе боги.

СЪВЕРНЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Здѣсь не привлечетъ ничто;
Я очерки снимаю!
Но въ Италію за то
Я скоро отѣзжаю.

ПУРИСТЬ.

Ахъ, въ какой я здѣсь бѣдѣ!
Кругомъ все крикъ, да ссора!
И напудрены лишь двѣ
Изъ-за всего собора!

МОЛОДАЯ ВѢДЬМА.

Пудра, юбка не по мнѣ;
До нихъ старухѣ дѣло.
Сижу нагая на козлѣ,
Смотри, какое тѣло!

СТАРУХА.

Мы воспитаны не такъ,
Чтобъ здѣсь ругаться съ вами.
Юность не спасетъ никакъ,
И вы сгніете сами.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Комары и мухи тамъ
Вкругъ голой не летайте!
Сверчки, лягушки, я вѣдь вамъ
Сказалъ ужъ: въ тактъ играйте!

ФЛЮГЕРЪ, съ одной стороны.

Подобныхъ гдѣ гостей искать?
Невѣсты молодыя;
А женихи у нихъ подѣ-стать,
Все молодцы прямые.

флюгеръ, съ другой стороны.

И если пропасти сей-часъ
Не вскроются подъ ними,
Такъ прямо въ адъ и я сей-часъ
Спрыгну безъ шутки съ ними.

КСЕНИЯ.

Съ клещами острыми въ рукѣ.
Какъ насѣкомыхъ стая,
Пришли мы къ дѣду сатанѣ,
Поклоны разсыпая.

ГЕИНИНГСЪ.

Для наивной болтовни
Сошлись сюда толпами;
И думаютъ, что всѣ они
Съ добрѣйшими сердцами.

МУЗАГЕТЬ.

Мнѣ очень весело межъ васъ,
Я лихо позабавлюсь;
Скорѣе съ вами во сто разъ,
Чѣмъ съ музами я справлюсь.

SI-DE VANT геній времени.

Съ людьми, братъ, въ люди выйдешь самъ;
На Блоксбергъ не далеко.
Какъ на Парнасъ нашемъ тамъ,
Просторно и широко.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Что за баринъ въ сторонѣ
Тамъ гордымъ шагомъ рыщетъ,
Трется, нюхаетъ вездѣ?
„Онъ Езuitовъ ищетъ.“

ЖУРАВЛЬ.

Чиста вода, мутна вода,
Журавль за рыбой ходить,
И баринъ добрый иногда
Затѣмъ къ чертямъ заходитъ.

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ханжи вездѣ себѣ найдутъ
Мѣста для пребыванья;
И здѣсь пожалуй заведутъ
Они свои собранья.

ТАНЦОВЩИКЪ.

Барабанъ гремитъ въ ушахъ,
Еще толпа слетѣла;
Однозвучно въ тростникахъ
Это выпь запѣла.

ТАНЦОВЩИКЪ.

Право, не жалѣютъ ногъ!
Бѣгутъ, вертятся живо.
Кривъ-ли, хромъ-ли, кто какъ могъ,
Хотя и не красиво.

СКРЫПАЧЪ.

Враги здѣсь вмѣстѣ собрались,
Одинъ другаго злѣе;
Всѣ подъ гудокъ они сошлись,
Какъ звѣри при Орфей.

ДОГМАТИКЪ.

Насъ критикой не обманутъ;
Сомнѣнья вѣтъ ни мало;
Должны быть черти чѣмъ-нибудь,
А то-бъ ихъ не бывало.

ИДЕАЛИСТЪ.

Воображеніе въ головѣ
Сегодня перегрѣто;
Я право не въ своемъ умѣ,
Когда я самъ все это!

РЕАЛИСТЪ.

Весь этотъ быть разбѣсить нась!
И какъ-же не взбѣситься?
Того гляди, что въ первый разъ
Придется съ ногъ свалиться.

СУПЕРНАТУРАЛИСТЪ.

Мнѣ весело безъ дальнихъ словъ,
Я много замѣчаю
И признаюсь, отъ злыхъ духовъ
О добрыхъ заключаю.

СКЕПТИКЪ.

За искрой вздумали идти;
Имъ кладъ искать отрадно.
Вотъ я какъ на прямомъ пути:
Сомнѣнья съ чортомъ складно.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Сверчки, лягушки, вотъ я васъ!
Плохіе дилетанты!
Мухи, комары у насъ
Прямые музыканты.

ПРОВОРНЫЕ.

Sans-souci не даромъ всѣ
Нашъ легкій полкъ прозвали.
Ходимъ мы на головѣ,
А ноги отказали.

ВЛУДЯЩІЕ ОГНИ.

Изъ болота мы идемъ,
Гдѣ прежде и родились.
За то въ нарядѣ щегольскомъ
На праздникъ мы явились.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Съ высоты слетѣла я
Огненной стрѣлою.
Но теперь какъ встану я,
Лежа надъ травою?

МАСИВНЫЕ.

Прочь съ дороги! мѣста намъ!
Трава хрустить подъ нами.
Духи идутъ, духи къ вамъ
Съ тяжелыми ногами.

ПУКЪ.

Вотъ нагрянули слоны!
Гдѣ это такъ ведется?
Нынче падать всѣ должны;
Самъ Пукъ съ ноги собьется.

АРИЕЛЬ.

Если крылья вамъ даны,
Легкою толпою
Въ свѣтлый край другой страны
Слѣдуйте за мною!

ОРКЕСТРЪ.

Тучи иѣть, туманъ бѣжитъ,
На небѣ засвѣтлѣло;
Вѣтеръ по полю шумитъ,
Все мимо пролетѣло.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ.

Поле.

ФАУСТЬ МЕФИСТОФЕЛЬ.

ФАУСТЬ.

Въ нищетѣ! въ отчаянії! сперва она скиталась по землѣ, бездомная страдалица! а теперь — въ темницѣ. Это милое, бѣдное созданіе, какъ преступница, въ темницѣ, въ невыразимыхъ мученіяхъ! Вотъ до чего дошло! — И это ты скрывалъ отъ меня, подлый, предательскій духъ? — Стой себѣ! мечи съ яростю вокругъ свои сатанинскіе взгляды! Стой и грози мнѣ упорнымъ присутствиемъ. Она въ темницѣ! въ невыразимыхъ страданіяхъ! Во власти черныхъ демоновъ и судящаго, безчувственнаго человѣчества! А меня ты между тѣмъ убаюкиваешь пошлыми забавами, скрываешь отъ меня ея ужасныя мученія и оставляешь ее безъ помощи!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Она не первая.

ФАУСТЬ.

Песь! гнусное чудовище! о преврати его, духъ безконечный, преврати этого червя въ прежній образъ собаки, какъ онъ бывало бѣгалъ предо мной по ночамъ, кидался въ ноги беспечного странника, или хватался за плеча падающаго! Преврати его опять въ этотъ любимой образъ, чтобы онъ въ пыли валялся предо мною, чтобы я могъ топтать ногами отверженаго! — Не первая? — О горе, горе, невыносимое для души человѣческой! Ужели это одно созданіе, упавъ въ такую бездну несчастий, изгибаясь подъ истязаніями смертныхъ мукъ, не выстрадала остальнымъ прощеніемъ предъ глазами вѣчно-прощающаго? Однѣ ея мученія подрываютъ жизнь мою; а ты равнодушно гнусишь надъ судьбами цѣлыхъ поколѣній!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вотъ мы опять на границѣ нашего остроумія, тамъ, где у человѣка умъ за разумъ заходитъ. Зачѣмъ-же было брататься съ нами, когда тебѣ это братство не подъ силу? — хочетъ летать, а боится круженія головы! — Развѣ мы навязались къ тебѣ, а не ты къ намъ?

ФАУСТЬ.

Скаль на меня свои кровожадные зубы! мнѣ тошно! Могучій, возвышенный духъ! ты удостоилъ меня своего присутствія, ты знаешь и сердце, и душу мою! Зачѣмъ было приковать ко мнѣ этого подлаго изверга, которому мученіе — отрада, а гибель — наслажденіе?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что, ты кончилъ?

ФАУСТЬ.

Спаси ее, или горе тебѣ! страшныя проклятия ти-
сячелѣтій на главу твою!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не мнѣ разрывать узы истителя, не мнѣ снимать его
затворы! — Спаси ее? — Кто же довелъ ее до поги-
бели? Я, или ты?

Фаустъ дико оглядывается.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты за громы хватаешься? добро еще, что не вамъ,
жалкимъ смертнымъ, онъ на руки отданъ! Вы-бы раз-
дробили того, кто вамъ осмѣлится возражать. Это
общая привычка тирановъ въ случаѣ замѣшательства!

ФАУСТЬ.

Веди меня къ ней! я хочу ее освободить!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А опасность, которой ты подвергаешься? Помни,
помни, что въ этомъ городѣ ты совершилъ кровавый
грѣхъ! — Мстительные духи стерегутъ могилу убитаго
и поджидаютъ убийцу.

ФАУСТЬ.

Еще и это? Смерть цѣлаго міра на тебя, чудовище!
Веди меня къ ней и освободи ее!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Изволь, я веду тебя; вотъ все, что я могу сдѣлать! Не всѣ-же небесныя и земныя силы въ моихъ рукахъ! Пожалуй, я отуманю голову тюремщика, ты захвати ключи и выведи ее рукой человѣка. Я буду на стражѣ. Волшебные кони готовы; вотъ все, что я могу сдѣлать!

ФАУСТЬ.

Идемъ!

НОЧЬ.

Открытое поле.

ФАУСТЬ, МЕФИСТОФЕЛЬ, несутся на вороныхъ коняхъ.

ФАУСТЬ.

Повѣдай, что тамъ вокругъ плахи творять?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Откуда мнѣ знать, что готовятъ.

ФАУСТЬ.

Рѣютъ, спускаются, вновь поднимаются.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Колдуютъ!

ФАУСТЬ.

Сѣютъ, бросаютъ, въ тиши посвящаютъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Впередъ! впередъ!

ТЕМНИЦА.

ФАУСТЬ, съ фонаремъ и ключами передъ дверьми.

Невольный ужасъ надо мною!
Я на душѣ несу всѣ бѣдствія людей.
Вотъ здѣсь она, за хладною стѣною,
Безгрѣшная, грѣшна любовію своей.
Миѣль подойти къ одру ея страданья,
Къ одру нѣмыхъ ея скорбей?
Миѣль слышать вздохъ предсмертнаго терзанья?
Впередъ! твой страхъ—погибель ей!

Подходить къ дверямъ; внутри раздается пѣсня:

Какъ негодница мать
Убила меня;
Какъ отецъ, старый плутъ,
Съѣлъ родное дитя;
Какъ малютка сестра
Кости въ яму снесла;
А какъ стала потомъ
Легкой пташечкой я;
Взвѣйся, пташка моя!

ФАУСТЬ, отпирая.

Увы! въ тюрьмѣ она не знаетъ,
Кто въ этотъ часъ такъ близокъ къ ней,
Кто грустной жалобѣ внимаетъ
И слышитъ звукъ ея цѣпей.

Входитъ въ темницу.

МАРГАРИТА, прячется на постели.

Они идутъ, мои убійцы!
Идутъ! о смерть, какъ ты горька!

ФАУСТЬ, тихо.

Твой другъ съ тобой! его рука
Раскроетъ дверь твоей темницы.

МАРГАРИТА, падаетъ передъ нимъ.

Не мучь меня! чтобъ ни былъ ты!

ФАУСТЬ.

Молчи! твой крикъ разбудитъ стражу.
Снимаетъ цѣпи.

МАРГАРИТА.

Кто далъ вамъ власть сорвать мои оковы?
Кто далъ вамъ право надо мнoid?
Сегодня жить, палачъ суровый,
А завтра — смерть, убійца мой!

Встаетъ.

Я молода, щади же младость!
Я хороша, во цветѣ лѣтъ!..
Но красота мнѣ не на радость!
Былъ другъ, — его давно ужъ нѣтъ!
Мои цветы грозой побиты,
Разорванъ пышный мой вѣнокъ,
Вокругъ головы моей обвитый,
Онъ на главѣ моей поблекъ.
Не тронь холодными руками!
Оставь меня, ты мнѣ чужой!
Смотри, въ пыли передъ тобой
Лежу я съ робкими мольбами!

ФАУСТЬ.

Мнѣ этихъ мукъ не пережить!

МАРГАРИТА.

Палачъ, ты слышишь крикъ дитяти!
Дай только мнѣ малютку накормить!
Всю ночь изъ пламенныхъ объятій
Ее отнять я не могла,
Надъ ней всю ночь я не спала,
Ее съ слезами цѣловала,
Надъ ней смѣялась и рыдала.
Они убить ее хотятъ!
Готова дѣтская могила....
Малютки нѣтъ.... а говорятъ,
Что я сама ее убила!
На мать грѣшно имъ клеветать;
Боюсь я пѣсни ихъ лукавой.

Вольно имъ сказку толковать;
Мнѣ чуждъ и страшенъ грѣхъ кровавый!

ФАУСТЬ, на колѣняхъ.

Твой другъ у ногъ твоихъ лежитъ,
Твой другъ оковы разгромить!

МАРГАРИТА, возлѣ него на колѣняхъ.

Палачъ, на колѣни!
Дрожи и молись!
Могильный тѣни
У крайней ступени
Клубомъ свились!
Ты слышишь ли хохотъ?
Ты чуешь ли смрадъ?
Сквозь трескъ и грохотъ
Бѣснуется адъ!

ФАУСТЬ, громко.

Гретхенъ! Гретхенъ!

МАРГАРИТА, прислушиваясь.

Голосъ друга? звуки рая!
Вскакиваетъ, цѣпи падаютъ.
Цѣпь упала, я иду,
Я на грудь его рыдаю
Съ нѣгой страшной упаду!

Онъ звалъ меня: Гретхенъ! сквозь облако смрада,
Сквозь скрежетъ могильный, по хохоту ада,
Сквозь смертные стоны и вопли тоски,
Я слышала нѣжные звуки любви!

ФАУСТЬ.

Я здѣсь!

МАРГАРИТА.

Ты здѣсь? о повтори
Слова любви! въ замѣну муки
Ты тихо ихъ проговори!
Онъ здѣсь! и гдѣ печаль разлуки?
Гдѣ страхъ темницы? боль цѣпей?
Я спасена — и нѣтъ печали!
Раскрыта дверь тюрьмы моей
И цѣпи тяжкія упали!
Вотъ здѣсь мы встрѣтились съ тобой.
Ты помнишь? здѣсь, на этомъ мѣстѣ!
А вотъ и садъ, гдѣ въ часъ ночной,
Мы съ Мартой тихо за стѣной
Тебя бывало ждали вмѣстѣ.

ФАУСТЬ, увлекая ее.

Уйдемъ скорѣй!

МАРГАРИТА.

Побудь со мной!
Ахъ, я такъ рада быть съ тобой!

ФАУСТЬ.

Молю тебя, уйдемъ скорѣе!

МАРГАРИТА.

Цѣлуй, цѣлуй меня живѣ!
Но ты усталъ меня ласкать,

Ты разучился цѣловать;
Твоя любовь прошла съ разлукой —
И страшно мнѣ, и съ тяжкой мукой
Я на груди твоей лежу,
Хочу обнять — и не могу!
Я помню жаркія лобзанья,
Палящій взоръ, огонь рѣчей!
Тогда безъ чувства, безъ дыханья
Я млѣла на груди твоей!
Цѣлуй, ласкай меня, какъ я тебя ласкаю!

Обнимаетъ его.

Но ахъ! юста твои молчатъ!
На нихъ лежитъ могильный хладъ,
Я ужасъ гроба съ нихъ вдыхаю!

Отворачивается.

И ты бѣдняжку разлюбилъ!
И ты, и ты ей измѣнилъ!

ФАУСТЬ.

Молю тебя, иди за мною!
О вѣрь, мой другъ, любви моей,
Во мнѣ горить огонь страстей,
Я обовью тебя любовью живою!

МАРГАРИТА, смотритъ на него.

Но ты-ли здѣсь? да, это ты!

ФАУСТЬ.

Я здѣсь! я твой! иди за мною!

МАРГАРИТА.

Ты цѣль сорвалъ съ ноги моей,
Меня къ груди ты прижимаешь.....
Остановись! нѣтъ, ты не знаешь,
Кто я?

ФАУСТЬ.

Ужъ ночь! бѣги скорѣй!

МАРГАРИТА.

Родную мать убила я,
Дитя родное утопила;
Дитя, малютка, дочь твоя!
Ее намъ небо подарило!
Ты здѣсь, со мной! не бредъ любви
Твой образъ милый! все яснѣе!
Дай руку мнѣ.... она въ крови!
О оботри ее скорѣе!
Родную кровь узнала я!.....
Не обнажай кинжала снова!

ФАУСТЬ.

Молю, не возмущай былаго!
Въ быломъ таится смерть моя!

МАРГАРИТА.

Нѣтъ, ты живи, ты муженъ мнѣ!
Работы много, другъ мой милый!
На утро, въ грустной тишинѣ,

Для нась ты вырой три могилы.
На первомъ мѣстѣ мать моя;
За нею братъ; а послѣ я,
Сторонкой къ нимъ, но не далеко!
На грудь дитя мое клади;
Я буду спать съ нимъ одиноко —
И не съ тобой! не на твоей груди!
А прежде часто я бывало
Объ этомъ думала.... но нѣтъ!
Теперь съ тобой мнѣ страшно стало.....
Поблекъ любви роскошный цвѣтъ!
А ты такъ ласковъ, какъ и прежде,
Съ такой же доброю душой.

ФАУСТЬ.

Не измѣни жъ моей надеждѣ!
О ввѣрься мнѣ! иди за мной!

МАРГАРИТА.

Куда?

ФАУСТЬ.

На волю изъ темницы!

МАРГАРИТА.

А гробъ готовъ-ли тамъ для нась?
А ждетъ-ли смерти страшный часъ
На тихомъ днѣ моей гробницы?
Я не могу, нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ!

ФАУСТЬ.

Смотри, ты можешь; все открыто!

МАРГАРИТА.

Давно заявль надежды цвѣтъ.
Я не могу! Чу!... тихо, скрыто
Тамъ ждутъ меня.... какъ убѣжать?
Вѣкъ цѣлый по міру скитаться,
Съ слезами черствый хлѣбъ сбирать
И въ мукахъ совѣсти терзаться?

ФАУСТЬ.

Вѣрь, не покину я тебя!

МАРГАРИТА.

Спаси скорѣе
Свое дитя!
Туда, лѣвѣе,
Не вдалекѣ,
Черезъ заборъ,
Вдолъ по рѣкѣ,
Гдѣ темный боръ....
Тамъ — смерть и страхъ!
Дитя въ волнахъ!
Оно зоветъ,
Дрожитъ, живетъ,
Спаси скорѣе!

ФАУСТЬ.

Опомнись! шагъ — и ты на волѣ!

МАРГАРИТА.

Но гдѣ пройти? нога дрожитъ.....
На жесткомъ камнѣ, въ дикомъ полѣ
Старушка мертвая сидитъ....
Душа отъ страха замираетъ!
Старушка мертвая сидитъ
И головою мнѣ киваетъ
Она меня не позвала,
Глава отъ сна отяжелѣла!
Дочь цѣловалась — мать спала —
А время все себѣ летѣло!

ФАУСТЬ.

Она не тронется мольбой!
Я увлеку ее съ собой!

МАРГАРИТА.

Не тронь холодными руками!
Страшна въ крови рука твоя.
Тебя всегда любила я!

ФАУСТЬ.

Пора! смотри, заря надъ нами!

МАРГАРИТА.

Заря? Но не заря любви!
Она для насъ ужъ закатилась!
А это смерть въ лучахъ зари
На пиръ кровавый снарядилась.

Да, это смерть! не говори,
Что въ эту ночь ты былъ со мною.
Но гдѣ, скажи мнѣ, мой вѣнокъ?
Завялъ, поблекъ!
Мы снова встрѣтимся съ тобою,
Но не за пляской круговою.
Что тамъ за шумъ? народъ бѣжитъ,
Толпа тѣснится, суетится,
А съ башни колоколь гудить.
Они ко мнѣ, схватили въ страхѣ,
Шумятъ, влекутъ, толпа за мной!
Вотъ отошли — а я на плахѣ.....
Топоръ сверкнулъ надъ головой!
И міръ, какъ гробъ, передо мной.

ФАУСТЬ.

Увы! зачѣмъ родился я!

МЕФИСТОФЕЛЬ, передъ дверьми.

Скорѣй, впередъ! не кстати слезы,
Любви безумной болтовня,
Дрожь иѣги, вздохи, пени, грезы.
Скорѣй! лихіе кони ржутъ
И васъ стрѣлою понесутъ!

МАРГАРИТА.

Кто тамъ изъ пропасти выходитъ?
Вотъ онъ ко мнѣ..... идетъ, идетъ!
Онъ ужасъ на душу наводить!
Прочь отъ него!

ФАУСТЬ.

Онъ насть спасеть.

МАРГАРИТА.

О Боже! я твое творенье!
Да будетъ судъ твой надо мной!

МЕФИСТОФЕЛЬ Фаусту.

Пойдемъ! не во время моленье!
Не то, пропали мы съ тобою!

МАРГАРИТА.

О Боже! я твоя рабыня!
Прими молитву слезъ моихъ!
Да окружитъ меня святыни
Блаженныхъ Ангеловъ твоихъ!
О Генрихъ, страшно мнѣ съ тобою!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Она на вѣкъ осуждена!

ГОЛОСЪ СЪ НЕВА.

Она молитвой спасена.

МЕФИСТОФЕЛЬ, увлекая Фауста.

Ко мнѣ! за мною!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТЕМНИЦЫ.

Генрихъ! Генрихъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПОСВЯЩЕНІЕ И ПРОЛОГЪ.

Въ посвященіи поэтъ обозначаетъ свое личное отношение къ трагедіи. Подъ старость онъ досказываетъ намъ созданіе юности. Чуждый новому поколѣнію, онъ воспоминаетъ прежніе годы и прежнихъ друзей; при нихъ развивалась дума поэта. Ихъ нѣтъ! однихъ разнесла буря жизни по широкому лицу земли, другихъ не стало! бѣдный поэтъ довѣряетъ свое созданіе, свои слезы и радости новому поколѣнію; его страшатъ рукоплесканія чужой толпы; но тайная сила вдохновенія увлекаетъ его къ прошедшему и въ пестромъ морѣ воспоминаній исчезаетъ печальная сущевственность.

Прологъ показываетъ отношеніе поэта къ вѣнчальному миру. Характеръ трехъ дѣйствующихъ лицъ развитъ съ необыкновеннымъ искусствомъ; это вѣрный списокъ съ природы. Расчетливая спекуляція директора приводитъ въ негодованіе независимую, гордую душу поэта; а юморъ, въ видѣ комика, становится посредникомъ между поэтическимъ и существеннымъ бытомъ человѣка. Си. Falk, стр. 320.

Первая сцена въ кабинетѣ.

Мы видимъ глубокомысленного ученаго, который, прошедь всю область человѣческаго знанія, удостоился въ ограниченности жалкихъ изслѣдований ума. Ненасытная жажда истины, соединяясь съ творческимъ воображеніемъ поэтической души, указываетъ ему новый путь въ невидимомъ мірѣ духовъ. Чувствуя таинственную связь существъ, сопряженныхъ неразрывною цѣпью на различныхъ ступеняхъ бытія, онъ восклицаетъ: Тебѣ доступенъ міръ духовъ!

Книга Ноstrадама укажетъ ему дорогу въ высшія сферы. Онъ видѣтъ изображеніе духа природы; но его обширная, творческая дѣятельность навсегда останется недоступною человѣческому уму; онъ заклинаетъ духа земли, но подавленный, пораженный словами мощнаго видѣнія, онъ падаетъ съ горькимъ чувствомъ собственной немощи. Приходъ Вагнера спасаетъ его отъ отчаянія. Вагнеръ — живая карикатура мертваго, книжнаго знанія; прямое противорѣчіе Фаусту, бездушный образецъ жалкой, самодовольной учености. Гинрихсъ, стр. 73, видѣтъ въ немъ представителя эмпирическихъ наукъ, а въ Фаустѣ представителя философіи. Разговоръ съ Вагнеромъ убѣждаетъ Фауста еще болѣе въ ничтожности земныхъ покушений. Жизнь дразнитъ его уродливыми личинами тысячи заботъ. Ему наскучило быть игрушкою неразрѣшившихъ сомнѣній; смерть раскроетъ ему неразгаданный узелъ жизни; онъ рѣшился — и твердою рукою подносить ядовитое зелие къ устамъ. Звонъ колоколовъ съ ближняго храма его останавливается. Дѣтскія воспоминанія оживляются. Остатокъ религіознаго чувства удерживаетъ его отъ погибели. См. Вебера стр. 71, Лейтбехера, стр. 261, Дюнцера, стр. 29.

Р. 28 I. 10. Михаиль Нострадамусъ, р. 1503 у. 1566, придворный медикъ Карла IX и знаменитый прорицатель Франціи. Книга его издана въ 1555 г. подъ заглавiemъ: *Les prophecies de M. Michel Nostradamus. Dont il y en a troi cens, quin in'ont encores jamais esté imprimées, trouvés en une bibliothèque delaissez par l'autheur. A Troyes par Pierre Chevillot, l'imprimeur du roi.* См. Morhof. Polyhistor 1, 10.

Р. 28 I. 21. Макрокосмусъ, духъ природы, духъ вселенной;

Р. 30 I. 1. Мікрокосмусъ, духъ земли; отраженіе духа вселенной въ тѣсныхъ предѣлахъ нашей планеты. Гёте заимствовалъ эти два лица изъ тѣозофіи и космогоніи среднихъ вѣковъ. Книги Парацельса, Агриппы, Гельмонта и другихъ, представляютъ намъ странную смѣсь древнихъ, орфическихъ преданій, идей Платона и гностиковъ и нелѣпыхъ, каббалистическихъ выдумокъ.

Сцена за городскими воротами.

Изъ тѣснаго кабинета, отъ мертвай утвари учено-го, этого символа безжизненнаго возрѣнія на науку, Фаустъ переходитъ въ открытое поле, на свѣтлый пиръ весенней природы. Въ противоположность беспокойному, внутреннему боренію души, мы переходимъ къ шумному, деревенскому празднику. Въ живой картинѣ кипящаго народа мы встрѣчаемъ тоже безотчетное стремленіе, тоже движение впередъ. Вся эта сцена обрисована свѣжими красками жизни. Фаустъ, недовольный незаслуженными похвалами народа, удаляется отъ толпы. Воспоминаніе чумы снова убиваетъ его сознаніемъ человѣческой немощи. Въ немъ опять просыпается стремленіе къ иному миру; онъ опять призываетъ духовъ и таинственный пудель магическими кругами приближается къ нему.

Р. 57 I. 25. Алхимические составы среднихъ вѣковъ.

P. 62 l. 12. Предание упоминает тоже о собакѣ Фауста, называя ее Prestigiar.

P. 62 l. 12 Это место объясняется мыслями Гёте о монахахъ. Пудель, следуя действию какой-то невидимой силы, (действию верховной монады) болѣе и болѣе приближается къ Фаусту. Такимъ образомъ высшая монада привлекаетъ другія слабѣйшія, подчиняя ихъ сферѣ собственной дѣятельности. Falk, стр. 226.

Вторая сцена въ кабинетѣ.

Фаустъ возвращается въ сопровождении пуделя. Созерцаніе природы успокоило бурную волненія души. Въ торжественномъ расположениіи духа исчезаетъ мелкая страсть. Пудель ворчитъ. Ему не нравится одинокая бесѣда успокоенного философа; Faustъ замѣчаетъ наконецъ необыкновенные движения пуделя. Подозрѣвая значеніе страннаго гостя, онъ заклинаетъ его магическими формулами. Пудель распадается въ туманъ — и въ видѣ странствующаго студента является Мефистофель. Самый колоссальный характеръ этой трагедіи есть Мефистофель. Проникнутый живою, творческою мыслю поэта, онъ представляется въ ясномъ образѣ дѣйствительной, непосредственной жизни. Всякое сомнѣніе въ невѣроятности и невозможности подобнаго явленія изчезаетъ передъ убѣдительною силой изображенія. Въ мефистофель нѣтъ ничего неестественнаго. Мы-бы не удивились, встрѣчая подобный характеръ въ пестрыхъ явленіяхъ жизни. А между тѣмъ въ немъ проявляются темные стихіи демона съ такою силою очевидной истины, что мы молча принимаемъ олицетвореннаго сатану, какъ необходимое, естественное явленіе. Въ философическомъ смыслѣ гѣтева созданія, Мефистофель представляетъ начало зла, какъ нравственную необходимость. Въ немъ сосредоточиваются всѣ видимы

отрицанія въ природѣ и въ индивидуальномъ характерѣ каждого человѣка. Онъ является только тогда, когда Фаустъ потерялъ уже путеводную нить своего назначенія. Мефистофель представляетъся въ видѣ обыкновеннаго человѣка. Въ немъ по видимому повторяются тѣ же страсти, слабости и добродѣти; но и самая привязанность, самое состраданіе, которое иногда въ немъ проявляется отравлено ядовитымъ дыханіемъ отрицанія. Кому удалось сдружиться съ мыслю о необходимости зла, тому является оно въ мудромъ домоводствѣ Божиѣмъ, какъ условная сила, содѣйствующая по предначертаніямъ вѣчнаго закона къ движенью благой, непостижимой цѣли. См. Weber, стр. 35. Falk, стр. 229. Deyks, стр. 21. Enk, стр. 34.

P. 67 l. 10. Ключъ Соломона, магическая книжка, составленная еврейскими каббалистами. См. Adelungs Geschichte der menschlichen Thorheit. Часть 4, стр. 332.

P. 68 l. 19. Это заклинаніе основано на трактатѣ глубокомысленного, но суевѣрного Парадельса: de Nymphis Sylphis, Pigmaeis, et Salamandris et de ceteris spiritibus. Заклинанія пуделя, Фаустъ обращается къ четыремъ главнымъ духамъ, которые могли въ немъ скрываться, къ духу огня (Саламандра), къ духу воды (Уидина), къ духу воздуха (Сильфа) и къ духу земли, къ домовому (Incubus). См. Leutbecher, стр. 269 и Weber, стр. 85

P. 74 l. 2. По учению магіи Пентаграмма или Пентильфа представляетъ изображеніе земли и ада. Она бываетъ двоякаго рода. Одинъ употребляется для заколдованія, между тѣмъ какъ другой снимаетъ чары. См. Grotefend, въ Allgemeine Encyclopädie von Ersch und Gruber. Часть III, стр. 81.

Сцена условія.

Фаустъ, отверженный могущественнымъ явленіемъ духа земли, измученный безпрерывнымъ повтореніемъ напраснаго стремлениі, съ презрѣніемъ принимаетъ предложеніе Мефистофеля. Онъ знаетъ, что чортъ не можетъ удовлетворить его духовнаго стремлениі, знаетъ, что этимъ путемъ онъ не дойдетъ до высокой цѣли человѣческаго назначенія; но утомленный тщетными усилиями ума, онъ хочетъ утолить мучительную, духовную жажду наслажденіями чувственности. Договоръ совершается и Мефистофель торжествуетъ; но чортъ на этотъ разъ ошибается въ своихъ расчетахъ. Ослѣдженіе человѣка, который всѣми силами высокаго ума искалъ разрѣшенія тайнъ природы, не можетъ быть продолжительно. Чувственная наслажденія не наполнять дѣятельной, умственной жизни.

Р. 98 I. 17. Эти слова примѣняются къ пребыванію Гёте въ Лейпцигѣ, но въ нихъ заключается и общая иронія на безжизненные словопрепія ученыхъ, на бездушное разложеніе частей безъ уразумѣнія духовнаго смысла цѣлага.

Р. 100 I. 9. Мы, можетъ-быть, и здѣсь найдемъ примѣненія къ метафизикѣ кантовой школы, предполагая эти слова слѣдствіемъ опасеній, возбужденныхъ въ Гёте полемикой Гердера и Гаманна противъ Канта. См. Leutbecher, стр. 272.

Погребъ Ауербаха.

Эта сцена, какъ и слѣдующая, находится въ неразрывной связи съ предыдущими. Мефистофель, увлекаяFaуста изъ тѣснаго кабинета на шумное по-прище чувственной жизни, дѣйствуетъ по собственному, предварительному соображенію, выраженному словами:

Я увлеку его дорогой жизни шумной,
Путемъ ничтожности пустой.

Аллегорическое значение этой сцены указываетъ можетъ быть на вторую шлезвигскую школу, которая наводнила Германію грязными произведеніями необузданного воображенія. Основаніемъ сцены послужило самое преданіе.

Кухня вѣдьмы.

Въ этой сценѣ Мефистофель разгорячаетъ воображеніе Фауста, возбуждая чувственность его волшебными напитками. Чортъ вѣренъ и непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ. Онъ дѣйствуетъ на страсти, на чувственную сторону Фауста. Искуситель представляетъ ему роскошное изображеніе женщины, рисуетъ ему наслажденія нѣги и все болѣе и болѣе завлекаетъ его въ свои соблазнительныя сѣти. Разматривая эту сцену, какъ карикатуру нелѣпостей литературнаго міра, мы находимъ въ ней юдкую сатиру, направленную преимущественно противъ журналистовъ того времени. Переписка Шиллера и Гёте объясняетъ намъ въ этомъ случаѣ многія темные мѣста и выраженія. Рейхардъ, Поссельтъ, Геннингъ, Бюшъ, Генцъ и другіе играютъ забавныя роли въ этомъ соборѣ безумія и нелѣпостей. Котъ-журналистъ, жадный платы и денегъ, можетъ и въ наше время служить образцомъ литературныхъ торгашей. Нелѣпая декламація вѣдьмы тоже похоже на напыщенная выраженія многихъ философовъ, которые пользовались по-своему обѣдками Канта, Фихте и другихъ великихъ мыслителей того времени. См. Weber, стр. 94. Leutbecher, стр. 274.

Фаустъ и Маргарита.

Встрѣча Фауста съ Маргаритой приготовлена предъидущею сценою. Эта дивная исторія любви пред-

ставлена поэтомъ съ ужасающей истиной. Характеръ Маргариты—высокий образецъ дѣственной чистоты. Гёте украсилъ его всѣми прелестями простоты и невинности. Маргарита одна изъ тѣхъ поэтическихъ созданій, которыя, нисколько не выходя изъ предѣловъ нашей природы, привлекаютъ насъ всѣмъ очарованіемъ идеального міра. Я не знаю, кромѣ Шекспира другаго поэта, который быль-бы такъ искушенъ въ изображеніи женскихъ характеровъ, какъ Гёте. Чувственность сводитъ Фауста съ Маргаритой. Любовь и довѣріе губятъ бѣдную дѣвушку. Но въ ясномъ зеркаль этой чистой, дѣственной души отражается мрачное изображеніе преступнаго любовника; онъ боится этого милаго существа, которое дѣтскою простотою торжествуетъ надъ нимъ. Но демонъ, къ которому онъ прикованъ, поджигаетъ страсти, торопить къ наслажденію, ближе и ближе стягиваетъ лукавыя сѣти и топитъ въ необдуманномъ преступленіи. Все развитіе этой любви, паденіе Маргариты, смерть брата, убитаго Фаустомъ, страшная сцена въ соборѣ, гдѣ внутреннему карающему голосу души отвѣчаетъ строго-церковное пѣніе, все это возбуждаетъ невольное участіе глубокою, поражающею истиной.

Валпургская ночь.

Мефистофель увлекаетъ Фауста отъ погибающей Маргариты. Стараясь заглушить въ немъ внутренній голосъ души, онъ приводитъ его на шумный праздникъ волшебнаго міра. Въ этомъ грязномъ, не-стройномъ хаосѣ онъ хочетъ разорвать послѣднія пружины, связывающія Фауста съ человѣчествомъ. Эта сцена сама по себѣ представляетъ разрѣшеніе одной изъ самыхъ трудныхъ поэтическихъ задачъ, ежели только поэзія допускаетъ задачи. Передъ

нами совершаются дивное олицетворение небывалого, фантастического мира. Брокенъ, въ ирачномъ костюмѣ своемъ, какъ исполинъ волшебного преданія, открываетъ наизъ пеструю картину дикаго праздника. Блудящіе огни, духи металла, совы, вѣдьмы, въ шумной пляскѣ, съ громкимъ хохотомъ мелькаютъ передъ глазами. Все дышеть все кипитъ какою-то волшебною жизнью. Съ другой стороны представляется наизъ юдкая сатира литературнаго мира, политическихъ и философическихъ мнѣній того времени. Многія изъ этихъ колкихъ выходокъ обнаружены, другія можетъ-быть навсегда останутся загадками.

P. 227 l. 21. Баубо достойная представительница вѣдьмы, элевинская дочь земли, олицетвореніе самого дерзаго безстыдства. См. Weber, стр. 101.

P. 234 l. 1. Подъ именемъ генерала, Гёте хотѣлъ изобразить судьбу Дюмурье и другихъ, подобныхъ ему мужей которые, переживъ свою эпоху, испытали черную неблагодарность народа, забывшаго всѣ ихъ заслуги.

P. 234 l. 6. Министръ представляетъ легитимистовъ до 1789 года.

P. 234 l. 11. Подъ этимъ именемъ Гёте изобразилъ революціонеровъ, которые, изгнавъ аристократію изъ ея наследныхъ дворцовъ, сами поселялись въ нихъ, безъ труда привыкая къ нѣгѣ и роскоши въ этомъ быстромъ переходѣ отъ нищеты къ богатству.

P. 236 l. 7. Лилитъ миѳическое лицо старого еврейскаго преданія. Самое название тождественно съ названиемъ Илитіи (*Ειλїθїα, Ελεύθїα, Eleutho*). Понятіе евреевъ не противорѣчитъ первоначальному значенію этого древняго греческаго божества. Сюда оно въ свою очередь вѣроятно перешло изъ вавилонскихъ и арабскихъ преданій. Крайцеръ выводитъ это заключеніе изъ сходства словъ: *Lilith, Alilat, Mylitta*. Эти

выраженія соотвѣтствуютъ понятіямъ Ночи и Родовъ, (*Selden de Diis syris*). Какъ богиня родовъ Илитія имѣеть почти тоже значеніе, какъ и Латона (*λαθω*, *ληθω*). Она древніе Крона (*Pausanias VIII, 21*). Самый хаосъ не превосходитъ ея въ этомъ отношеніи, или лучше сказать сливается съ нею въ одно понятіе. Какъ богиню родовъ мы встрѣчаемъ ее ужъ въ Иліадѣ (*XIX, 103*). Предавіе говоритъ, что она пришла изъ странъ гиперборейскихъ въ Делосъ, чтобы помогать Латонѣ въ ея занятіяхъ. У буддистовъ Мая имѣеть тоже значеніе.

P. 237 l. 18. Буквальное значение слова указываетъ на книго- продавца и ученаго Фридриха Николая, помѣстившаго въ Бистровой *Neuer Berliner Monathsschrift* въ 1799 году статью подъ заглавіемъ: *Beispiel einer Erscheinung mehrerer Phantasien nebst einigen erlauternden Anmerkungen*, въ которой доказывалъ, что различныя фантастическія видѣнія, возмущавшія его въ 1791 г., были ни что иное, какъ слѣдствіе — геморроидальной болѣзни. Этотъ человѣкъ возбуждалъ противъ себя общее негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей своими опрометчивыми и дерзкими сужденіями о многихъ современныхъ ему знаменитостяхъ.

Сонъ въ валпургскую ночь.

Эта интермедія заимствована изъ шекспирова Сна въ лѣтнюю ночь; въ ней изображено нѣсколько литературныхъ и философическихъ портретовъ; поэтъ по-видимому утаилъ многіе куплеты; по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы видимъ явные промежутки. Можетъ-быть время и Эккерманъ откроютъ намъ когда-нибудь таинственный, валпургскій мѣшокъ, о которомъ упоминалъ Гёте въ разговорахъ съ Фалькомъ. См *Falk*, стр. 92.

- P. 245 l. 6. Мидингъ былъ директоромъ веймарского театра; къ нему относится и стихотвореніе, напечатанное въ полномъ собраниі гётовыхъ сочиненій.
- P. 246 l. 3. Фантастическое лицо въ свитѣ Оберона. См. Сонъ въ лѣтнюю ночь Шекспира.
- P. 246 l. 8. Воздушный гений въ услугахъ мага Проспера. См. Бурю Шекспира.
- P. 274 l. 14. Еще выходка противъ книгопродавца Николая.
- P. 247 l. 23. Въ стихотвореніи die Götter Griechenland's, Шиллеръ жалуется на бездушное, холодное воззрѣніе современныхъ поэтовъ на природу и съ горькимъ упрекомъ воспоминаетъ живую, греческую миѳологію. Это стихотвореніе навлекло на бѣднаго Шиллера негодованіе многихъ богослововъ, которые, не разумѣя истинной мысли поэта, провозгласили его атеистомъ.
- P. 248 l. 1. Судя по одной изъ гётовыхъ ксений, этотъ куплетъ относится къ художнику Карстену.
- P. 248 l. 6. Неудачные опыты Кампе, очистить нѣмецкій языкъ отъ иностранныхъ словъ, произвели этотъ куплетъ.
- P. 249 l. 11. Геннигсъ былъ издателемъ двухъ журналовъ: Генія времени и Музагета; онъ нападалъ на Шиллера и Гёте за сочиненіе ксений.
- P. 250 l. 5. Еще выходка противъ Николая и Бистера, которые въ своихъ сочиненіяхъ безпрерывно толковали о тайныхъ дѣйствіяхъ уничтоженнаго ордена іезуитовъ.
- P. 251 l. 22. Лафатеръ. См. Eckermann's Gespräche mit Göthe II, стр. 70.
- P. 252 l. 5. Острота этого куплета состоитъ въ непереводимой игрѣ словъ, основанной наозвучіи выражений Teufel и Zweifel.

Послѣдняя сцена.

Путешествіе по Брокену не произвело желанного впечатлѣнія на Фауста. Узнавъ о несчастномъ по-

ложении Маргариты, онъ съ умасомъ спѣшить въ ея темницу, желая освободить несчастную жертву своей любви. Сцена въ темнице принадлежитъ къ самымъ чистымъ и трогательнымъ произведеніямъ драматической поэзіи! Характеръ безумной Маргариты обрисованъ яркими красками. Простота языка необыкновенная, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бѣдная страдальца, близкая смерти, возвышается до лирическаго одушевленія. Я не умѣль передать высокихъ красотъ оригинала; я въ иѣкоторыхъ мѣстахъ даже отступалъ отъ него, думая болѣе о смыслѣ, нежели о словахъ подлинника. Буквальный переводъ не всегда бываетъ и точнымъ переводомъ; по моему мнѣнію главное достоинство хорошаго перевода состоитъ въ томъ, что онъ по возможности производить тоже впечатлѣніе, какъ и подлинникъ.

Я перевелъ только первую часть Фауста, которая, касаясь всѣхъ вопросовъ жизни, въ поражающей картинѣ всѣхъ страстей и слабостей человѣка, имѣеть общую занимательность и сама по себѣ представляетъ стройное цѣлое. Вторая часть, богатая красотами символической поэзіи, не имѣеть того живаго, драматического движения. До 1831 года мы знали только первую часть съ весьма немногими отрывками изъ второй, которая принадлежитъ послѣднимъ годамъ гѣтевой жизни. Обѣ эти части, сохрания ту же идею и тоже направление, представляютъ между собою отношеніе юношескаго пыла и старческаго спокойствія одного и того же человѣка.

ИЗЛОЖЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ ФЛУСТА.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ФАУСТА.

(Библиотека для Чтения, Т. XXXVIII, Отд. I, стр. 173).

Полное понятіе всякаго художественнаго произведения болѣе или менѣе зависитъ отъ изученія самой жизни художника.

Передъ вами созданіе одного изъ великихъ жрецовъ искусства; вы наслаждаетесь всѣми его красотами; глубокія думы поэта, его пламенные страсти, завѣтный вымыселъ его воображенія, — все это ваше достояніе. Кажется, поэтъ думалъ, чувствовалъ, страдалъ и плакалъ за васъ; онъ заключилъ для васъ въ стройные размѣры своего созданія все что волновало, жгло и тревожило его въ минуты восторженного, поэтическаго уединенія и замѣнѣ онъ отдалъ въ этомъ созданіи лучшую долю жизни, лучшія вдохновенія души. Но не останавливайтесь съ безусловнымъ благоговѣніемъ на этомъ не совсѣмъ оправданномъ самоотверженіи поэта. Хотите-ли вы вполнѣ понять его произведеніе и разгадать всѣ тайныя пружины, которыя двигали его воображеніемъ въ творческую минуту? Переселитесь сами въ его положеніе, прослѣдите всѣ обстоятельства вну-

тренней жизни, всѣ страсти и страданія поэта въ то время, когда онъ, кажется, творилъ для васъ, — и вы увидите въ его созданіи глубокую исповѣдь его собственной жизни, его собственныхъ страстей; увидите, что онъ отдалъ вамъ въ этомъ произведеніи свое тайное горе, свои тайны слезы, чтобы и вы страдали и плакали вмѣстѣ съ нимъ. Въ его самоотверженіи заключается самое гордое, самое благородное самолюбіе. Участіе необходимо для человѣка; оно облегчаетъ его страданія; безкорыстныя слезы другихъ, возбужденные его слезами, тѣшатъ гордое самолюбіе и въ этомъ смыслѣ древніе справедливо называли печаль высшею радостію.

Каждое произведеніе поэта — невольная исповѣдь его души, тайное зеркало его жизни, совѣсть и обличитель передъ судомъ человѣчества. Это мнѣніе еще ближе и буквальнѣе примѣняется къ Гёте, который самъ говорить, что всѣ его произведенія, начиная съ трагедіи и романа до самого мелкаго стихотворенія, писаны на случай, принимая это слово въ высшемъ, обширномъ его значеніи.

Правда, Гёте скрывается отъ своихъ читателей; онъ прячется отъ нихъ за аллегоріями, и только намеками говорить о сокровенныхъ тайнахъ своей души, — но въ этомъ и заключается главная задача для всѣхъ его толкователей; они должны итти за нимъ и вырвать изъ самой жизни его эти неразгаданныя тайны. Они должны подсмотреть всѣ эти случаи, которые возбуждали его вдохновенія и въ нихъ они найдутъ самый вѣрный ключъ ко всѣмъ его намекамъ и аллегоріямъ. Но не

такъ поступила большая часть его комментаторовъ. Они брали его произведенія и примѣряли къ нимъ свои собственные понятія; они стягивали огромные размахи его колоссального генія въ тѣсную сферу своего близорукаго ума. Они старались своими ипотезами объяснять его намеки, хотѣли замѣнить дитя исполина жалкимъ подкидышемъ карлика. Въ его аллегоріи они впутывали свои системы и этимъ тѣшили свое мелочное самолюбіе, въ то время, когда онъ шутя игралъ съ ними въ прятки. Эта манера разбирать — всего очевиднѣе въ многочисленныхъ толкованіяхъ Фауста, между-тѣмъ какъ это сочиненіе болѣе всѣхъ другихъ требовало для яснаго понятія того, что въ немъ заключено, постояннаго и пристальнаго сличенія съ жизнью Гёте, потому что оно провожало его отъ первыхъ лѣтъ необузданной юности до послѣднихъ дней его маститой старости. Фаустъ выросъ и состарѣлся, вмѣстѣ съ нимъ и Гёте; еще въ послѣдній годъ своей жизни, самъ говорить въ письмахъ къ Целтеру, что онъ умеръ-бы съ сожалѣніемъ, еслибы не успѣлъ окончить Фауста.

Чтѣ было въ Германіи въ то время, когда Гёте издалъ первый отрывокъ своего любимаго произведенія? Это было въ исходѣ прошедшаго столѣтія. Кантъ только что озадачилъ всѣхъ умозрителей Германіи своей критикой ума, которая однимъ ударомъ разрушила всѣ прежнія системы. Лессингъ сдѣлалъ тоже самое для литературы, что сдѣлалъ Кантъ для философіи. Общее бореніе умовъ отразилось яркими красками въ развитіи новыхъ идей, и законодатели этихъ идей сдѣлались идолами смѣлыхъ, молодыхъ головъ, ко-

торыя съ нетерпѣніемъ порывались къ новой, блестательной цѣли. Этому времени въ литературѣ Германіи дано характеристическое имя „Sturm-und Drang-Periode“. Ядовитое остроуміе Вольтера, материальная философія энциклопедистовъ, увлекательное краснорѣчіе Руссо и новое, могущественное вліяніе Шекспира еще болѣе раздражали общее волненіе умовъ; Германія просыпалась отъ долгаго сна, и съ ненасытною жаждою предалась новой необузданной дѣятельности.

Но эта борьба въ тоже время погубила много дарований. Сколько силь истратилось и изнурилось въ дикомъ, неумѣренномъ стремленіи! Сколько пламенныхъ молодыхъ людей погибло въ этомъ общемъ броженіи умовъ! Сколько сильныхъ талантовъ вмѣстъ съ несчастнымъ Ленцомъ заплатили сумасшествіемъ за свое необузданное изступленіе!

Между участниками этой борьбы, между поборниками новыхъ идей и новыхъ попытокъ, находился одинъ, на которомъ глубоко отзывалось умственное движение этого периода и высказалось грозными звуками въ дивныхъ его созданіяхъ. Это былъ Гёте. Онъ сочувствовалъ всѣми силами пламенной души бурному перѣвороту, который прокладывалъ новымъ понятіямъ новую дорогу. Тогда Прометей и Faustъ возбуждали его вдохновеніе, и на грозныхъ характерахъ этихъ титановъ отпечаталось его собственное бореніе; но онъ вышелъ невредимо изъ той борьбы и возмужалый гений торжествовалъ свою победу безсмертными пѣснями.

Въ это бурное время общаго броженія явился пер-

вый отрывокъ Фауста. Народное преданіе о дерзкомъ магѣ Германіи коснулось дикими звуками пла-менной души молодаго поэта, и она приняла въ себя этотъ мрачный образъ и перелила въ него свои соб-ственныя страданія, свою борьбу и неудовлетворенную жажду знанія. Выборъ этого народнаго миа рѣзко высказываетъ непреоборимое влечение души, которая глядѣлась въ строптивомъ характерѣ Фауста, какъ въ неподкупномъ зеркалѣ. Поэтъ совершалъ надъ собою судъ лицомъ къ лицу съ преданіемъ, которое бросило ему на встрѣчу мрачныя черты строптиваго чернокнижника. Разумѣется, что этотъ отрывокъ не могъ заключать въ себѣ разрѣшенія той огромной за-дачи, которую въ немъ предложилъ себѣ поэтъ.

Гёте высказалъ тогда только свое собственное по-ложение, которое, въ самомъ разгарѣ внутренней борь-бы, ярко отразилось на первомъ монологѣ Фауста, на явленіи духа земли и на разговорѣ съ Вагнеромъ. Второй монологъ и явленіе Мефистофеля относятся уже къ другому, болѣе покойному времени.

Но за то Маргарита принадлежитъ почти безъ ис-ключенія самому первому началу Фауста. И созданіе этого характера тѣмъ естественнѣе сливается съ са-мою жизнью Гёте, что въ немъ заключается трога-тельная исповѣдь его первой, глубокой любви. Въ то время встрѣтилась съ нимъ молодая, прекрасная жен-щина, полна любви и мечтательности; она бросилась въ его объятія и предалась ему съ неограниченнымъ самоотверженіемъ чистой души, и Гёте принялъ эту жертву, и любовь къ Фридерикуѣ была, быть-можеть,

единственная страсть его безстрастной жизни. Но это ослѣпленіе прошло и онъ оставилъ Фридерику, какъ Фаустъ Маргариту, неудовлетворенный ея дѣтской любовью,— и Фридерика умерла отъ огненнаго поцѣлуя любви, какъ умерла Маргарита. Гёте вообще укоряютъ въ безстрастіи и этотъ упрекъ тяжело лежить на его благородномъ характерѣ. Но кто-же осмѣлитъся осудить исполина за то, что онъ пошелъ своимъ путемъ? Кто измѣритъ генія мѣркою обыкновенныхъ, ежедневныхъ характеровъ? Кто вмѣнить ему въ преступленіе, что онъ заключилъ себя въ святилище собственной мысли и ей одной служилъ неподкупнымъ жрецомъ до конца дней? Буря страсти не должна была омрачить его величаваго спокойствія; она не могла отклонить его отъ великой цѣли, указанной ему провидѣніемъ. Вторая часть Фауста носитъ на себѣ явный отпечатокъ этого величественнаго спокойствія.

Но въ то время, когда Гёте написалъ первый монологъ Фауста и создалъ эту дивную исторію любви Маргариты, бурныя страсти и тайная огненная борьба еще сильно волновали его пылкое сердце, и тогда онъ говорилъ про себя устами Фауста:

Бѣднякъ бездомный, я бѣжалъ
Съ утеса на утесъ потокомъ водопада,
И съ изступленіемъ искалъ
Бездонной пропасти хохочущаго ада.
Я погибалъ; — а въ сторонѣ,
Тревожной горести не зная,
Она въ завѣтной тишинѣ

Цвѣла какъ роза полевая.
Чиста, невинна, какъ дитя,
Съ страстями свѣта незнакома,
Въ заботахъ маленькаго дома
Она жила еще шутя....
А я, отверженный, въ борьбѣ съ моей судьбою,
Не только на себя печали накликалъ,
Не только дерзкою рукою
О скалы скалы разбивалъ:—
Я дѣву бѣдную встревожилъ,
Явясь какъ демонъ передъ ней,
Я миръ души огнемъ страстей
И взволновалъ, и уничтожилъ!
Мнѣ страшно, бѣсь! разсѣй мой страхъ!
Пусть грозный жребій совершится!
Пусть вмѣстѣ съ ней въ карающихъ громахъ
Гроза небесъ надъ нами разразится!

Главная идея первой части Фауста принадлежитъ первому періоду поэтическаго направленія Гёте. Онъ находился въ то время въ Страсбургѣ. Увлеченный общимъ броженіемъ, онъ кидался отъ науки къ наукѣ, искалъ разрѣшенія невозможныхъ задачъ, жаждалъ безусловнаго знанія, — и на каждомъ шагу встрѣчалъ непреоборимыя препятствія. Отъ книгъ, которыхъ его не удовлетворяли, онъ переходилъ къ шумному обществу своихъ товарищѣй, и въ буйномъ разгуль пирожъ топилъ свое горе. Но и тамъ, въ кругу своихъ друзей, за чашей вина, онъ не могъ веселиться такъ беззаботно, какъ. веселились они. Душа его

улетала оть шумной оргии, мысли бродили далеко. И эту внутреннюю борьбу его ясно высказывают и Вертеръ и Фаустъ. Онъ осмотрѣлся и познакомился съ науками, — но науки не удовлетворяли; онъ испыталъ уже многое и въ жизни — и она его отталкивала. Тогда соблазнилъ и привлекъ его суровый чародѣй преданія, который рѣшился жить, несмотря на горе жизни, рѣшился искать своей далекой цѣли, несмотря на всѣ неудачи. И Гёте создалъ идею Фауста въ ея первобытной простотѣ, идею того Фауста, который стремится, ищетъ и борется, который съ отчаяніемъ кидается въ объятія демона, заглушаетъ внутренній голосъ души иѣгой чувственныхъ наслажденій, и съ горькимъ упрекомъ говоритъ самъ себѣ:

Ахъ, двѣ души, двѣ вражескія тѣни,
Живутъ въ груди моей, горятъ въ моей крови!
Одна любовью земною,
Срослась съ землей цѣпями бытія,
Другая свѣтлою мечтою
Стремится къ прадѣдамъ въ небесные края!

Но въ то время Гёте еще не зналъ, какъ разрѣшить задачу, которую онъ самъ предположилъ себѣ въ первой части Фауста. Онъ изложилъ въ ней биографію своей души, онъ оживилъ своею жизнью, своимъ дыханіемъ характеръ Фауста и сдѣлалъ его своимъ изображеніемъ. Гёте былъ молодъ; страсти волновали его душу; онъ чувствовалъ, боролся и страдалъ, и все что его волновало онъ сложилъ въ свое созданіе. Вотъ почему преобладаетъ въ первой части Фауста

теплая поэзия чувства; вотъ почему она носить яркій отпечатокъ истины, сознанной въ горькомъ опыте жизни, и произвела такое огромное впечатлѣніе въ Германіи, которая узнала въ этой страшной картинѣ борьбы—свое собственное положеніе.

Чтобы вѣрнѣе опредѣлить отношеніе первой части ко второй и ихъ взаимную связь, я повторю въ немногихъ словахъ содержаніе первой.

Передъ нами Фаустъ въ минуту полнаго, горькаго, разочарованія. Онъ узналъ на дѣлѣ, что всѣ попытки человѣческаго ума стѣснены непреоборимыми препятствіями; онъ узналъ, ежели хотите, всю неудовлетворительность умозрительныхъ истинъ. Онъ, котораго судьба поставила въ живую сферу природы, промѣнялъ этотъ дивный даръ боговъ на туманныя воззрѣнія, на неоправданныя догадки, которыми болѣзненное воображеніе старалось пояснить темныя страницы природы. Душа его рвется изъ шумныхъ стѣнъ на волю, на просторъ. Она хочетъ обнять въ бесѣдѣ съ живой природою «живыя силы бытія, причины тайныя міровъ». Фаустъ любуется на дивное изображеніе этой необъятной природы, онъ видитъ въ немъ:

Какъ въ цѣломъ часть ко части льнетъ,
Одно въ другомъ творить, живеть,
Какъ силы горнія встаютъ,
Другъ другу ведра подаютъ,
Благословенными крылами
Нашъ бѣдный міръ животворятъ,
И въ дальнихъ пажитяхъ надъ нами
Въ живыхъ созвучіяхъ гремятъ.

Но въ тоже время онъ убѣждается, что эта не объятная, творческая природа закрыта отъ него непроницаемою завѣсою. Эти силы, приводящія въ движение цѣлый миріады міровъ не подойдутъ подъ тѣснія размѣры человѣческаго ума. Природа, въ своемъ необъятномъ, божественномъ значеніи никогда не откроется передъ нимъ.

Къ ея сосцамъ не припадать устами,
Откуда жизни ключь живой,
Питая цѣлый міръ, струится предо мной
Живыми, полными волнами!

И Faустъ съ негодованіемъ переходитъ къ тѣсной сферѣ земли. Здѣсь его колыбель, его будущая могила. Земля, родная, близкая земля не отвергнетъ его отчаянной мольбы, — и онъ заклинаетъ духа земли; но и земля, какъ ни мала она въ общей связи міровъ остается неразрѣшимою загадкою для человѣка, который, повѣряя тысячелѣтіями одинъ изъ таинственныхъ іероглифовъ земной природы, создаетъ для нея цѣлую систему, и пустыми догадками поясняетъ ея завѣтныя тайны. Бѣдный, самонадѣянный Faустъ сознаетъ наконецъ свое совершенное ничтожество. Жалкія попытки его ума,—потерянный трудъ. Въ это время къ нему является демонъ-искуситель. Онъ совершаєтъ его разочарованіе, дразнить его самолюбіе, смѣется надъ затѣями человѣческой мудрости. Онъ указываетъ Faусту на другую цѣль, на другую веселую сторону жизни, сулить ему очаровательный жребій и безпрерывныя наслажденія. Faустъ съ

презрѣніемъ принимаетъ его предложеніе. Условіе, на которое соглашается Мефистофель, невыполнимо. Faustъ глубоко убѣжденъ, что наслажденія чувственности и мнимыя упоенія жизни не заглушать внутренняго голоса души, не удовлетворять его самолюбія. Онъ не боится судьбы — и вотъ его условіе:

..... если я скажу мгновенью:
Тебъ я радъ! остановись!
Я отдаюсь уничтоженью,
И ты надъ жертвой веселись!
Пускай тогда твой плѣнь прервется,
Мой смертный часъ пробьетъ стена,
Пусть маятникъ съ-часовъ сорвется,
Пусть минетъ время для меня!

Мефистофель выводить бѣднаго ученаго изъ пыль-
наго кабинета въ новый, незнакомый міръ. Шумныя
пѣсни и разгульные пиры встрѣчаютъ Fausta. Демонъ
воспламеняетъ его страсти, возбуждаетъ чувственность.
И вотъ Маргарита, чистая, невинная Маргарита, съ
молитвенникомъ въ рукѣ, проходитъ мимо его. Рокова-
я, урочная встрѣча! Новая страсть заговорила въ
душѣ Fausta — и онъ требуетъ отъ Мефистофеля Мар-
гариту. Демонъ торжествуетъ. Онъ медленно подготов-
ляетъ наслажденія любви и тѣмъ ужаснѣе раздражаетъ
чувственность Fausta, тѣмъ вѣрнѣе готовить ему по-
гибель. Наконецъ простодушная, довѣрчивая и обма-
нутая Маргарита въ объятіяхъ своего любовника. Она
вся предалась ему въ первомъ поцѣлувѣ любви, и ни
одно сомнѣніе не закралось въ ея чистую душу. Но

скоро прошло минутное ослѣпленіе Фауста. Чувственность удовлетворена, страсть насыщена. Простодушная любовь бѣдной Маргиты не наполнила его души, жажды новыхъ впечатлѣній и умственной дѣятельности. Фаустъ бѣжитъ отъ обманутой дѣвушки, скрывается въ пустынѣ, мечтаетъ, груститъ. Мефистофель, которому не нравится мрачное уединеніе Фауста, напоминаетъ ему имя Маргариты и укоряетъ его въ равнодушіи. Фаустъ возвращается. Но преступная любовь его пошла въ огласку. Сосѣди пальцами указываютъ на Маргариту; подруги стыдятся бѣдной дѣвушки, и наконецъ, братъ узнаетъ изъ язвительныхъ намековъ товарищей о двусмысленномъ поведеніи сестры. Онъ не въ состояніи уничтожить молвы и съ дикимъ мщеніемъ подстерегаетъ любовника. Фаустъ въ глубокую ночь приходитъ на свиданіе съ Маргаритой, и рука его, направленная Мефистофелемъ, убиваетъ брата обманутой дѣвушки. Демонъ опять торжествуетъ и силою уводитъ Фауста съ печального мѣста его кроваваго преступленія. А Маргарита, лишенная доброго имени, оставленная тѣмъ, кому она такъ довѣрчиво отдала свою судьбу, съ ужасомъ просыпается отъ сладкаго сна любви, и въ первый разъ понимаетъ, что эта любовь грѣшна передъ Богомъ и передъ людьми. И какъ ужасно это сознаніе грѣха для бѣдной дѣвушки! Оно преслѣдуетъ ее, какъ тѣнь, шепчетъ укоры, когда она молится, пугаетъ за работой и будитъ во время сна. И въ храмѣ Божіемъ возлѣ нея стоитъ неотступный демонъ, неумолкающая совѣсть. Наконецъ кровавая смерть брата и его по-

лѣдніе, страшные упреки довершаютъ несчастіе Маргариты. Ужасное, неиспытанное горе потемняетъ ея разсудокъ и она въ безуміи убиваетъ свое дитя, невинный плодъ преступной любви. Въ это время Мефистофель, который съ умысломъ скрывалъ ужасное положеніе бѣдной оставленной женщины, но которому не удалось и уничтожить страшныхъ угрызеній совѣсти, наконецъ проснувшейся въ груди несчастнаго Фауста, поражаетъ его извѣстіемъ, что Маргарита въ темницѣ, какъ убийца своего ребенка. Фаустъ съ яростью проклинаетъ Мефистофеля и требуетъ освобожденія Маргариты. Они приходятъ въ темницу; безумная Маргарита наконецъ узнаетъ своего любовника, но при появленіи Мефистофеля она умираетъ съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ молитвою на устахъ. Замирающій голосъ жалобно зоветъ Фауста къ Маргаритѣ. Но Мефистофель увлекаетъ его за собой, и словами демона: „Ко мнѣ! за мной“!—оканчивается первая часть.

Въ лирическомъ характерѣ этой дивной картины мы встрѣчаемъ вѣрное изображеніе молодаго человѣка, котораго волнуютъ дикия страсти. Въ этихъ суровыхъ звукахъ раздается горькая жалоба борьбы, слышится глубокій стонъ негодованія. Это — созданіе молодаго поэта на первыхъ ступеняхъ жизни. Вторая часть имѣеть совсѣмъ другой характеръ. Планъ ея относится къ зрѣлому возрасту гѣтевой жизни, а самое исполненіе совершено только въ послѣдніе годы. Путешествіе въ Италію, величественные развалины классической древности и изученіе пластической красоты въ греческихъ образцахъ произвели сильный переворотъ въ умствен-

номъ направлениі Гёте, и съ нихъ начинается второй періодъ его поэтическаго развитія, созданіе Ифигеніи, Торквата Тассо и, наконецъ, идея второй части Fausta. Въ первой части мы встрѣтили вопросъ, во второй находимъ отвѣтъ. Въ это время Гёте имѣлъ уже полное понятіе о существѣ и направленіи своего дарованія и онъ ясно высказалъ новый переворотъ, который надъ нимъ совершился.

Тамъ, на развалинахъ древности, въ роскошной Италии, гдѣ Ифигенія вдохновила поэта, гдѣ посѣтила его невоспѣтая тѣнь Торквата, Гёте снова возвратился къ своему любимому произведенію. Но черта, которая въ это время всего болѣе поразила его въ преданіи Fausta, вполнѣ характеризуетъ второй періодъ его поэтическаго развитія. Это было соединеніе чернокнижника среднихъ вѣковъ съ Еленой классической Греціи. Гёте отмѣтилъ съ полнымъ сочувствіемъ эту страницу преданія, и третій актъ второй части Fausta былъ оконченъ гораздо прежде другихъ и явился еще при жизни поэта. Эта дивная аллегорія его фантастической драмы, въ которой душа Fausta, очарованная прелестями Елены, сливается съ этой олицетворенной поэзіей Греціи, носить на себѣ яркій отпечатокъ гордаго, внутренняго сознанія, что Гёте первый оживилъ и вызвалъ духъ классического міра и соединилъ его съ духомъ и направленіемъ романтической поэзіи. Этотъ третій актъ составляетъ зерно второй части Fausta, изъ котораго въ послѣдствіи развилось цѣлое созданіе. Но въ самомъ окончательномъ исполненіи мы видимъ третій періодъ поэтическаго развитія Гёте.

Необузданное стремленье юности, уступило ясному и покойному созерцанію преклонной старости. Мудрое, величавое спокойствіе замѣнили буйныя страсти. Старецъ, испытанный всѣми переворотами жизни, богатый опытомъ и знаніемъ, не покушается болѣе переступить за ненарушенные предѣлы, поставленные человѣческому уму. Характеръ этого третьаго периода, которому принадлежитъ окончательное исполненіе Фауста, составляетъ безстрастное созерцаніе самого себя. Это не тотъ идеаль втораго периода, на которомъ отразились классические образы Греціи. Поэтъ самъ дѣлается средоточiemъ своихъ произведеній. Все что выходитъ изъ-подъ пера его имѣеть болѣе или менѣе явное отношение къ его собственной жизни, развитію, судьбѣ и дѣятельности. Въ ясномъ сознаніи поэта, сильного гордымъ безстрастiemъ, оживаютъ пестрыя явленія прошедшаго и чудные символические образы облекаютъ спокойныя мнѣнія настоящаго. Но эти огромныя аллегоріи обнимаютъ цѣлый міръ науки и жизни, повѣренной богатою жизнью поэта. Онъ складываетъ въ нихъ результатъ своего безстрастнаго самопознанія. Гёте понялъ свое историческое значеніе, и онъ вызываетъ самого себя на судъ передъ собою и передъ человѣчествомъ. Въ идеѣ первой части Фауста мы встрѣтили картину бурнаго стремленья человѣка, который, уповая на собственные силы, хочетъ своимъ ограниченнымъ умомъ разрѣшить неограниченныя тайны природы. Утомленный, уничтоженный неудачами, онъ кидается въ объятія демона, который разслабляетъ его нѣгой и наслажденіями. Но выполниль-ли Мефистофель усло-

віе, по которому Фаустъ дѣлается его достояніемъ? Нѣть! и Фаустъ въ темницѣ Маргариты еще болѣе чѣмъ прежде удалился отъ роковой цѣли, къ которой его приводить Мефистофель. Измученный упреками совѣсти, подавленный бременемъ грѣха, Фаустъ еще не ложился съ самодовольствіемъ на ложе лѣни, еще не говорилъ мгновенію: остановись! тебѣ я радъ! Въ идеѣ второй части мы видимъ возрожденіе Фауста. Направленіе его измѣняется, поэтическая душа очищается красотами классическаго міра. Въ усиленіяхъ прямаго труда ему открывается новая цѣль. Вѣчная дѣятельность, полное употребленіе силъ, данныхъ человѣку природою, составляютъ его назначеніе. Вотъ въ чемъ заключается главная идея второй части Фауста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящее понятіе поэта о назначеніи человѣка.

Первый актъ второй части открывается аллегорическою сценою, которая указываетъ на связь и отношенія къ первой половинѣ созданія. Заря занимается; утомленный Фаустъ спить непокойнымъ сномъ на роскошномъ лугу, окруженній благоуханіемъ цвѣтовъ. Къ его изголовью слетаетъ Аріель, духъ пѣсень и воздуха; за нимъ легкій рой послушныхъ эльфовъ. Тихая сила поэзіи смягчаетъ страданіе человѣка, — и вотъ назначеніе Аріеля.

Какъ дохнетъ весна златая
Благовоніемъ цвѣтовъ,
Тихо, весело мелькая
Въ свѣжей зелени луговъ:

Силой эльфовъ міръ утѣшень
И безмолвствуетъ печаль;
Кто-бъ онъ ни былъ, чистъ иль грѣшенъ,
Эльфамъ страждущаго жаль.

Тихіе звуки поэзіи смиряютъ борьбу души и смы-
ваютъ прежнее горе волнами Леты съ измученного
сердца Фауста. Онъ просыпается и съ обновленною
душою привѣтствуетъ раннее утро:

Полнѣе дышетъ жизненная сила,
Зарю небесъ привѣтствуетъ она;
И въ эту ночь земля не измѣнила:
У ногъ моихъ воспрянула отъ сна,
И въ грудь мою желанія вселила,
И духъ окрѣпъ и вновь стремлюся я
На крайнія ступени бытія.
Мерцаньемъ дня озарены вершины,
Проснулся лѣсь и жизнью гремитъ;
Туманъ бѣжитъ съ долины на долины,
Но божій день и долы озаритъ.

Однако этотъ яркій солнечный свѣтъ ослѣпляетъ
бѣднаго Фауста и напоминаетъ ему прежнее состояніе
души, когда онъ въ самонадѣянномъ стремлѣніи вооб-
ражалъ, что для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго.
Теперь онъ видить, что Мефистофель правъ: только
въ привычной смѣнѣ дня и ночи судьба назначила жить
человѣку. Фаустъ наконецъ отказывается отъ гордаго
стремлѣнія за предѣлы здѣшняго міра. Онъ видить
изображеніе жизни въ бурномъ водопадѣ, стремящемся
съ утеса на утесь: онъ любуется свѣтлыми брызгами.

радуги, этимъ символомъ поэзіи, который раскинулся надъ водопадомъ. Гёте почти тѣми-же словами говорить гдѣ-то (¹) о самомъ себѣ. Вотъ почему этотъ ионологъ Фауста имѣеть близкое отношеніе къ положенію самого поэта, который вмѣстѣ съ нимъ отказывается отъ того гордаго стремленія къ непосредственному разрѣшенію высшихъ задачъ человѣческой жизни, на которое и онъ покушался въ бурные годы юности. И надъ нимъ совершилось тоже самое поэтическое возрожденіе, которое теперь совершается надъ Фаустомъ. Поэзія изгладила горькія впечатлѣнія прошедшаго и Фаустъ съ обновленною душою встаетъ для новой жизни и дѣятельности. Но прежняя, тѣсная сфера не удовлетворяетъ его болѣе; ему нуженъ просторъ и обширное поприще. Онъ сталъ спиною къ прошедшему; но передъ нимъ открывается будущее, въ которомъ онъ ищетъ новой цѣли и новыхъ трудовъ.

Вторая сцена приводить насъ ко двору императора. Преданіе о Фаустѣ относится къ эпохѣ Максимилиана. Но императору, который теперь является передъ нами, мы не должны приписывать никакого исторического характера. Онъ представляетъ только общее олицетвореніе римскаго императора среднихъ вѣковъ. Окруженный своимъ дворомъ, онъ принимаетъ канцлера, маршала, военачальника, казначея, которые горькими жалобами изображаютъ разстроенное положеніе того времени. Не достаетъ придворнаго шута. Мефистофель

(¹) См. Werke. Bd. 50, S. 161.

замѣняетъ его. Онъ самъ рекомендуется себя слѣдующими словами:

Кого клянутъ, кого желають,
Кого и гонятъ и манятъ,
Кого повсюду защищають
И обвиняють и бранятъ;
Кто незванный къ тебѣ приходитъ,
Чье имя весело звучить;
Кто нынѣ самъ къ тебѣ подходитъ,
Кто самъ потомъ тебя бѣжитъ.

Пользуясь правомъ придворнаго шута, Мефистофель издѣвается надъ общими жалобами. Всѣ онѣ происходятъ отъ одной причины, и эта причина — недостатокъ денегъ. Мефистофель указываетъ на сокрытые сокровища земли, которые одни въ состояніи удовлетворить всѣ нужды двора и народа. Его слова возбуждаютъ общія надежды и успокаиваютъ взволнованные умы. Дворъ возвращается къ прерваннымъ удовольствіямъ карнавала. Затѣйливый аллегорическій маскарадъ замѣняетъ строгое совѣщеніе. Рыбаки, дрозды, садовники, поэты, пестрыми толпами являются на сценѣ. Ихъ смѣняютъ граціи, парки и фуріи. Эти явленія греческой миѳологіи напоминаютъ обѣ общемъ характерѣ самого созданія. Вотъ мальчикъ-возничій, который управляетъ пышною колесницей Плутуса. Этотъ мальчикъ — олицетвореніе поэзіи, живой и дѣятельной, несвязанной тѣсными условіями мѣста, времени или лица. Вотъ наконецъ и великий Панъ, окруженный фавнами, нимфами, сатирами. Шестроѣ движеніе этого блестательнаго праздника изображено яркими красками.

Въ слѣдующей сцѣнѣ императоръ благодаритъ Фауста, который, бытъ учредителемъ праздника, за этотъ волшебный маскарадъ. Въ то же время маршалъ, военачальникъ, казначай, съ торжествующими лицами объявляютъ объ общемъ благосостояніи народа, котораго нужды удовлетворены умными распоряженіями Мефистофеля. Демонъ управился на этотъ разъ съ финансами и предупредилъ своею выдумкою позднейшую изобрѣтательность Лау. Общее спокойствіе возстановлено. Удовольствія могутъ смѣнить прежнія заботы. Фаустъ, учредитель дивнаго маскарада, долженъ оказать новые услуги двору. Императоръ требуетъ отъ него явленія Париса и Елены.

Это необыкновенное требованіе пугаетъ даже самого Мефистофеля.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Зачѣмъ ты ведешь меня подъ эти темные своды? Не веселье-ли тамъ, въ пестромъ, тѣсномъ движеніи двора, гдѣ столько случаевъ къ обману и проказамъ?

ФАУСТЪ. Не говори мнѣ этого, я тебя знаю. Ты теперь отъ того только увертываешься, чтобы избавиться отъ разговора со мною. Не трудись по-пустякамъ; меня замучили придворные. Императоръ требуетъ немедленнаго представленія Елены и Париса. Онъ хочетъ видѣть своими глазами эти идеалы мужской и женской красоты. Проворнѣ-же къ дѣлу! Я не могу нарушить даннаго слова.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты далъ безумное обѣщаніе.

ФАУСТЬ.

А не твои ли нась затѣи погубили?
Объ этомъ не подумалъ ты.
Сперва мы ихъ обогатили,
Теперь ихъ забавлять должны.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ты думаешь, что это такъ легко; нѣтъ, здѣсь передъ нами крутыя ступени. Ты заходишь въ чужую область и наконецъ безсмысленно обременишь себя новыми долгами. Заклинаніе Елены не такъ легко, какъ изобрѣтеніе нашихъ вексельныхъ сокровищъ. Колдовство всякаго рода, привидѣнія, уродливые карлики, — къ твоимъ услугамъ. Но красавицы сатаны, какъ-бы хороши онѣ не были, въ героини не годятся.

ФАУСТЬ. Ты опять запѣлъ на старый ладъ. Отъ тебя никогда не узнаешь ничего вѣрнаго. Ты — отецъ всѣхъ возможныхъ препятствій, а за каждое средство требуешь новой награды. Я тебя знаю; ты сдѣлаешь дѣло и безъ того, чтобы ворчать. Не успѣешь оглянуться, а Елена тутъ какъ тутъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ. До язычниковъ мнѣ никакого дѣла нѣтъ; у нихъ свой особенный адъ; впрочемъ средство есть.

ФАУСТЬ. Говори скорѣе!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Передаю тебѣ я неохотно
Тѣхъ страшныхъ тайнъ; есть дикая пустыня,

Тамъ царствуютъ высокія богини;
Вокругъ ихъ нѣтъ ни времени, ни мѣста
И говорить не ловко мнѣ о нихъ.
То матери!

ФЛУСТЬ (*вздрогнувъ*). Матери!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Или тебѣ страшно стало.

ФЛУСТЬ. Матери! Матери! — какъ страненъ этотъ звукъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Все это такъ. То — дивныя богини;
И вами онѣ нисколько незнакомы,
А мы о нихъ не любимъ толковать.
Подъ бездной ихъ невѣдомые domы;
Ты виноватъ, что ихъ не миновать.

ФЛУСТЬ. Куда дорога?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Дороги нѣтъ. Тамъ не было и не будетъ ноги человѣка. Дорога къ непрошенному и неумолимому. Готовъ-ли ты? Тамъ нѣтъ ни замквъ, ни затворовъ. Ты переходишь отъ уединенія къ уединенію. Понимаешь-ли ты, что такое — пустота и уединеніе?

ФЛУСТЬ. Кажется, можно бы оставить эти пустые разговоры. Они отзываются кухнею вѣдьмы и напоминаютъ давно прошедшее время. Развѣ я не шатался по свѣту? Развѣ самъ не учился и не училъ пустякамъ? Бывало, кажется, сказалъ умно, — а противо-

рѣчіе становится тѣмъ громче. Да не я-ли самъ убѣжаль отъ этихъ вздоровъ въ уединеніе, въ пустыню, и наконецъ предался тебѣ — чорту?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Проплыви весь океанъ, чтобы понять безпредѣльность; и тамъ ты видишь какъ идетъ волна за волной, хотя-бы даже тебѣ грозила погибель. Ты всѣ-таки увидишь хоть что-нибудь. Увидишь плавающихъ дельфиновъ по зеленої равнинѣ затихшаго моря, увидишь, какъ мимо тебя проходятъ облака, солнце, луна и звѣзды. А тамъ, въ вѣчно пустой дали, ты не увидишь ничего; не услышишь шороху твоихъ шаговъ, не найдешь твердаго мѣста, гдѣ-бы отдохнуть.

ФАУСТЬ. Ты говоришь настоящимъ мистагогомъ, который обманываетъ простодушныхъ неофитовъ. Только обратно. Ты посылаешь меня въ пустоту, чтобы я тамъ увеличилъ свое искусство и силу. Ты для себя заставляешь меня, какъ кошку, вынимать каштаны изъ - подъ горячихъ углей. Впередъ! я допытаюсь иувѣренъ что найду *все*, въ твоемъ *ничто*.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Я долженъ тебѣ отдать справедливость прежде нежели мы разстанемся; я вижу ты коротко познакомился съ чортомъ. Вотъ тебѣ ключъ, возьми его съ собой.

ФАУСТЬ. Эту бездѣлицу?

МЕФИСТОФЕЛЬ. Сперва возьми его въ руки, а тамъ осуди.

ФАУСТЬ. Онъ растетъ въ моей рукѣ; онъ сверкаеть, блестить.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Теперь ты знаешь, чѣмъ владѣешь. Этотъ ключъ укажетъ тебѣ настоящую дорогу; ступай за нимъ, онъ приведетъ тебя къ материамъ.

ФАУСТЪ, (*вздохнувъ*). Всякій разъ — громовыи ударъ! Чѣдже это за слово, котораго я слышать не могу.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Ужели ты такъ простъ, что каждое новое слово тебя пугаетъ? Ужели ты хочешь слышать только то, что слыхалъ уже и прежде? Не пугайся впередъ ничего какъ-бы оно ни звучало; ты кажется давно пріученъ къ разнымъ диковинкамъ.

ФАУСТЪ. Но я не ищу спасенія въ холодномъ оцѣпенїи. Дрожь и трепетъ — лучшая доля человѣка. Пусть свѣтъ уничтожитъ всѣ его чувства; но все огроиное, безпредѣльное, его всегда глубоко поражаетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Пламенныи треножникъ тебѣ наконецъ докажетъ, что ты достигъ до самаго послѣдняго, крайняго дня. При свѣтѣ этого треножника ты увидишь матерей. Однѣ сидятъ; другія ходятъ или стоять, какъ пришлось. Образованіе и превращеніе! Вѣчной мысли вѣчная бесѣда! Окруженныи изображеніями всего созданія, онъ тебя не увидятъ, потому что видятъ одни только очерки. Тогда ты смѣло подойдешь къ треножнику, коснешься его ключомъ!

ФАУСТЪ, (*держа ключъ, принимаетъ повелительное положеніе*).

МЕФИСТОФЕЛЬ. Вотъ такъ. Онъ пристанеть, пойдетъ за тобой какъ вѣрный рабъ. Ты покойно воз-

станешь, счастіе тебя подниметъ. *Онъ* еще не успѣ-
ють тебя замѣтить, а ужъ ты возвратился. Тогда ты,
первый кто рѣшился на такое дѣло, вызываешь героя
и героиню; и самый єиміамъ магическими способами
превратится для тебя въ боговъ.

Фаустъ. Чѣдже теперь?

Мефистофель. Теперь погрузись въ пропасти;
топни и провалишься; потомъ топнешь еще разъ — и
опять придешь назадъ.

Фаустъ, (*исчезаетъ*).

Мефистофель. Поведеть ли этотъ ключъ его къ
добру? Мнѣ очень хочется узнать, возвратится ли
онъ къ намъ?

Название *матерей* Гёте почерпнулъ изъ Плутарха.
Идея, которую онъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ,
сама по себѣ довольно ясна, не смотря на ея отвле-
ченное выраженіе. Одинъ изъ послѣдователей Гегеля,
основываясь на этомъ загадочномъ выраженіи, вооб-
ражалъ, что Гёте намекалъ въ этомъ мѣстѣ своего
произведенія на отвлеченныя метафизическая категоріи,
заключающіяся въ логикѣ Гегеля!! Но Фаустъ и
Гёте давно отказались отъ всякой умозрительной
дѣятельности.

Матери имѣютъ другое значеніе. Гёте указываетъ
на свое собственное поэтическое возрожденіе, на пе-
реходъ къ идеаламъ классической красоты. Съ не-
вольнымъ трепетомъ онъ убѣдился въ необходимости
этого переворота. Отъ стремленія къ новому идеалу

зависитъ переломъ всей дѣятельности Фауста и начинается новое направлениe, новый періодъ его жизни. Очищеніе души, на которое въ первой сценѣ указываютъ благодѣтельныe духи поэзіи, теперь дѣйствительно совершается надъ Фаустомъ. Но это возрожденіе требуетъ полнаго, безусловнаго превращенія всей его прежней жизни. Онъ долженъ погрузиться въ самого себя, въ невидимыя, глубокія нѣдра собственнаго духа, куда Мефистофель не можетъ ему указать дороги и гдѣ скрываются первыя начала творческой дѣятельности человѣка, эти *матери* всѣхъ его созданій. Вся эта сцена взята изъ собственнаго опыта поэта. *Письма изъ Италии* указываютъ на эту эпоху его нравственнаго преобразованія, на переходъ отъ мутныхъ страстей юности къ ясному сознанію возмужалыхъ лѣтъ, къ усвоенію новаго идеала, олицетвореннаго подъ образомъ Елены! И Гёте, подобно Фаусту, сошелъ въ невѣдомыя глубины своей души, къ этимъ таинственнымъ матерямъ, и тамъ, съ самоотверженіемъ отрекаясь отъ прежняго образа мыслей, отъ прежнихъ страстей и склонностей, онъ силою добылъ для себя магическій треножникъ, посредствомъ кото-раго оживилъ въ стройныхъ звукахъ новой поэзіи дивные образы классической древности.

Странное противорѣчіе съ таинственною дѣятельностью Фауста представляеть слѣдующая сцена при дворѣ. Дамы и пажи окружаютъ Мефистофеля. Требованіямъ нѣть конца. Одна отморозила ножку, другая потеряла любовника, у третьей веснушки. Всѣ ждутъ

волшебного представлія, придворные торопятъ, Мефистофель хлопочетъ.

Наконецъ въ богатой рыцарской залѣ собирается дворъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи любопытнаго представлія; Мефистофель занимаетъ мѣсто суплера. Faustъ является на сцену:

Фаустъ. Васъ зову, о матери, царицы безпредѣльности, всегда одинокія и всегда вмѣстѣ. Вокругъ васъ летаютъ изображенія жизни, движущіяся, безъ жизни. Что было разъ, то тамъ живеть въ полномъ блескѣ и сияніи, потому что оно ищетъ вѣчности. А вы, всемогущія силы, раздѣляете эти картины на дневной шатерь и на своды ночей; однѣ исчезаютъ въ свѣтломъ потокѣ жизни; смѣлый магъ идетъ за другими, и въ роскошной жатвѣ, съ полнымъ довѣріемъ открываетъ людямъ свои чудеса.

Послѣ необходимыхъ пріуготовленій совершаются волшебное явленіе Париса и Елены. Дамы восхищаются свѣжею, естественною красотою Париса, рыцари съ сладострастіемъ любуются Еленой. Но Faustъ пораженъ дивнымъ явленіемъ: передъ нимъ открывается новый міръ; онъ видитъ олицетворенный идеаль, къ которому такъ смутно стремилась душа! Маргарита и Елена! Какой огромной промежутокъ между этими двумя идеалами красоты! Возрожденіе Fausta уже теперь вознаграждается дивными плодами этого явленія:

Гдѣ взять глаза? Въ видѣніи прекрасномъ
Скрывается начало красоты.

За страшный шагъ на поприщѣ ужасномъ
Меня стократъ вознаграждаешь ты!
Земля была для глазъ моихъ закрыта,
Теперь она полна живой мечты,
Тверда, прочна, желаніямъ открыта; —
И до конца моихъ послѣднихъ дней,
Какъ вѣрный рабъ, я не разстанусь съ ней.
Въ волшебномъ зеркалѣ я помню образъ милый;
Но какъ ничтожень онъ предъ этой красотой!
Тебѣ я отдаю любовь и страсть и силы,
Мольбы, безуміе, надежды и покой!

Между-тѣмъ Парисъ подходитъ къ Еленѣ, оби-
маеть ее и, кажется, увлекаетъ за собою. Астрологъ
замѣчаетъ по этому случаю, что представлению надо
дать название: „Похищеніе Елены“.

ФАУСТЬ.

Не допущу я злого похищенья!
Нѣтъ, я ключомъ не даромъ завладѣль!
Онъ велъ меня по тѣмъ уединенья
Назадъ къ землѣ, на твердый мой предѣлъ.
Теперь существенность лежитъ передъ глазами;
Какъ мощный духъ надъ безднами стоя,
Великое, двойное царство я
Пріобрѣту въ борьбѣ съ духами!
Сперва далекая, теперь она близка;
Спасу — и назову вдвойнѣ ея мою!
Пустите, матери! отвага велика;
Кто разъ ее узналъ, не разстается съ нею!

Онъ кидается на сцену. Громовой ударъ потрясаетъ зданіе; Фаустъ падаетъ; видѣнія исчезаютъ въ облакѣ дыма; зрители разбѣгаются; Мефистофель на плечахъ выносить Фауста.

Второй актъ приводить насть изъ шумнаго круга блистательной придворной жизни въ старый, уединенный кабинетъ Фауста. Самое превращеніе сцены доказываетъ, что новое стремленіе его къ достижению новаго идеала должно произойти путемъ труда и науки. Одно сознаніе идеала требовало полнаго превращенія духа въ первыхъ его основаніяхъ. Фаустъ проникъ для этой цѣли въ завѣтную, таинственную, глубину своего внутренняго существа, въ безпредѣльную обитель *матерей*. Но отъ сознанія этого новаго идеала до полнаго владѣнія, — огромный шагъ. Гёте узналъ на опытѣ всю трудность такого переворота. Когда онъ понялъ свое новое назначеніе, онъ предался безпрерывному изученію природы, искусства и древностей; онъ проникъ во всѣ тайны греческаго міра и извлекъ изъ него свое художественное преобразованіе. Второй актъ — аллегорическое изображеніе этихъ трудовъ, ихъ содержанія, развитія и значенія.

Сцена въ пыльномъ кабинетѣ Фауста представляетъ фантастическую картину ученаго міра. Дѣйствія виѣшней, механической стороны науки совершаются передъ нами, между-тѣмъ какъ духовный ея представитель, Фаустъ, покоится въ сторонѣ. Кабинетъ нисколько не измѣнился; все, отъ каftана доктора до пера, которымъ Фаустъ подписалъ договоръ съ Мефистофелемъ, осталось на прежнемъ мѣстѣ. Горькая сатира

на неподвижность механической учепости! Изъ разгово-
ра ученика съ Мефистофелемъ мы узнаемъ, что Вагнеръ,
прежній ученикъ Фауста, между-тѣмъ прославился въ
ученомъ мірѣ и занялъ почетное мѣсто. Въ это самое
время онъ приводитъ къ окончанію какой-то великий,
загадочный трудъ.

Между-тѣмъ какъ Мефистофель собирается посѣ-
тить знаменитаго Вагнера, является ученикъ, котораго
чортъ такъ хитро дурачилъ въ первой части. Ученикъ
выросъ, нахватался разной мудрости и приходитъ те-
перь надутымъ баккалавромъ, со всею спѣсью недо-
учившагося студента, чтобы въ свою очередь похоро-
тать надъ старымъ докторомъ. Разговоръ его съ Мефи-
стофелемъ имѣеть горькую связь съ жизнью поэта.
Гёте изобразилъ въ немъ свое собственное отношеніе
къ одной части юнаго поколѣнія, которая съ черною
неблагодарностью воспользовалась его идеями и потомъ
возстало противъ него; напиталась искрами его генія и
обратила ихъ противъ своего наставника. Съ неволь-
нымъ трепетомъ читаешь эти строки, въ которыхъ ве-
ликій старецъ, не щадя самого себя, съ холодною иро-
ніею высказываетъ желчныя нападки своихъ современ-
никовъ. Гордая спѣсь незрѣлого поколѣнія щетинится
передъ нимъ въ образѣ баккалавра, пока Гёте не оста-
навливаетъ его ледянымъ вопросомъ, который такъ
ужасенъ въ его устахъ: „Кто выдумаетъ что-нибудь
глупое или умное, чего бы не выдумали прежде насъ?“

Wer kann was dummes, wer was kluges denken,
Das nicht die Vorwelt schon gedacht?

И этот страшный вопросъ такъ равнодушно произносить мудрецъ, которому все знаніе человѣчества досталось на долю, который почти цѣлое столѣтіе прожилъ на землѣ, собирая сокровища науки и подвигая ихъ впередъ, силою собственнаго, всеобъемлющаго гenія!

Мефистофель уходитъ въ лабораторію Вагнера. Въ этой сценѣ Гёте осмѣялъ безотчетныя, туманныя умозрѣнія своихъ соотечественниковъ. Вагнеръ при постоянномъ изслѣдованіи химическихъ началь, дошелъ наконецъ до странной ипостезы, что посредствомъ химическихъ соединеній можно произвести человѣка и что этотъ ученый способъ рожденія гораздо благороднѣе обыкновеннаго. Мефистофель прямо попадаетъ на эту химическую фабрикацію людей, которая наконецъ, не безъ помощи лукаваго, болѣе или менѣе удается. Въ стеклянномъ сосудѣ является странный образъ Гомункула. Нельзя причислить этого фантастического создания къ огненнымъ духамъ Парацельса, у которого Гёте занялъ одно только название; но еще менѣе принадлежитъ оно одной только химической дѣятельности Вагнера. Участіе Мефистофеля было необходимо, а еще важнѣе присутствіе спящаго Faуста. Этотъ Гомункуль — изображеніе незрѣлой мысли, неконченного созданія, которое всѣми силами стремится къ полному, дѣйствительному, осуществленію,—олицетворенное състояніе души Faуста, которая борется, стремясь къ творческому возрожденію. Самая привязанность Гомункула къ Faусту доказываетъ ихъ взаимное отношеніе. Стекло вырывается изъ рукъ испуганнаго Вагнера и

сверкая летить къ постели спящаго Фауста. Онъ видѣть сонъ—а Гомункуль разсказываетъ его содержаніе, потому что онъ самъ этотъ сонъ, это смутное ощущеніе души, которое ищетъ и предчувствуетъ близкое достиженіе цѣли. Но чѣмъ же снится спящему Фаусту? Густая роща, прозрачная рѣка, прекрасная полунагія жены; но между нихъ одна, дитя боговъ, какъ царица, въ полномъ блескѣ обворожительныхъ прелестей; нога ея вступила въ прозрачныя воды; благородное тѣло, согрѣтое жизненою теплотою, ищетъ прохлады въ прозрачныхъ волнахъ.... Счастливому Фаусту снилась красавица Греція.

Отъ этой сцены поэтъ приводить насъ къ своей классической валпургской ночи, которая, сама по себѣ—единственная въ своемъ родѣ поэтическая картина. Но значеніе ея въ отношеніи къ цѣлому созданію объясняется стремленіемъ Фауста къ достижению своего идеала. Для этого онъ долженъ проникнуть въ греческій міръ и изъ самой глубины классической поэзіи похитить свое достояніе. Гёте переносить насъ на фарсальскія поля и чудными красками оживляетъ передъ нами поэтическіе образы греческаго міра. Эрихто, эта мрачная прорицательница, которая возвѣстила погибель помпейской партіи, открываетъ картину:

На мрачный пиръ полуночи, какъ прежде я,
Суровая и мрачная, являюсь вновь;
Не такъ страшна, какъ жалкіе пѣвцы меня
Въ стихахъ своихъ честять подъ часъ:—всегда у нихъ
Хула иль лесть.—Бѣлѣется долина вся,

Покрытая собраніемъ сѣдыхъ шатровъ,
Картиною ужаснѣйшей изъ всѣхъ ночей.
Какъ часто повторяется судьба людей
И повторится вновь она до вѣчности!
Завидна власть: завидуютъ тѣму, кто самъ
И силою добылъ ее и царствуетъ;
А потому, что всякий, кто не можетъ самъ
Собой владѣть, тотъ въ гордости по-своему
Старается повелѣвать сосѣдами.
Но здѣсь была великаго примѣра брань,
Какъ сила противъ сильнаго горой встаетъ,
Какъ люди рвутъ изъ тысячи живыхъ цвѣтовъ
Свободою составленный святой вѣнокъ,
Какъ вѣтется лавръ вокругъ главы властителя,
Здѣсь славы день предвидѣлся Великому,
Тамъ слышалъ Кесарь сладкій шопотъ листивыхъ
словъ;
Помѣрились — и міръ узналъ, кто побѣдилъ!

Но прорицательница чувствуетъ приближеніе живыхъ существъ и исчезаетъ. Въ это время воздушные плаватели, Фаустъ, Мефистофель и Гомункуль спускаются на землю. Первый вопросъ Фауста,—гдѣ она?

ГОМУНКУЛЬ.

Отвѣта ты отъ насъ не ожидай.
А впрочемъ здѣсь не трудно допроситься.
Пока не разсвѣло, ищи, да не зѣвай
И отъ огня къ огню ступай:
Кто былъ у матерей, тому чего страшиться?

По предложению Мефистофеля они расходятся, каждый своею дорогой, для достижения своей цели. Фантастическая группы, взятые изъ греческой миологии, наполняютъ сцену. Сфинксы, ариаспы, ламіи, эмпузы тѣсятся около Мефистофеля, который, какъ умный, свѣтскій человѣкъ, нисколько не затрудняется въ обращеніи съ незнакомыми демонами классического міра; онъ ищетъ между ними себѣ новыхъ друзей и наконецъ сближается съ форкіадами. Но въ этомъ обществѣ Faustъ не найдетъ проводниковъ къ Еленѣ, въ чемъ сфинксы и сами сознаются, отправляя его къ Хирону, котораго онъ встрѣчаетъ на очаровательныхъ берегахъ Пенея. Сирены и нимфы, купаясь въ прохладныхъ волнахъ, сладкими пѣснями манятъ къ наслажденіямъ нѣги. Faustъ, очарованный роскошными прелестями этой новой картины, умоляетъ своего проводника указать ему скорѣе дорогу къ Еленѣ; но Хиронъ не въ состояніи удовлетворить его желанію; онъ приводитъ его къ благодѣтельной дочери Эскулапа. Манто, въ тихомъ, ненарушимомъ покоѣ, окруженнная теченіемъ вѣчного времени, ведетъ Fausta по темнымъ сводамъ къ подземному царству Персефоны, гдѣ и Орфей нѣкогда нашелъ свою Евридику. Но какимъ образомъ Faustъ достигаетъ тамъ своей цели, этотъ актъ творческаго возрожденія — остается тайною. Поэту намѣкаетъ только на разрѣшеніе этой загадки и высказываетъ ее болѣе или менѣе въ похожденіяхъ Мефистофеля и Гомункула.

Въ двухъ сценахъ, между которыми находится рѣзкое противорѣчіе, изображается двоякій процессъ

происхождения, соответствующей и Мефистофелю и Гомункулу и олицетворенный поэтомъ въ двухъ противоположныхъ теоріяхъ вулканистовъ и нептунистовъ. Въ первой сценѣ Гёте съ язвительною ironіею насмѣхается надъ системою вулканистовъ, которую онъ всегда ненавидѣлъ. Между дѣйствующими лицами этой пестрой картины являются Анаксагоръ и Фалесъ.

АНАКСАГОРЪ.

Такъ ты не хочешь согласиться?
Давно пора-бы убѣдиться.

ФАЛЕСЪ.

Подъ вѣтромъ клонится волна;
Но отъ скалы бѣжитъ она.

АНАКСАГОРЪ.

Огонь утесы производить.

ФАЛЕСЪ.

Вся жизнь изъ влаги происходитъ.
голункулъ (*между ними*).
Позвольте возлѣ васъ итти.
Я самъ хочу произойти.

Разговоръ между представителями двухъ главныхъ теорій міроваго происхождения убѣждаетъ Гомункула въ неосновательности вулканическаго процесса; поэтому онъ переходитъ на сторону Фалеса и отправляется вмѣстѣ съ нимъ для того, чтобы наконецъ разбить звонкій кристаллъ, въ которомъ заключены его не完美ое, неразвитое существованіе. Вторая сцена происходитъ въ бухтѣ Эгейскаго моря и украшена всѣми

прелестями поэзіи. Въ пышной картинѣ морского праздника поэтъ прославляетъ нептуническую теорію, которую онъ самъ предпочиталъ другимъ. Сирены, Нереиды, Тритоны оглашаютъ берега роскошными пѣснями. Протей, въ видѣ дельфина, уносить Гомункула на встрѣчу къ торжественной процессіи, сопровождающей Галатею: она сидѣть на престолѣ составленномъ изъ раковинъ. Стекло, въ которомъ заключенъ Гомункуль, блеститъ и сверкаетъ и наконецъ разбивается и падаетъ на ступени этого престола. Тѣсная оболочка разрушилась; Гомункуль освобожденъ; перерожденіе совершилось.

Красота природы увлекала Faуста въ первой части. Олицетвореніемъ этой красоты была Маргарита. Во второй части онъ искалъ другой духовной красоты и она осуществилась для него въ художественныхъ идеалахъ классической древности. Перерожденіе совершилось. Духъ греческой поэзіи воскресъ и переселяется въ образъ Елены въ новый міръ романической поэзіи. Гений художника заклинаетъ дивныхъ явленія далекаго времени и древній міръ покорствуетъ творческой кисти. Третій актъ проникнутъ духомъ греческой поэзіи. Глубокое внутреннее сочувствіе создало эту картину и воскресило стройные образы древности дыханіемъ новой жизни.

Первая сцена третьаго акта происходитъ въ Спарѣ, передъ дворцомъ Менелая. Хоръ возвѣщаетъ разрушеніе Иліона. Елена возвратилась. Она передъ нами въ полномъ величіи пластической красоты. Но судьба ея покрыта таинственнымъ мракомъ. Какая участъ го-

товится ей? Возвратилась ли она женой и царицей, или злоба обиженнаго супруга отмстить на ней долгія несчастія Греціи. На порогѣ дома ея привѣтствуетъ безобразная Форкіасъ. Хоръ съ ужасомъ отступаетъ отъ нея. Она приносить страшныя вѣсти; Менелай готовить торжественное приношеніе и жалобы хора высказываютъ ужасное впечатлѣніе, которое произвели слова безобразной старухи. Хоръ умоляетъ ее о пощадѣ и Форкіасъ-Мефистофель не скрываетъ возможноти спасенія. Есть новое молодое поколѣніе, полное силъ и отваги, которое укроетъ Елену за твердою оградой своихъ неприступныхъ крѣпостей. Елена спрашивается, кто глава этого поколѣнія и хорошъ-ли онъ собой.

ФОРКІАСЪ.

Не дуренъ; мнѣ онъ нравится; онъ веселъ, смѣль и образованъ; и между греками не много такихъ. Народъ его называютъ варварами; но между этими варварами едва-ли найдутся такие изверги, которые могли бы равняться съ неистовыми героями Иліона. Я уважаю великодушіе этого предводителя и довѣрился бы ему. А замокъ его? Посмотрите сами. Это—не грубыя строенія вашихъ предковъ, которые наваливали камни на камни, какъ Циклопы, безъ всякаго разбору; тамъ — все стройно и правильно. А снаружи? Замокъ восходитъ къ облакамъ, прямой, гладкій какъ сталь; никому не придетъ въ голову вскарабкаться по стѣнамъ. Внутри — огромные, широкіе дворы, со всеми удобствами и пристройками. Тамъ вы увидите колонны

и столбики, своды и сводики, алтари, галереи и гербы.

Близкая опасность рѣшаеть судьбу Елены; она соглашается на предложеніе безобразной старухи.

ХОРЪ.

Весело мы съ нею идемъ.
Легкой стопою,
Смерть за спиной,
А впереди опять
Крѣпости грозной
Стѣнъ неприступныхъ громада.
О, защити и ее
Грозно какъ Иліонъ;
Только хитрости
Гнусной онъ наконецъ уступилъ.

Декорація перемѣняется; богатый фантастический замокъ среднихъ вѣковъ замѣняетъ древній домъ Тиндареи.

Фаустъ, окруженный пажами въ рыцарскомъ одѣяніи, встрѣчаетъ Елену.

ФАУСТЬ.

Я долженъ былъ съ торжественнымъ привѣтомъ
Тебя принять, но не привѣтъ покорный, —
Раба въ цѣляхъ я привожу къ тебѣ;
Онъ позабылъ обязанность святую.
Склонись во прахъ, сложи свою вину
На грозный судъ къ стопамъ жены высокой.
Царица, стражъ преступный предъ тобой;

Слѣдить, съ высокой башни зоркимъ глазомъ
Онъ долженъ быть широкія пространства
Земли и неба, доносить не медля
Что происходитъ по горамъ и доламъ,
Стада-ли мирныя по нимъ идутъ,
Или войска; мы защищаемъ стадо,
А грозный мечъ войскамъ на встрѣчу носимъ.
Сегодня онъ виновенъ предъ тобою.
Явилась ты — онъ царственнаго гостя
Торжественнымъ пріемомъ не почтиль
И не донесъ. Онъ жизни не достоинъ;
Но казни и надъ нимъ не совершилъ:
Она въ твоихъ рукахъ — карай, иль милуй!

Елена милуетъ преступника, который былъ до того
ослѣпленъ ея красотою, что позабылъ объ исполне-
ніи своихъ обязанностей.

Воинственная музыка возвѣщаетъ приближеніе вра-
говъ. Фаустъ собираетъ свою дружину и магическою си-
лою отражаетъ нападеніе Менелая. Побѣда укрѣпляетъ
за Фаустомъ полное владѣніе сокровищемъ, въ которомъ
онъ видѣтъ осуществленіе всѣхъ думъ и желаній. Въ
тѣнистой рощѣ совершается таинственный бракъ ро-
манического міра съ классическимъ.

Изъ дивнаго сочетанія двухъ міровъ рождается не-
обыкновенное дитя. Мальчикъ-возничій, Гомункулъ и
Эвфоріонъ, сынъ Фауста и Елены, — по существу
одно и тоже олицетвореніе поэзіи въ томъ видѣ, какъ
понималъ ее великий художникъ, когда онъ на разва-
линахъ древности проникъ въ высокія тайны искус-

ства и духомъ классической Эллады оживилъ свои собственные созданія. Но лицо Эвфоріона имѣть еще другое, ближайшее, значеніе. Дивный мальчикъ, едва родясь, вырывается изъ объятій отца и матери; онъ полонъ силы и отваги. Какъ легкая серна, едва касаясь земли, онъ бѣжитъ со скалы на скалу. Его не удерживаютъ ни страхъ родителей, ни жалобы хора. Съ высоты утеса онъ кидается на воздухъ; но крыльевъ ему не дано, одежды его поддерживаютъ; еще минута — и прекрасный юноша падаетъ къ ногамъ испуганныхъ родителей. Лицо умирающаго напоминаетъ знакомыя черты. Слабѣющій голосъ Эвфоріона умоляетъ, чтобы его не покинули одного въ темномъ царствѣ.

ХОРЪ. Не покинемъ, гдѣ-бы ты ни былъ; мы узнали тебя. Ты уходишь отъ сіяння дня — кто же разстается съ тобой? Мы не смѣемъ даже роптать; намъ завиденъ жребій твой. Велика и прекрасна была пѣснь твоя, была твоя отвага и въ свѣтлые и въ мрачные дни.

Ты былъ рожденъ для счастія земнаго; отрасль древняго дома, полный великихъ силъ, ты слишкомъ скоро былъ потерянъ для самого себя; ты погасъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Тебя отличали и вѣрный взглядъ на міръ и сочувствіе ко всѣмъ печалимъ сердца и любовь высокихъ жень и собственная пѣснь.

Но ты свободно, не видя преградъ, кинулся въ невольныя сѣти и насильственно нарушилъ связь съ закономъ и обычаемъ. И только послѣдній великий замыселъ далъ новую силу чистому духу. Ты доби-

вался высокаго подвига, — но этотъ подвигъ тебѣ не удался.

Кому удастся онъ? — Грустный вопросъ, отъ котораго прячется судьба, когда въ урочныи часъ, въ крови утопая, молчитъ народъ. Но удалите печали, возобновите пѣсни; земля породжаетъ ихъ снова, какъ порождала всегда.

Кто не узнаетъ и въ этой жалобѣ хора и въ самой смерти Эвфоріона печальной судьбы мрачнаго генія Британії? Происшествія, которыя въ новѣйшее время перенесли знамя войны на поля древней Эллады и возбудили надежду на возрожденіе Греціи, благородное участіе, принятое Байрономъ въ судьбѣ этой войны, служили можетъ-быть первымъ поводомъ, по которому Гёте ввелъ мрачный, но возвышенный характеръ этого дерзкаго титана поэзіи въ свою великолѣпную картину.

Но самая идея Фауста странно сближается съ характеромъ Байрона и внутреннее значеніе преданія ни на одномъ историческомъ явленіи не отразилось такъ вѣрно и рѣзко, какъ на строптивомъ и необъятномъ духѣ британскаго поэта. Кто не прислушивался къ очаровательнымъ звукамъ его волшебныхъ пѣсенъ? Кого не увлекали онъ непостижимою, магическою силою? Но кто въ тоже время не чувствовалъ съ невольнымъ ужасомъ, что на этихъ прекрасныхъ созданіяхъ лежитъ таинственное проклятие, что мрачныя вдохновенія поэта отравлены ядовитымъ дыханіемъ злого, отверженаго демона? — На Байронѣ, какъ на Фаустѣ, высказалась страшная истина, что есть прес-

тупленіе мысли, ужасный грѣхъ ума, передъ которыми блѣднѣеть самое кровавое дѣло убийцы.

Явленіе Байрона странно поразило безстрastнаго Гёте. Этотъ мрачный характеръ, эта смѣсь надменнаго самолюбія и благороднаго самоотверженія, эти огромныя страсти изумили его. Онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за блистательнымъ развитіемъ британскаго поэта, онъ удивлялся пламенному генію Байрона, но никогда не дружилъ съ его суровымъ взглядомъ на природу и человѣчество. Гёте съ искреннимъ привѣтомъ встрѣтилъ эту новую лиру, которая поражала его такими чудными звуками: онъ провожалъ ее своимъ благословеніями, и, когда наконецъ Байронъ умеръ за благородное дѣло Греціи, Гёте воздвигнулъ ему трогательный памятникъ на страницахъ своего любимаго произведенія.

Смерть Эвфоріона влечетъ за собою и другую разлуку, не менѣе тѣжкую для Fausta. Елена прощается съ нимъ; она выполнила свое назначеніе и теперь возвращается за сыномъ своимъ въ царство Персефоны. Но присутствіе Елены произвело свое полное впечатлѣніе. Она отогрѣла и очистила душу Faуста; онъ нашолъ въ ней высокій идеаль, къ которому такъ пламенно стремился; и это художественное преобразованіе принесло богатые плоды, которые нисколько не зависѣли отъ *непосредственнаго* присутствія Елены.

Какъ художественное произведеніе, третій актъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Никто не достигалъ до

этой ясной отчетливости въ мысляхъ, до этого вѣрнаго очертанія характеровъ, до этого совершенства формъ. Здѣсь каждое сравненіе вѣрно. И вмѣстѣ съ тѣмъ все созданіе проникнуто духомъ истиннаго греческаго искусства, начиная отъ дивнаго характера Елены до превосходныхъ пѣсенъ трагическаго хора; все оживлено дыханіемъ классической древности; все полно, все пластически-прекрасно!

Четвертый актъ заключаетъ въ себѣ новую исповѣдь поэта. Онъ изложилъ въ немъ свои понятія о жизни и назначеніи человѣка. Въ этомъ отношеніи идея четвертаго акта Фауста повторяется въ другомъ произведеніи Гёте, въ которомъ онъ также высказалъ главные результаты своей поэтической жизни. Я говорю о *Вильгельмъ Мейстеръ*. И здѣсь герой романа переходитъ отъ совершенно идеального направлениія въ сферу положительной практической жизни. И здѣсь признаетъ онъ наконецъ практическую дѣятельность истиннымъ своимъ назначеніемъ. Станный конецъ этого романа подалъ въ свое время поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ современниковъ, которые обвиняли тогда Гёте въ какомъ-то поэтическомъ самоубийствѣ.

Повтореніе той-же идеи въ двухъ произведеніяхъ, которые оба такъ близко относятся къ самой жизни поэта, доказываетъ что эта идея не была случайно мечтою, но слѣдствіемъ глубокаго внутренняго уображенія, полнымъ выраженіемъ неизмѣннаго понятія, которое составилъ себѣ Гёте о назначеніи жизни. Самое спасеніе Фауста сопряжено съ этою идеей,

Елена была для него олицетвореніемъ искусства, въ которомъ онъ жилъ и дышалъ, не думая о положительной дѣятельности. Въ ея присутствіи онъ упивался высшими наслажденіями жизни; душа его перелетѣла въ прекрасный міръ поэзіи, окружила себя мечтами, высокими и роскошными, но всѣ-таки только мечтами. Пора поэтическаго творчества прошла; вмѣстѣ съ Еленой разлетѣлись поэтическіе сны; но живое воспоминаніе прекраснаго осталось на всегда неразлучнымъ спутникомъ Фауста! оно спасло его отъ отчаянія; оно убѣдило его въ томъ, что каждый возрастъ имѣеть свои права и свое назначеніе, оно наконецъ привело его къ неизбѣжной цѣли, къ благородной, дѣятельной жизни.

Гёте и дѣломъ и словомъ служилъ этой мысли, въ которой заключается причина его собственнаго образа жизни. Положительное направленіе было для него необходимо; но онъ въ то же время не отвергалъ и идеального значенія жизни, а нападалъ только на преувеличенную мечтательность современниковъ и ненавидѣлъ людей, которые, не слыша земли подъ собою, проживали себѣ въ какихъ-то туманныхъ областяхъ, ими-же выдуманныхъ для собственного домашняго употребленія. Таковы были результаты практической философіи Гёте, которую онъ изложилъ не въ запутанныхъ системахъ, которую преподавалъ не толстыми книгами, а самою жизнью.

Первая сцена четвертаго акта переносить настъ на высокую крутую скалу; Фаустъ на *классическомъ облакѣ* спускается на выдающійся утесъ; облако от-

ступаетъ, расходится и снова сливается въ чудесные фантастические образы, которые напоминаютъ Фаусту его прошедшия радости. Къ нему подходитъ Мефистофель. Онъ допытывается, что новаго задумалъ Фаустъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не льзя ль узнать, на что ты устремилсѧ?
Твое желаніе должно-быть высоко;
Теперь ты къ мѣсяцу поближе поселился;
Ужъ не къ нему-ль тебя влекло?

ФАУСТЬ.

Нѣть, славныя дѣла еще простору многод
И на землѣ себѣ найдутъ.
Великому и здѣсь не заперта дорога,
Я силы чувствую на новый смѣлый трудъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Такъ слава — новое желанье?
Знать, навела тебя Елена на него.

ФАУСТЬ.

Мнѣ власть нужна, мнѣ нужно достояніе.
Лишь дѣло — все, а слава — ничего!

МЕФИСТОФЕЛЬ. За то найдутся поэты, котъ
вѣстятъ потомству о славныхъ подвигахъ
бы глупостями возбудить новыхъ глупъ

ФАУСТЬ. Все это для тебя
можешь знать, что нужно Ты не
желчная, горькая натура Твоя гадъ
его желаній.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Пусть будетъ такъ; отрой же мнѣ всѣ свои бредни.

ФАУСТЬ. Я смотрѣлъ на открытое море; оно колыхалось, громоздилось; вотъ отошло, вотъ опять потрясло волнами и затолило плоскіе берега. Досадно стало мнѣ; не такъ-ли пустая спѣсь, страстями, взволнованною кровью—смущаетъ свободный духъ, который дорожитъ всѣми правами? Я принялъ это за случай и стала смотрѣть внимательнѣе; волна стояла, потомъ отхлынула и гордо удалилась отъ достигнутой цѣли; но часъ придетъ — она повторить свою игру.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Тутъ нѣтъ ничего для меня; все это мнѣ сто тысячи лѣтъ знакомо.

ФАУСТЬ.

Вотъ крадется волна; на тысячи концахъ,
Безплодная сама, безплодіе приносить,
Кипитъ, ростеть, водой на берегахъ
Пустыню чахлую заносить.
Полна могучихъ силъ здѣсь царствуетъ волна;
Прошла, но ничего не совершила.
И горько мнѣ и мнѣ, страшна
Стихія бѣшеной безсмысленная сила.
Смѣлый душа впередъ стремится;
Хочу бороться здѣсь, хочу здѣсь побѣдить!

И это возможно! гдѣ-бы не протекала волна, она огибаетъ каждый холмикъ; какъ-бы гордо она не разливалась, самое незначительное возвышеніе ее останавливаетъ, самая ничтожная глубина привлекаетъ.

И воть въ головѣ у меня рождается планъ за планомъ: хочу вкусить высокое наслажденіе, удалить властительное море отъ береговъ, стѣснить границы важнаго пространства и далеко отвести ихъ назадъ. Я зналъ какъ все это устроить. Вотъ мое желаніе, исполни же его.

(Звукъ барабановъ, и военная музыка).

МЕФИСТОФЕЛЬ. Это очень легко! — Ты слышишь барабаны?

ФАУСТЪ. Ужель опять война? Кто уменъ, тотъ ее не любитъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Война или міръ, — умно старанье извлечь для себя выгоды изъ всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ. Глядишь и выжидаешь всякое благопріятное мгновеніе. Вотъ тебѣ случай, пользуйся имъ.

И въ самомъ дѣлѣ, случай представился; страшный, сильный соперникъ тѣснитъ императора, которому Фаустъ служилъ уже прежде; государство въ опасности; Мѣфистофель убѣждаетъ Фауста принять участіе въ правомъ дѣлѣ императора. Фаустъ соглашается и магическими силами одерживаетъ побѣду. Императоръ награждаетъ вѣрныхъ сподвижниковъ браны и надѣляетъ Фауста тѣмъ самымъ берегомъ моря, который въ предыдущей сценѣ обратилъ на себя его вниманіе.

Довольно значительный промежутокъ времени отдѣляетъ четвертый актъ отъ пятаго. Неутомимая дѣятельность Фауста, устремленная на прямую, положительную цѣль, наполняетъ этотъ промежутокъ. Онъ отнялъ у моря кусокъ земли, затопленный ея волнами, обработалъ и населилъ его.

Первая сцена пятаго акта переносить насть на открытое мѣсто передъ моремъ. Приходитъ странникъ.

СТРАНИКЪ.

Вотъ онъ — густыя липы,
Тѣ-же въ старости своей;
И опять я ихъ встрѣчаю
Послѣ многихъ, долгихъ дней.
То же мѣсто, та же хата;
Тамъ радушная семья,
Утопавшаго въ пучинѣ
Гостемъ приняла меня.
Гдѣ-то нынѣ эти люди?
Гдѣ хозяева мои?
Ахъ! давно уже быть-можеть
Въ тихомъ гробѣ спать они.
Добры были эти люди;
Постучусь-ли снова въ дверь?
Можеть-быть они всѣ тѣ же;
Гостю рады и теперь?

БАВКИДА.

(сѣдая старушка)

Добрый странникъ, тише, тише!
Ты разбудишь старика!
Долгимъ сномъ онъ отдыхаетъ
Для короткаго труда.

СТРАНИКЪ.

Ты-ли, добрая старушка?
И тебя-ли вижу я?

Помнишь, какъ меня спасла ты,
Какъ лелѣяла меня?

(выходить мужъ).

Вотъ и онъ, радушный старецъ,
Мой спаситель Филемонъ.

Все добро, мои богатства
Изъ пучинъ вырвалъ онъ.

Подойду къ сѣдому морю
Къ безпредѣльному склонюсь;
Грудь полна живаго чувства,
Упаду и помолюсь.

ФИЛЕМОНЪ.

Тамъ, гдѣ ты въ пучинѣ моря
Беззащитно утопалъ,
Садъ раскинулся цвѣтами;
Влажный берегъ садомъ сталъ.
Вотъ, пока ослабли силы
У сѣдаго старика,
Море людямъ уступило,
И отхлынула волна.
Умныхъ баръ лихіе слуги
Растянули радъ плотинъ,
Рыли рвы и вмѣсто моря
Вышелъ новый господинъ.
Тамъ село, здѣсь лугъ и роща,
Тамъ роскошныя поля,

И раскинулась садами
Плодородная земля.

МАЛЕНЬКІЙ САДІКЪ.

(Всѣ троє сидятъ за накрытымъ столомъ).

БАВКИДА.

(страннику).

Зачѣмъ молчишь? Чѣдѣ не отвѣдаешь нашего хлѣба?
Ты долженъ быть голоденъ?

ФИЛЕМОНЪ. Ему хочется узнать о чудесахъ, которыя
здѣсь совершились. Вѣдь ты любишь болтать, разскажи-
же ему.

БАВКИДА. Да! это было точно чудо. И теперь еще
я не могу успокоиться, потому что все это дѣлалось
не совсѣмъ чисто.

ФИЛЕМОНЪ. Пустяки! онъ получилъ это мѣсто закон-
нымъ образомъ. Мы сами слышали объ этомъ всенаро-
дное объявленіе. Тамъ, не далеко отъ насъ, нача-
лись работы, раскинули шатры, построили хаты; а те-
перь, смотри, тамъ воздвигается цѣлый дворецъ.

БАВКИДА. По пустякамъ стучали слуги во время дня
топорами и лопатами; тамъ, гдѣ по ночамъ бѣгали
огни, утромъ стояла плотина; люди умирали жертвами
нечистаго дѣла. По ночамъ раздавались глухіе вопли;
къ морю стекали огненные потоки; а утромъ — явился
каналъ! Нѣть; баринъ — безбожникъ. Онъ добирается
до нашей бѣдной хаты, до нашей рощи; онъ щетинится,
какъ богатый сасѣдъ и требуетъ отъ насъ поклоновъ

ФИЛЕМОНЪ. Чтô-же? онъ предложилъ намъ хорошее мѣсто на новой землѣ.

БАВКИДА. Не вѣрь ты этому водяному краю, оставайся лучше на нашей безопасной вершинѣ.

ФИЛЕМОНЪ.

Подойдемъ къ часовнѣ нашей,
Будемъ солнце провожать,
Богу старому молиться
И на Бога уповать.

Вторая сцена происходитъ передъ новымъ дворцомъ. Faustъ, въ глубокой старости, задумчиво прохаживается; солнце садится; послѣдніе корабли съ богаты-ми товарами входятъ по каналу въ гавань. Въ это время раздается звонъ вечерняго колокола въ бѣдной ча-совнѣ Филемона и Бавкиды.

Фаустъ. Проклятый звонъ! Какъ онъ меня смущаетъ! Впереди мое владѣніе, кажется, безконечно; а тутъ, за спиной, меня мучить досада; завистливые звуки напоминаютъ мнѣ, что мое владѣніе не полно, что эти липы, эти старыя хаты, эта бѣдная часовня, — не мои. Захочу-ли тамъ отдохнуть, меня пугаютъ чужія тѣни...

Фаустъ, который такъ неутомимо стремится къ цѣли, завидуетъ бѣднякамъ; ихъ скучное владѣніе, этотъ жалкій кусокъ земли, на которомъ они живутъ и молятся, колятъ ему глаза. Между-тѣмъ корабли вошли въ гавань; они привезли богатые товары; сокровища міра сдѣлались достояніемъ Fausta, — а онъ завидуетъ клочку земли! его не радуютъ всѣ эти сокровища.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Съ наморщеннымъ челомъ, съ мрачными взглядами ты слышишь радостныя вѣсти о своемъ счастіи, между-тѣмъ какъ умъ одержалъ побѣду и море примирилось съ берегами. Отъ береговъ быстрымъ бѣгомъ уходятъ корабли въ открытое море; отъ этого дворца ты простираешь сильную руку надъ землею. Отсюда начнешь власть твоя; здѣсь стоялъ первый деревянный шатерь; здѣсь выкопали первую яму; а теперь по широкому каналу раздаются громкіе удары веселья. И не твоя-ли высокая мысль, не твой-ли трудъ одержали побѣду надъ моремъ и землею? Отсюда....

ФАУСТЬ. Проилятое *отсюда!* Оно меня и бѣсить. Тебѣ, оборотливому демону, я долженъ открыть что меня такъ мучитъ и чего я всѣ-таки стыжусь. Я бы не хотѣлъ, чтобы эти старики тамъ оставались на верху. Я бы желалъ имѣть эти липы; немногіе деревья портить все мое владѣніе. Я бы выстроилъ на мѣсто ихъ высокую башню, открылъ бы глазу широкое пространство и видѣлъ бы оттуда все, что я совершилъ. Однимъ бы взглядомъ я окинулъ огромный подвигъ человѣческаго ума; отсюда я бы придумалъ и устроилъ все что нужно.

О, какъ ужасно чувство малѣйшаго недостатка для богача! Звонъ этого колокола, благопоніе липъ для меня нестерпимо. И здѣсь разрушается все мое могущество; какъ избавиться отъ этой мысли! Колоколь гудить, а я въ отчаяніи!

МЕФИСТОФЕЛЬ. Разумѣется, какад-нибудь досада должна-же отправлять твои наслажденія. Я согласенъ;

всякому благородному уху непріятенъ этотъ рѣзкій звонъ.

Фаустъ. Упорное сопротивліе стариковъ, ихъ своимънравіе, портить мнѣ все. Я наконецъ устану быть справедливымъ.

Мефистофель. Да и что тебя останавливаетъ? Тебѣ давно пора заводить колоніи.

Фаустъ. Ступай же и отведи стариковъ. Ты знаешь прекрасное мѣстечко, которое я для нихъ выбралъ.

Но Мефистофель не раздѣляетъ филантропическихъ идей Фауста, который уже боится грѣха. Присутствіе Мефистофеля влечетъ за собою проклятие. Демонъ страшно исполняетъ данное порученіе: онъ поджигаетъ бѣдную хату стариковъ, которые вмѣстѣ съ гостемъ своимъ дѣлаются жертвами пламени, въ то время, когда несчастный Фаустъ мечтає о новомъ, покойномъ жилищѣ, устроенномъ для нихъ. Густой дымъ, который поднялся надъ развалинами хижины, расходится и превращается въ четыре страшныхъ привидѣнія: они приближаются къ дворцу въ видѣ безобразныхъ старухъ.

ПЕРВАЯ.

Я недостатокъ.

ВТОРАЯ.

А я вина.

ТРЕТЬЯ.

Я забота.

ЧЕТВРТАЯ.

А я нужда.

ВСЬ.

Дверь заперта; мы не можемъ войти;
Тамъ живетъ богачъ; къ нему нѣть пути!

НЕДОСТАТОКЪ.

Я въ тѣнь превращусь.

ВИНА.

А я въ ничто.

НУЖДА.

Отъ меня богачъ отвернетъ лицо.

ЗАБОТА. Вы, сестры мои, не можете дойти до него;
одна забота доберется и до богача.

(она исчезаетъ).

НЕДОСТАТОКЪ. Старые сестры, спѣшите за мной.

ВИНА. Я не отстану отъ тебя.

НУЖДА. И я пойду по твоимъ слѣдамъ.

ВСЬ.

Тучи проходятъ; звѣзды гаснутъ; а тамъ, позади,
издалека приходитъ братъ, приходитъ.... смерть.

ФЛУСТЬ. (во дворцу). Я видѣлъ четырехъ, а ушли
только три. Я не могъ понять, о чѣмъ они говорили.
Въ ихъ словахъ упоминалась нужда, и смерть отвѣ-
чала на этотъ звукъ. И все это было такъ глухо,
такъ отзывалось привидѣніями!... Ахъ! я еще отъ
этого не освободился, еще не могъ удалить отъ своего

пути колдовства, еще не разучился какъ заклинаютъ духовъ. О, если-бы я могъ одинъ стоять передъ тобой, природа, тогда-бы еще стоило быть чело-вѣкомъ.

И я имъ былъ въ то время, когда еще блуждалъ въ туманѣ, еще не проклялъ страшнымъ словомъ и себя и людей. А теперь воздухъ напитанъ привидѣніями и я не знаю, какъ отъ нихъ освободиться. Удастся-ли прожить одинъ хороший, ясный день, — ночь запутаетъ въ свои сновидѣнія. Мы идемъ домой съ цвѣтущаго поля, — вдругъ каркаетъ птица; о чѣмъ она каркаетъ? о несчастіи! Суевѣrie и рано и поздно запутываетъ насъ въ свои таинственные сѣти, привязывается къ намъ, пугаетъ и грозится; а мы, испуганныя, ост навливаемся и дрожимъ.... Дверь за-скрипѣла, а никого нѣтъ. (*Вздрогнувъ*). Есть-ли здѣсь кто нибудь?

ЗАБОТА.

Есть.

ФАУСТЬ.

Но кто-же ты?

ЗАБОТА.

Я здѣсь.

ФАУСТЬ.

Удались!

ЗАБОТА.

Я здѣсь на своемъ мѣстѣ.

ФАУСТЬ.

Остерегись, не произноси волшебныхъ заклинаній!

ЗАБОТА. Если ухо и не услышитъ твоего имени, сердце чуетъ мое присутствіе. Въ какомъ бы видѣ я ни являлась, я всегда страшна и могуча. По дорогамъ, надъ волнами я печальный товарищъ. Никто меня не ищетъ, а всѣ находятъ; всѣ проклинаютъ и всѣ мнѣ льстятъ. Ты никогда не зналъ Заботы?

ФАУСТЬ.

Я свѣтъ лишь мелькомъ пробѣжалъ,
За наслажденіе безсмысленно хватался;
Что было не по мнѣ, съ тѣмъ скоро разставался,
Что ускользало, отпускалъ.
И только требовалъ и только совершалъ,
А тамъ опять желалъ, а тамъ опять пытался;
И бурно прожилъ жизнь, сперва могучъ и смѣлъ,
Теперь, умно и ѡсторожно;
Я этотъ міръ вполнѣ уразумѣлъ,
А то, что тамъ, намъ видѣть невозможно.
Тотъ глупъ, кто съ мыслию пустой
Глядитъ туда безумными глазами
И думаетъ найти своихъ за облаками.
Здѣсь мѣсто для тебя! Здѣсь только твердо стой!
Зачѣмъ въ такую даль пускаться?
Кто самъ силенъ, тому и міръ не нѣмъ;
Что онъ пойметъ, за то онъ можетъ взяться:
И пусть доволенъ будетъ тѣмъ!

ЗАБОТА. Къмъ я только завладѣю, для того иѣть помощи на свѣтѣ. Его обниметъ вѣчный мракъ; солнце для него не взойдетъ и не закатится. Онъ не умѣеть обладать сокровищами. Радость и горе становятся въ глазахъ его пустыми бреднями; среди избытка и роскоши онъ умираетъ отъ голоду. И наслажденіе и слезы онъ откладываетъ на слѣдующій день, живеть только въ будущемъ и никогда не кончитъ дѣль своихъ.

ФАУСТЪ. Перестань! Ты этимъ меня не обманешь. Я не хочу слышать твоихъ нелѣпостей. Ступай; такая безмыслица хоть-кого съ ума сведетъ.

ЗАБОТА. Онъ не знаетъ, итти ли ему, или остаться, недостаетъ рѣшимости. Среди гладкой дороги, онъ ходить ощупью, неровными шагами; теряется больше и больше; на все смотритъ криво; онъ и себѣ и другимъ въ тягость; ему душно, онъ задыхается, но не задохнется; не покоряется и не отчаявается.

ФАУСТЪ. Отверженные демоны! Такъ издѣваетесь вы надъ человѣчествомъ; самые покойные дни вы запутываете страданіями. Трудно избавиться отъ демоновъ, трудно разорвать таинственную связь; но твоего могущества, Забота, я не признаю.

ЗАБОТА. Такъ узнай же его прежде чѣмъ я съ проклятиями тебя оставлю. Люди во всю жизнь свою жалкіе слѣпцы; ослѣпни-же и ты на закатѣ дней своихъ. (*Исчезаетъ*).

ФАУСТЪ. (*слѣпой*) Темная ночь посѣтила меня; но тамъ во мнѣ самомъ горитъ яркій свѣтъ. Спѣшу со-

вершить, что я задумалъ. Одно только слово властителя имѣть вѣсъ. Вставайте слуши! Исполняйте замыслы мои! —

Здѣсь наконецъ просыпается въ Фаустѣ горькое сознаніе проклятія, которымъ обременяетъ его страшное присутствіе демона. Фаустъ чувствуетъ необходимость нравственного очищенія. Самая благія намѣренія его превращаются въ преступленія отъ страшнаго содѣйствія Мефистофеля. Не даромъ стучится Забота въ двери несчастнаго богача; но тяжело ея присутствіе для Фауста; чары ему надобли; онъ отрекается отъ магіи; которая погубила его; отрекается отъ суетнаго стремленія за предѣлы здѣшняго міра, отъ познанія того, что недоступно прямому наблюдению, что предоставлено другому времени, другой жизни.

Фаустъ дышетъ свободнѣе; волшебный міръ духовъ уже не имѣть надъ нимъ привычнаго вліянія; будущее его не смущасть; ревностное исполненіе настоящихъ обязанностей успокаиваетъ дѣятельнаго слѣпца. Онъ трудится для человѣчества, и въ исполненіи своихъ благодѣтельныхъ намѣреній находитъ полную награду за благородные безкорыстные труды. И среди этой дѣятельности къ нему приходитъ смерть. Она застаетъ его за исполненіемъ его послѣдняго желанія.

Фаустъ. Болото тинется вдоль по горамъ: оно заражаетъ все, до чего я добился. Мое послѣднее желаніе состоять въ томъ, чтобы отвести отъ моихъ владѣній это вредное болото. Тогда-бы я открылъ новыя области цѣлымъ миллионамъ людей, и они бы посе-

лились тамъ въ дѣятельной свободѣ, хотя и не безопасно, на зеленыхъ, плодородныхъ поляхъ; привольно было-бы людямъ и стадамъ на новой землѣ, на холмахъ, взгроможденныхъ трудами человѣка; внутри раскинется роскошная земля; пускай разъяренное море нахлынетъ волнами, оно уступитъ общему сопротивленію и отойдетъ. Я весь преданъ этой мысли; въ ней заключается крайній выводъ человѣческой мудрости. Только тотъ достоинъ жизни и свободы, кто каждый день долженъ ихъ завоевать для себя. Такъ младенецъ, мужъ и старецъ, прожили-бы здѣсь, окруженные опасностями, свои назначенные сроки. На такую толпу хотѣлъ бы я взглянуть; съ вольнымъ народомъ стоять на свободной землѣ! Тогда-бы я могъ сказать мгновеню: Остановись! Тебѣ я радъ! — И цѣлые столѣтія не уничтожили бы слѣдовъ моего существованія.—Въ предчувствіи этого высокаго счастія я вкушаю теперь высшее мгновеніе жизни!

Роковое слово, на которомъ былъ основанъ договоръ съ Мефистофелемъ, произнесено; срокъ наступилъ и Фаустъ умираетъ. Мефистофель, окруженный Лемурами, принимаетъ свою добычу.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Никакое наслажденіе его не насытило, никакое счастіе его не удовлетворило; бѣднякъ, который такъ долго боролся со мною, хотѣлъ удержать послѣднее, дрянное мгновеніе. Время воцарилось; старикъ умеръ; часы остановились.

ХОРЪ. Остановились; они молчатъ, какъ полночь; стрѣлка ладаетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Падаетъ; все совершилось!

ХОРЪ. Все прошло.

МЕФИСТОФЕЛЬ. Прошло? Какое глупое слово? Зачѣмъ прошло? Все одно, что прошло, что не было? —

Мефистофель окружаетъ себя цѣлымъ легіономъ демоновъ, для того чтобы вѣриѣ удержать душу Фауста. Но имѣетъ-ли онъ право на эту душу? Выполниль-ли онъ условія договора? удовлетворилъ-ли желанія Фауста? успокоилъ-ли его чувствомъ самодовольствія? — Нѣтъ! Фаустъ на закатѣ дней понялъ свое назначеніе, и съ этихъ поръ вліяніе Мефистофеля потеряло надъ нимъ всю свою силу; неутомимая дѣятельность, употребленная на пользу человѣчества, строгое исполненіе обязанностей, которыя достались на его долю, успокоили Фауста въ послѣдніе дни его жизни.

Небесные ангелы спускаются на землю и уносятъ душу Фауста къ престолу вѣчного милосердія. Демонъ тмы, пораженный красотою чистыхъ ангеловъ свѣта, не можетъ удержать добычи, которую онъ неправедно присвоилъ себѣ.

Хоръ ангеловъ встрѣчаетъ душу Фауста. Спасенная грѣшница молится за него теплыми слезами: Маргарита, очищенная раскаяніемъ отъ своего невольнаго преступленія, теперь пришла заступницей Фауста къ подножію вѣчного трона, и ея молитвой, ея слезами, бѣдный труженикъ находитъ успокоеніе отъ тяжкихъ трудовъ земнаго странствія, отъ бурныхъ страстей и отъ сомнѣній, которыя вездѣ его преслѣдовали.

Вся эта картина спасенія Фауста проникнута трогательнымъ стремленіемъ души человѣческой, для которой земля только временная обитель. Душа — только гость на землѣ; ее ожидаетъ другая родина и она, освободясь отъ бренной одежды праха, улетаетъ на лоно любви и милосердія.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 099 661 308